

100-арх

W. $\frac{191.}{96.}$

С. РОНИН.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И РУССКИЕ БАНКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ Л. КРИЦМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУН. УН-ТА
ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА-МОСКВА-1926

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

✱

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

✱

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекаря немедленно.

✱

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

✱

Книги, полученные по междуbibliотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

✱

Возвращайте книги в установленные сроки.

✱

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

✱

Лица, виновные в злой порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

W 191
96

С. РОНИН

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И РУССКИЕ БАНКИ

К вопросу о финансовом капитале в России

ПРЕДИСЛОВИЕ А. КРИЦМАНА

XXVI-14709
18
67
БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУН. УН-ТА
ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА. МОСКВА—1926

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Дореволюционные русские банки отошли в область истории. Современная банковская система СССР, отделенная от дореволюционных русских банков периодом полной ликвидации всех банков, представляет собой нечто принципиально иное не только по своему классовому характеру, но и по своей организационной структуре.

Отошло в область истории и касательство иностранного капитала к русским банкам.

И тем не менее книга т. С. Ронина, являющаяся первой марксистской работой, посвященной русским банкам (литература о которых вообще невелика), представляет большой интерес с точки зрения современности, ибо она — преимущественно на основе недоступных до сих пор архивов, ставших доступными благодаря революции — позволяет нащупать факты, имеющие коренное значение для выяснения характера нашей революции.

Пролетарская революция приходит на смену системе финансового капитализма. Означает ли это, что русская пролетарская революция пришла на смену русскому финансовому капитализму?

Настоящая книга (содержание которой представляет несомненный интерес и во многих других отношениях) вполне основательно несет подзаголовок — к вопросу о финансовом капитале в России.

Работа т. С. Ронина документально показывает, что приведенная выше формулировка содержит в себе возможность неправильного подхода к вопросу.

Господство капитала достигло своего наивысшего известного в истории выражения в системе финансового капитала, покоящейся на сращении монополий банковского капитала с монополиями промышленного капитала, с одной стороны, и сращении этих монополий с капиталистическим государством, с другой,—сращении, обнажившемся в виде тенденций к государственному капитализму в эпоху мировой войны (тенденции к созданию государственно-капиталистических трестов, употребляя терминологию т. Бухарина).

Ближайшее применение этой абстрактной формулировки к России вскрывает мировой характер русской революции.

Системы русского финансового капитализма не существовало. В настоящей первой части своей работы т. С. Роинн, на основании подробного анализа русских банков, показывает, что русские банковские монополии¹⁾ являлись монополиями иностранного капитала. Банковских монополий туземного (русского) капитала не существовало.

Во второй части этой работы, подготовляемой к печати, он показывает, что и монополии промышленного капитала также являлись в основной своей части монополиями иностранного капитала.

Сращивание монополий банковского и монополий промышленного капитала было в России в основном сращиванием иностранного капитала с иностранным, т.-е. происходило не создание системы русского финансового капитала, а расширение сферы эксплуатации иностранного финансового капитала.

При этих условиях не было места и для сращивания монополий банковского и промышленного капитала с государством, сращивания, которое предполагает одинаковую социальную природу сращивающихся. А этого не было по двум причинам: во-первых, потому, что основным политическим партнером (основным его политическим выражением) для иностранного финансового капитала были иностранные государства; во-вторых, потому, что царизм был в основе своей не капиталистическим, а крепостническим государством.

¹⁾ Исключительная концентрация характерна не только для русской крупной промышленности, но, как показывает т. С. Роинн на примере сравнения с Германией, и для русских банков.

Отношения между монополиями капитала и царизмом были не отношениями сращивания, а отношениями одностороннего, хотя и не дошедшего до конца, подчинения государства русских помещиков монополиям капитала.

Далее. Иностранность есть понятие отрицательное — из иных стран, не из рассматриваемой страны.

Настоящая книга, путем анализа данных по всем крупнейшим русским банкам, показывает, что русские банки представляли собой, по сути дела, ничто иное, как две группы монополистов — сильнейшую к 1914 году французскую и более слабую — германскую¹⁾.

Русские промышленные монополии были в основном монополиями французского, германского и английского капитала.

Сращивание банковых и промышленных монополий направлялось в основном, как в пределах России, так и вне ее, по этим же трем линиям.

В итоге — вместо системы русского финансового капитала мы имели на территории России части трех могущественных систем финансового капитализма — французской, германской, английской (из которых две, французская и английская, стали, как известно, ко времени войны частями мощной коалиции „согласия“).

Здесь лежит корень мирового характера русской революции.

Крах русского капитализма есть в действительности явный крах мирового капитализма в России, выявившаяся часть еще не показавшегося целиком на поверхности явления краха мирового капитализма, краха, который, разумеется, есть не вещь, а процесс.

Поэтому развертывающееся в СССР строительство нового переходного к социализму хозяйственного и общественного строя является столь же убедительным доказательством того, что мы живем в эпоху мировой революции, как и разразившаяся в 1914 г. мировая война и последовавшие за ней революционные движения пролетариата.

Особо необходимо подчеркнуть еще следующее обстоятельство. То, что русская банковская система находилась в руках

¹⁾ Их борьба, преимущественно скрытая, только отмечена в настоящей книге и безусловно заслуживает подробного описания и анализа.

иностранного капитала, ни с какой стороны не означает, что русские банки орудовали, преимущественно, на иностранные капиталы. Т. С. Ронин показывает в настоящей книге, что русские банковские монополии иностранного капитала грабили Россию, опираясь не столько на средства, привлекаемые из-за границы, сколько на средства, поступавшие в их распоряжение в России, в частности, в значительной мере, через находившееся в зависимости от них царское министерство финансов.

Значение нашей революции в этой области состоит не столько в захвате иностранных капиталов, сколько в разрушении хищнической организации закабаления России при помощи поступавших в распоряжение иностранного капитала туземных средств.

Настоящая книга возникла в результате доклада автора в семинарии по русской экономике Института Красной профессуры, в котором иностранному капиталу в России было посвящено несколько докладов.

Л. Крицман.

От автора.

Литература, посвященная вопросам русской экономики, чрезвычайно скудна. В этих условиях проблема финансового капитала в России — тема весьма актуальная — вряд ли может быть поставлена в полном объеме. Для успешного ее разрешения необходимо проделать большую предварительную работу: подготовить ряд монографий по отдельным, охватываемым этой проблемой, вопросам.

Настоящая работа является попыткой дать монографию по вопросу о банковом капитале: о связи русских банков с иностранным капиталом и об их роли в развитии монополистического капитализма в России. Предлагаемая вниманию читателя книжка является первой частью этой работы.

Основным материалом для настоящего исследования послужили архивы Особейной Канцелярии по кредитной части б. министерства финансов.

ВВЕДЕНИЕ.

Вопрос о роли иностранного капитала в развитии русского капитализма сравнительно мало еще изучен. Имеющаяся по этому вопросу немногочисленная литература — в подавляющей своей части буржуазного происхождения и может быть использована, главным образом, как источник фактического материала. Но и в этой части дело обстоит не совсем благополучно. Коммерческая тайна не оставляла большого простора для исследователя. Только октябрьская революция, сделавшая многое тайное явным, впервые дала возможность проникнуть в эту „святая - святых“ капиталистического хозяйства.

Вряд ли нужно оговорить, что указанный вопрос представляет собой не только академический интерес. Проблемы нашего хозяйственного строительства: развертывание промышленности и взаимоотношения городской индустрии с крестьянским хозяйством — все это выступает более рельефно в свете исторического анализа темпа и характера развития капитализма в России. Последние же вопросы не могут быть разрешены без выяснения роли иностранного капитала в дореволюционном хозяйстве страны. Вполне понятен поэтому тот интерес, который обнаруживается за последнее время к нашему экономическому прошлому, в частности и к вопросу об иностранных капиталах в России.

В задачу настоящей работы не входит изучение роли иностранного капитала во всех видах и сферах его приложения. Круг нашего исследования ограничивается одной лишь областью — банковым делом, в частности акционерными коммерческими банками.

Огромная роль банков в развитом капитализме, в особенности в его новейшей, монополистической стадии, общеиз-

вестна. „По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки превращаются из скромной роли посредников во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм“¹⁾. Редко где указанная роль банков в превращении конкурентного капитализма в монополистический была так резко выражена, как в России. В старой капиталистической Европе, в частности в Англии, где развитие шло более медленным темпом, промышленный капитал нарастал постепенно. Накопление денежных капиталов протекало более равномерно и шло в ногу с развитием промышленности и ростом ее потребности в кредите. При таких условиях промышленность сравнительно легко находила на рынке нужные ей средства. За банками очень долго оставались лишь скромные посреднические функции. В дальнейшем, когда процесс концентрации вплотную привел к сращиванию банкового капитала с промышленным, последний выступил, как самостоятельная, равноправная сторона. Господство банкового капитала и подчинение ему промышленности в таких условиях не могло иметь места. Совершенно другую картину мы наблюдаем в России. Выступивший сравнительно поздно на арену истории российский капитализм шел вперед гигантскими шагами. Внутреннее накопление капиталов далеко отставало от спроса на них. Между тем, бурный темп развития и исключительно высокая степень промышленной концентрации пред'являли громадные требования к банковому кредиту. В результате — интенсивный процесс концентрации и централизации банкового дела и быстрое сращивание банкового капитала с промышленным при доминирующей роли первого.

Но, как известно, необычайно быстрый темп развития русской промышленности обязан в огромной степени иностранному капиталу. В еще большей мере это относится, как убе-

¹⁾ Ленин. — „Империализм, как новейший этап капитализма.“ Собр. соч., т. XIII, изд. 1924 г., стр. 258.

димся ниже, к банковому делу. Вот почему вопрос об иностранных капиталах в русских банках приобретает исключительно важное значение при анализе возникновения и развития финансового капитала в России.

Во избежание недоразумений считаем нужным оговорить, что мы отнюдь не склонны преувеличивать роль банков в процессе перехода капитализма от свободной конкуренции к монополии. „Финансовый капитал есть банковый капитал монополистически-немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников“¹⁾. Но сама концентрация банкового дела, порождающая банковую монополию, обусловлена концентрацией производства. „Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия“²⁾. Основная причина монополии заключается, следовательно, в условиях производства, в этом центр тяжести проблемы. Но так как предлагаемая работа не претендует на исследование вопроса во всем его объеме, и основной нашей темой является роль банкового капитала в развитии монополистического капитализма в России, то вполне естественно, что главное внимание нами уделяется банкам и их взаимоотношениям с промышленностью. Мы исследуем, таким образом, преимущественно лишь „один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм“.

При анализе взаимоотношений наших банков с промышленностью мы исходим из следующего положения Ленина: „Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала точно узнавать состояние дел у отдельных капиталистов, затем контролировать их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита и, наконец, всецело определять их судьбу, определять

¹⁾ Ленин. — „Империализм, как новейший этап капитализма.“ Собр. соч., т. XIII, изд. 1924 г., стр. 305.

²⁾ Там же, стр. 272.

их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.¹⁾ Следует, однако, указать, что развитая в приведенной цитате точка зрения, совпадающая со взглядами Гильфердинга²⁾, не является общепризнанной. В виду кардинальной важности вопроса считаем нелишним остановиться на этом моменте более подробно.

В своей критике „Финансового капитала“ А. Финн-Енотаевский оспаривает, в частности, мнение Гильфердинга о доминирующей роли банков в новейшей стадии капитализма. При этом критик упрекает автора не в том, что тот часто рассматривает отношения банков с промышленностью слишком односторонне, не подчеркивая в достаточной мере момента сращивания — такой грех у Гильфердинга есть. Финн-Енотаевский опровергает самое стремление банков к участию в промышленности. „В противоположность Гильфердингу, — пишет Финн-Енотаевский, — ряд наиболее компетентных буржуазных экономистов, и во главе их Риссер и Лифман, считает, что участие (курсив автора) в индустрии, как банковая операция, в развитых капиталистических странах — уже пройденная ступень... Новая идея этих последних банков (современных. С. Р.) — не участвовать в индустриальных и других предприятиях и тем не менее заработать на них, не посредством дивидендов, которые эти предприятия дают, но посредством дифференциальной прибыли, которую получают при выпуске акций. Современные банки служат этой идее, а не идее подчинения себе индустрии... Крупные банки становятся лишь во главе индустриального кредитного посредничества“. (Курсив автора)³⁾.

¹⁾ Ленин. — „Империализм, как новейший этап капитализма“. Собр. соч., т. XIII, изд. 1924 г., стр. 261. Курсив автора.

²⁾ Мы этим отношением не утверждаем, что теории империализма Ленина и Гильфердинга идентичны. У Гильфердинга, как правильно отмечает тов. Степанов в предисловии к „Финансовому капиталу“ (изд. 1922 г.), местами „выходит, как будто характерные черты заключительной фазы капитализма созданы не развитием производительных сил, а самостоятельной автономной эволюцией ссудного капитала с присущими ему внутренними закономерностями“.

³⁾ А. Финн-Енотаевский. — „Современный капитализм“. „Современный мир“, 1913, № 12, стр. 146. См. также „Экономическая система Карла Маркса“ того же автора.

Совершенно очевидно, что точка зрения Финн-Енотаевского находится в резком противоречии с положением Ленина о превращении современных банков „из скромной роли посредников во властных монополистов“. Но особенно интересно то обстоятельство, что призванные нашим критиком в свидетели буржуазные экономисты показывают как раз обратное тому, что он им приписывает. И Риссер, и Лифман утверждают лишь одно, что связи современных банков с промышленностью, в отличие от банков эпохи *Crédit Mobilier*, строятся не столько на прямом участии (по терминологии *Jeidels'a*), т. е. на сохранении банками в своих портфелях значительной части акций финансируемого предприятия, сколько на контокоррентных кредитных отношениях, находящих свое завершение в эмиссии и персональной унии. Они, таким образом, отнюдь не отрицают самого факта широкого участия банков в промышленности. Чтобы не быть голословным, приведем некоторые выдержки из упомянутых авторов.

Указывая на различия в деятельности германских банков до и после 1870-х годов, Риссер отмечает, что во вторую эпоху случаи „длительного прямого участия банка в предприятии“¹⁾ являются исключением. Речь идет у Риссера, следовательно, не об участии вообще, а лишь об одной из форм участия. Развивая далее на протяжении многих страниц ту мысль, что основой промышленной деятельности банков является контокоррент, приводящий в конце концов к эмиссии, Риссер заявляет: „Такая эмиссия так тесно стягивает узы между банками, как главными представителями капиталистического хозяйства, с одной стороны, и промышленностью — с другой, что они после этого оказываются связанными между собой на жизнь и на смерть“ („auf Gedeih und Verderb“²⁾). Как видит читатель, картина не совсем укладывается в рамки „индустриального кредитного посредничества“...

Что касается Лифмана, то казалось бы, что его скрупулезное разграничение понятий меньше всего оставляет места для недоразумений. В главе, трактующей об „участии и обществах участия“, Лифман совершенно ясно заявляет: „Мы рассмат-

¹⁾ Riesser. — „Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration“ 1910. S. 265.

²⁾ Ibid. S. 284.

риваем здесь, однако, только участие путем приобретения ценных бумаг¹⁾. Все дальнейшие его рассуждения об участии банков в промышленности относятся именно к этому способу прямого участия.

По сути дела, как Риссер, так и Лифман, исходят в своем исследовании промышленной деятельности современных банков из анализа Jeidels'a²⁾. Последнему же принадлежит и положение о прямом участии, как о пройденной ступени, в банковом деле. Но тот же автор, наряду с этим, перечисляет много других форм связи банков с промышленностью, свойственных новейшей эпохе. Таковыми являются: 1) контокоррентные отношения, 2) эмиссия и 3) введение представителей банка в наблюдательный совет предприятия. Что касается 4-й формы — прямого участия, основанного на владении акциями предприятия, то Jeidels указывает, что только по отношению к немногим предприятиям банк считает целесообразным держать в своем портфеле в течение долгого времени значительные пакеты их акций. Обычно банки обеспечивают себе большинство голосов на общих собраниях акционеров того или иного предприятия тем, что скупают накануне собраний соответствующее количество акций, которые, по миновании надобности, пускаются ими в продажу. Кроме того, банки пользуются для той же цели находящимися в их портфелях акциями клиентов. Мотивы „участия крупных банков в промышленности“ сводятся, по словам Jeidels'a, в основном к стремлению добиться влияния в отдельных промышленных предприятиях в интересах проведения „крупной промышленной политики“ — включение того или иного предприятия в синдикат, укрепление позиции банка в связи с предстоящими фузиями и т. д. Банки, указывает далее тот же автор, не ограничиваются эмиссией. Они стремятся к завязыванию контокоррентных отношений и приобретению влияния на предприятие. В этом и заключается отличие современных банков от учреждений типа старого *Crédit Mobilier*, связь которых с финансируемым предприятием прерывалась немедленно

¹⁾ R. Liefmann. — „Beteiligungs und Finanzierungsgesellschaften“. 4 Aufl. 1923. S. 60—61.

²⁾ Риссер так и указывает, что в основу его рассуждений о взаимоотношениях банков и промышленности положены исследования Jeidels'a.

после того, как они сбывали его акции. Если в прежнее время задачей банков было поощрять развитие промышленности („die Industrie anzuregen“), то ныне речь идет о том, „чтобы ею овладеть“. „Основной задачей банков является теперь не создание капиталов, а управление и руководство капиталами“¹⁾.

Стоит только сравнить точку зрения Jeidels'a („писателя, по словам Ленина, лучше всех изучившего дело“) с приведенными выше соображениями Финна-Енотаевского, чтобы убедиться, что ссылака последнего на компетентных буржуазных экономистов является сплошным недоразумением. Вопреки Финну-Енотаевскому, „новая идея“ современных банков, по свидетельству всех знатоков дела, именно и заключается в широком участии в промышленности в целях проведения крупной промышленной политики. При этом нельзя также преуменьшать роль прямого участия. По словам Лифмана, „отнюдь не является редкостью“, что банк не эмитирует акции финансируемого им предприятия, оставляя все эти бумаги у себя. „Сплошь и рядом“ банки сохраняют в своем портфеле часть выпущенных ими промышленных акций²⁾. По справедливому замечанию Лифмана, очень многие современные банки приближаются к типу финансовых обществ, отличительной чертой которых и является прямое участие в предприятиях³⁾. Но и самое строгое разделение труда в банковом деле вовсе не означает, как известно, разделения интересов между депозитными банками и финансовыми обществами. Что касается русских банков, то, как убедимся ниже, прямое участие в промышленных предприятиях занимало в их деятельности весьма почетное место. От своих иностранных патронов, крупных германских учредительских банков¹⁾ и французских „banques d'affaires“, они отличались лишь тем, что в силу сравнительной бедности страны в их задачу входило одновременно и „создание капиталов“ и „управление капиталами“.

Для изучения роли банков в системе финансового капитала в России наибольший интерес представляет период предвоенного промышленного подъема и ближайшие к нему годы депрессии. Зависимость наших банков от заграницы и сраще-

¹⁾ Jeidels. — „Das Verhältnis der deutschen Grossbanken zur Industrie“. 1905. Schmollers Forschungen, B. XXIV. S. 108—109.

²⁾ Liefmann. S. 112.

³⁾ Ibid. S. 558.

ние банковского капитала с промышленным получили в 1906—13 гг. наиболее яркое выражение. Вот почему центр тяжести нашей работы сосредоточен на этом периоде. На промышленном под'еме 1890-х гг. мы останавливаемся лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения генезиса финансового капитала.

При определении удельного веса иностранного капитала в русском банковом деле было бы совершенно недостаточно ограничиться одним только количественным анализом: вычислением доли участия иностранных кредитных учреждений в основном капитале русских банков и т. п. Количественный подсчет сам по себе еще не решает вопроса. Необходимо также учесть форму связи иностранных банков с русскими, степень координации их деятельности и направление последней. Но само собой понятно, что установление типа связи немислимо без детального количественного учета.

По каким же источникам и по каким признакам могут быть определены размеры участия иностранного капитала в русских банках и банкового капитала в промышленности?

Что касается участия за границы в основном капитале наших банков, то наиболее надежным источником, откуда можно почерпнуть некоторые сведения по этому вопросу, являются данные самих банков о результатах распределения каждого выпуска их акций ¹⁾. Сообщения эти, однако, сравнительно редко отличаются достаточной полнотой. Чаще они содержат только общие указания, в роде того, что весь выпуск разобран владельцами старых акций и т. п. В лучшем случае отмечается количество акций, размещенных за границей. без дальнейшего подразделения по странам. При пользовании указанными данными приходится, конечно, иметь в виду, что не все акции прочно оседали там, где они были первоначально размещены. При текучести биржевого материала переход бан-

¹⁾ Данные эти сообщались банками в Особую Канцелярию по кредитной части — учреждение, имевшее своей задачей „об'единение деятельности всех кредитных учреждений государства“ и, в частности, также надзор над деятельностью акционерных коммерческих банков. Так как каждый шаг русских банков был строго регламентирован, и им часто приходилось отчитываться перед министерством финансов, то архивы Кредитной Канцелярии представляют собой сравнительно богатый материал для истории банкового дела. К сожалению, не все материалы Кредитной Канцелярии уцелели, а из сохранившихся — не все еще приведены в удобочитаемое состояние.

ковских акций из России за границу и обратно был обычным явлением. О точных подсчетах, при таких условиях, говорить, следовательно, не приходится. Зато в отношении достоверности указанный источник является одним из наиболее надежных.

Значительно меньшей полнотой отличаются данные банков о составе их акционеров, участников общих собраний. Дело в том, что к собраниям обычно представлялась сравнительно небольшая часть общего количества акций банка, в среднем от 20 до 50%. Полного представления о распределении акций между отдельными держателями подобного рода данные... дать не могут, но тем не менее они чрезвычайно ценны. Изучая из года в год списки лиц, присутствовавших на общих собраниях (на собраниях присутствовали, главным образом, крупные акционеры), легко убедиться, какие именно учреждения и лица фактически распоряжались судьбами того или иного банка. В тех нередких случаях, когда в отчетах банков отсутствуют сведения о составе участников общих собраний, приходится прибегать к соответствующим заметкам в финансовой и общео-экономической прессе. Но данные эти крайне отрывочны и скудны. Обычно перечисляются поименно только крупные акционеры, при чем критерий „крупности“ берется весьма произвольный. Для систематического наблюдения за движением акционеров информация прессы редко дает достаточный материал. В большинстве случаев в этих заметках перечисляются только лица и учреждения, представившие свои акции для участия в собрании, но не дается перечня фактических участников собрания. Отсутствуют также указания, участвовал ли тот или иной акционер в собрании лично или по доверенности. Между тем, без всех этих указаний часто бывает очень трудно установить, имеем ли мы дело с действительными акционерами или с подставными лицами, действующими от чьего либо имени. По изложенным соображениям за материалами прессы приходится признать только вспомогательное значение.

Одним из показателей участия иностранного капитала в том или ином русском банке может служить котировка акций последнего на заграничных биржах. Содействие, оказанное местным кредитным учреждением банку при введении его акций в биржевой оборот, обычно свидетельствует о тесной связи между обоими учреждениями. Некоторые выводы такого же рода могут быть сделаны на основании того, в каких ино-

странных кредитных учреждениях принималась подписка на акции банка. По месту приема подписки не всегда, однако, можно судить о действительных участниках выпуска, так как каждый из участвующих в эмиссии крупных банков, для ускорения реализации, обычно группирует вокруг себя несколько мелких, примыкающих к нему учреждений.

Весьма показательно также присутствие в органах управления русского банка представителей иностранных кредитных учреждений. Но только все перечисленные показатели вместе взятые, дополняя друг друга, могут служить достаточным основанием для определенных выводов.

При учете влияния иностранного капитала на русскую банковую систему должна быть принята во внимание не только доля заграницы в основном капитале банков, но и степень участия иностранных банков в снабжении дружественных им русских клиентов краткосрочными, оборотными средствами. О значении этих краткосрочных кредитов можно судить по тому, что ими в значительной мере определялось тяготение наших банков к тому или иному европейскому денежному центру. Сплошь и рядом, особенно в последние годы перед войной, мы наблюдаем такие явления, что русские банки с преобладанием германского капитала оказываются в весьма близких отношениях с Парижем, как источником более дешевых денег. Наши банки часто прибегали к кредиту за границей не столько в виду невозможности найти нужные средства внутри страны, сколько благодаря сравнительной дешевизне денег на более богатых европейских рынках. Потребность банков в оборотных кредитах была тем сильнее, что собственные капиталы ими использовались для таких операций, которые были связаны с более или менее длительной иммобилизацией средств.

Наиболее достоверным источником для определения размеров краткосрочных позаймований наших банков за границей могла бы служить банковая отчетность. К сожалению, нам пока не удалось воспользоваться материалами банковских архивов. Приходится поэтому ограничиваться частью уже опубликованными И. Левиным данными, полученными в результате анкетного опроса банков, частью — сведениями Кредитной Канцелярии. В отличие от анкетных материалов, весьма отрывочных и далеко не полных, данные Кредитной Канцелярии, составленные на основании официальных сообщений банков,

отличаются большей точностью и детальностью. Главный их недостаток заключается лишь в том, что они характеризуют положение вещей лишь в один определенный момент (они относятся к августу 1914 г.) и не дают картины движения этих кредитов.

Связь наших банков с заграницей по линии краткосрочного кредита может быть обнаружена и по банковым балансам — по движению пассивных корреспондентских счетов. Необходимо, однако, оговорить, что более или менее точного представления о величине этих кредитов названные счета дать не могут, так как под ними скрываются также сношения банков с их корреспондентами в России, ссуды Государственного банка и т. п.

Для характеристики взаимоотношений иностранных банков с русскими и направления их общей деятельности наиболее богатым материалом являются их деловая переписка, протоколы совместных заседаний их руководителей, заключенные между ними договоры и относящаяся к этому делу переписка заправил крупнейших заграничных банков с министерством финансов. К сожалению, не все документы этого рода сохранились в архиве Кредитной Канцелярии.

Переходя к вопросу об источниках и методах исследования взаимоотношений банков с промышленностью, необходимо указать, что они еще более сложны и многообразны. Меньше всего дают в этом отношении банковские публичные отчеты. Характерно, что до 1901 г. у русских банков совершенно отсутствовали счета „длительного участия“, „участия в синдикатах“ или „консорциального участия“ — счета, встречаемые, например, в германских банках и иллюстрирующие хотя в некоторой степени их промышленную деятельность¹⁾. Те немногие банки, которые под давлением министерства финансов завели у себя подобный счет, отнюдь не стали заносить туда все соответствующие операции, так что никакого решительного представления о размерах финансирования промышленности этот счет не дает. Последнее, собственно, неудивительно. Помимо общих причин, побуждающих банки пре-

¹⁾ То, что боится света, скрывается у германских банков под рубрикой „дебиторы“.

вращать свои балансы в неудобочитаемые иероглифы¹⁾, наши банки имели еще ряд дополнительных мотивов скрывать свои связи с промышленностью. Достаточно сказать, что по „нормальному“ уставу банкам не разрешалось ни участвовать в подписке на промышленные бумаги, ни гарантировать их помещение. Будучи формально весьма стеснены в своей деятельности, банки в большинстве случаев проводили свои операции с промышленными предприятиями по корреспондентскому счету, в частности по conto loro. По весьма компетентному свидетельству счет этот „обозначает, между прочим, участие банка в размещении фондовых и дивидендных ценностей, в предоставлении промышленным предприятиям предварительного, так сказать, промышленного кредита до консолидации такового в форму акционерного или облигационного выпуска, подлежащего размещению при участии банков и, наконец, (участие банка в предоставлении кредитов) более обычного вексельного кредита долгосрочных“²⁾. Установить по состоянию conto loro размеры участия банков в промышленных предприятиях представляется, все же, невозможным, так как по этому счету проводились также обычные корреспондентские операции и, вообще, по выражению одного банковского деятеля, „все то, что банки не могут или не хотят показать“. В лучшем случае по движению conto loro можно судить лишь о самых общих тенденциях в развитии промышленной деятельности наших банков.

Помимо счета loro (в частности под обеспечение негарантированными бумагами и бланко), финансирование и кредитование промышленности находило свое отражение в банковых

¹⁾ Балансы многих акционерных обществ похожи на те известные из эпохи средних веков палимпсесты, на которых надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящие под ними знаки, дающие действительное содержание рукописи. „Die Bank“ 1914. I, 545. Цит. у Ленина „Империализм“... стр. 274. Больше всего эта характеристика применима к банковым балансам. Необходимо также отметить, что пользование банковскими отчетами и балансами затруднено еще тем, что они далеко не однообразны.

²⁾ „О желательных изменениях в постановке акционерного банковского дела в России“. Записка Комитета Съездов представителей акционерных коммерческих банков. П. 1917. По словам И. Левина нередко одно предприятие имело у банка несколько корреспондентских счетов. Делалось это для обхода закона, по которому один клиент не мог пользоваться кредитом не больше, чем на 1/10 собственного капитала банка.

отчетах в движении онкольных ссуд и портфеля ценных бумаг. Односторонний on call заменял у русских банков в их отношениях с крупными предприятиями обычный в таких случаях на Западе контокоррент¹⁾. Кроме того „on call“ служил для русских банков тем наркомом, к которому они регулярно прибегали в целях расширения емкости рынка. При бедности русского денежного рынка проведение крупной эмиссии обычно требовало большой и длительной помощи со стороны банков. Так как эмиссии—операции весьма прибыльные—следовали часто одна за другой, то для облегчения их реализации банки должны были оказывать широкий онкольный кредит под эмитированные ценности²⁾. Таким образом, значительное количество выпущенных бумаг скоро возвращалось в банковые портфели, а в моменты денежного стеснения или кризиса застревало там весьма прочно.

Что касается портфеля ценных бумаг, принадлежащих банку, то наряду с бумагами, приобретаемыми банками для временных спекулятивных целей³⁾ или для помещения свободных средств, он часто мог „заключать в себе участие банка в учредительстве или финансировании посредством покупки бумаг за свой счет“⁴⁾. По ведомости собственных ценных бумаг не всегда, однако, можно судить о прочной заинтересованности банка в промышленном предприятии. По справедливому замечанию Риссера слишком богатый банковый портфель вообще не служит положительным признаком. Он очень часто является следствием неудачных операций с ценными бумагами („unfreiwilliges Effektengeschäft“—по выражению

¹⁾ „От контокоррента специальный текущий счет „on call“ отличается своей односторонностью, а от простой ломбардной операции—бессрочностью ссуды и неопределенностью, как самой ссуды, так и предмета залога. Односторонний характер онкольной операции выражается в том, что сальдо счета выводится всегда в пользу банка, ибо банк всегда выступает в роли кредитора, а клиент только в роли дебитора. Бессрочность ссуды выражается в том, что отношение по специальному счету „on call“ может быть прекращено в любой момент по заявлению (on call) одной из сторон: банка или клиента“. Б. Бухвальд.—„Техника банковского дела“. Москва, 1914 г., стр. 45—46.

²⁾ В этом отношении on call играл у наших банков роль репорта.

³⁾ Спекулятивные цели нами противопоставляются длительному участию; отсюда, однако, отнюдь не следует, что способ длительного участия лишен спекулятивных элементов. Ср. Ленин, цит. соч., стр. 275.

⁴⁾ J. Lewin.—„Der heutige Zustand der Aktienhandelsbanken in Russland“. 1912, S. 71.

Риссера). В отличие от учреждений времени бр. Перейра, банки более поздней эпохи, как отмечалось выше, обеспечивают свое влияние на промышленные предприятия не столько путем сохранения за собой подавляющей части их акций, сколько посредством кредитных отношений. Наличие у банков крупных пакетов промышленных бумаг часто имеет, в таком случае, своей причиной или неудачно проведенную эмиссию, или неблагоприятную биржевую конъюнктуру, мешающую выгодному сбыту бумаг. По состоянию банковского портфеля можно судить о длительном участии лишь в том случае, когда мы из года в год встречаем в банковской ведомости собственных ценных бумаг акции одного и того же предприятия. Но и это не означает, конечно, что в распоряжении банков находилось лишь то количество акций, которое показано в его отчете по упомянутой ведомости. Сплошь и рядом мы наблюдаем, что банки располагают на общих собраниях акционеров того или иного предприятия пакетами акций, во много раз превышающими их собственные. Банки в подобных случаях используют чужие акции, находящиеся у них в депо или в обеспечение счета их клиентов ¹⁾. Таким образом о степени влияния банка на промышленные предприятия больше всего следует судить не по состоянию банковского портфеля, а по количеству акций, представленных банком к собранию акционеров предприятия. В этом отношении сравнительно богатый фактический материал дают списки акционеров, участников общих собраний промышленных предприятий. ²⁾

¹⁾ „Банки часто включают в свои правила пункт о предоставлении им осуществления в общих собраниях права голоса по хранящимся у них акциям, поскольку от собственника акций в каждом отдельном случае не поступит иных распоряжений. Таким путем банки создают себе иногда в общих собраниях большинство, не будучи собственниками особенно значительного количества акций“. Б. Бухвальд, стр. 382.

²⁾ Данные о составе акционеров многих промышленных предприятий, главным образом, за 1913 — 14 г. нами заимствованы из архива министерства торговли и промышленности, в частности из дел возникшего в годы войны Особого Делопроизводства по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями. Последнее имело целью выяснить, не находится ли то или иное предприятие под влиянием „подданных враждебных России держав“. В связи с этим от промышленных предприятий были затребованы подробные сведения технического, коммерческого и финансового характера, в том числе также списки акционеров и указания, какие кредитные учреждения принимают ближайшее участие в деятельности предприятия.

Для характеристики отношений банков с промышленностью весьма показательны случаи персональной унии: присутствие членов правления и совета банка в правлении предприятия и „капитанов индустрии“ в совете банка. Подобного рода унию можно наблюдать у нас еще в 90-х годах. Преобладающей формой связи она становится, однако, лишь в XX веке, главным образом, в годы промышленного подъема.

Что касается непосредственной связи промышленных предприятий с иностранными банками, то об этом можно судить по котировке акций того или иного предприятия на зарубежных биржах, по списку кредитных учреждений, удостоверения которых (взамен подлинных акций) давали право участия в общих собраниях акционеров предприятия, по месту приема подписки на выпущенные предприятием акции и облигации и, в меньшей степени, по месту выплаты дивиденда ¹⁾. Представителями заинтересованных иностранных кредитных учреждений часто выступали в подобных случаях патронируемые ими русские банки.

В заключение отметим, что необходимо относиться с большой осторожностью ко всякого рода выкладкам официальной статистики об удельном весе иностранных капиталов в русском народном хозяйстве. В этих вычислениях явно преобладала тенденция к умалению значения иностранного капитала. Для этого, при определении национальной природы банка или промышленного предприятия, придерживались такой классификации: если предприятие работает по русскому уставу, то его безоговорочно зачисляли в категорию русских предприятий ²⁾. По поводу этой классификации Л. Воронов совершенно резонно замечает: „Казалось бы довольно странным исключить капитал из числа признаков, характеризующих деятельность предприятий, когда ставится вопрос именно о капитале. Тем не менее в правительственных сферах и большинством частных исследователей принята юридическая классификация, значи-

¹⁾ Ср. Jeidels, S. 127.

²⁾ „Национальность акционерного общества должна определяться не составом акционеров о-ва или членов его правления, а порядком их учреждения, при чем акционерные компании, уставы коих высочайше утверждены по положению совета министров, являются русскими акционерными предприятиями“. Особый журнал совета министров от 14 августа 1914 г. Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст., 1914, № 92/77.

тельно принижающая размер оперирующего в России иностранного промышленного капитала". Такого рода классификация, как правильно указывает тот же автор, ведет к весьма странным недоразумениям. „Министерство финансов считает, что в течение 1898 года в России открыли действие 24 иностранных предприятия, а бельгийцы утверждают, что число их предприятий в России увеличилось в этом году на 35... Можно думать, что иностранцам ближе знать, в какие предприятия они поместили свои сбережения, и что им принадлежит“¹⁾).

Точно таким же образом учитывались эмиссии ценных бумаг. То, что было выпущено на внутреннем рынке, считалось вложением русского капитала, не взирая на то, что эмиссии эти проводились во многих случаях при ближайшем участии иностранного капитала, действовавшего под фирмой русских банков.

В результате этих статистических упражнений получилось совершенно неверное представление об удельном весе иностранного капитала в России. Недостаточно критическое отношение к данным официальной статистики послужило для ряда исследователей источником неправильных выводов. На этой же ложной основе покоится в известной мере и тот довольно распространенный взгляд, по которому русское народное хозяйство в XX веке все более эмансипировалось от влияния иностранного капитала. Подробно мы на этой точке зрения остановимся в своем месте. Здесь же отметим лишь всю курьезность того положения, по которому именно те годы, когда русская банковая система оказалась на $\frac{3}{4}$ монополизированной в руках двух иностранных банковых групп, а вся тяжелая индустрия и многие отрасли легкой были синдицированы и тесно сращены с монополистическим банковым капиталом, — именно эти годы считаются периодом „национализации“ русского капитализма. Никакие подсчеты роста внутреннего накопления не могут опровергнуть основного и решающего факта — включения российского капитализма в сферу влияния европейского финансового капитала. В этом и заключается особенность монополистического банкового капитала, что он путем участия и контроля управляет такими средствами, которые во много раз превосходят его собственные.

¹⁾ Л. Воронов. — „Иностранные капит. в России“. Москва, 1901, стр. 22—24.

1

В том-то и вся суть, что, несмотря на растущее внутреннее накопление, иностранные банковые группы, владея лишь около $\frac{1}{8}$ основного капитала русских банков и еще менее значительной частью капиталов русской промышленности, сумели подчинить себе все хозяйство страны с царским правительством в придачу. В последующем изложении попытаемся это доказать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Связи русских банков с иностранным капиталом до 1890-х годов.

Пореформенная русская экономика, наряду с ростом денежного хозяйства и усиленным железнодорожным строительством, вызвала к жизни и другой необходимый атрибут капиталистического хозяйства — коммерческий кредит. Вслед за Государственным банком, учрежденным „для оживления торговых оборотов и упрочения денежной и кредитной системы“, возникают один за другим и частные акционерные коммерческие банки. В 60-х и 70-х г. г. министерство финансов было завалено проектами об учреждении акционерных банков. Почти все проекты этого рода мотивируются потребностями растущего торгового оборота и железнодорожного строительства. В конце 60-х и в начале 70-х годов организация новых банков принимает характер учредительской горячки. Развитие банковского дела идет параллельно с развитием железнодорожной сети и товарного обращения и ростом промышленности. За 1868—1873 г. г. было основано 26 банков — около 60% всех функционировавших в 1913 году акционерных коммерческих банков. К 1894 году число банков достигло 34.

Уже у колыбели русских банков стоял иностранный капитал. Иностранные кредитные учреждения и раньше еще обнаруживали живой интерес к насаждению в России коммерческого кредита. В 1859 г. возникает по германской инициативе проект учреждения в России банка, типа *Crédit Mobilier*, под названием „Главное банковое и торговое Общество“,

с громадным для того времени капиталом в 50 милл. руб. Программа деятельности Общества была намечена чрезвычайно обширная. „Торговля, ремесла, мореплавание, кредит в самом обширном смысле, приобретение недвижимых имуществ, рудников, фабрик, заводов и пр., все входит в план действий кампании“¹⁾. План этот, однако, не был реализован, очевидно, в силу своей грандиозности.

Из множества аналогичных попыток следует отметить и другой проект, исходивший из Лондона, об основании „Англо-Русского банка“ с первоначальным капиталом в 2,5 милл. ф. ст. (1863 г.). В своем заключении по этому делу министр финансов Рейтерн очень сочувственно высказывается об использовании иностранного капитала в банковом деле. „Учреждение банков на иностранные капиталы, — пишет Рейтерн, — имеет еще то важное преимущество, что обогащает страну вдруг значительным капиталом, на образование которого потребовались бы многие годы“. Отмечая недостаток оборотных средств во всех отраслях промышленности и земледелия, он указывает, что „недостаток этот может быть в короткое время пополнен, и кредит распространен в обществе, очевидно, только посредством перевода к нам капиталов из стран, где они находятся в изобилии, а лучшим к тому средством служит образование банков на иностранные капиталы“. Приведенное суждение весьма характерно для настроений руководящих финансовых кругов того времени. Но не менее показателен и финал этой истории. После того, как проект благополучно прошел все правительственные инстанции, оказалось, что главный учредитель банка, англичанин Устер, неизвестно — где скрывается, а его соучастники — подставные лица, которые лишь „одолжили свои имена“... Ниже мы увидим, что министерству финансов и позже очень не везло с привлечением английских капиталов в банковое дело.

Наряду с немцами и англичанами изоощряются в проектах и французы. Инициатива исходит здесь преимущественно из кругов, близких к *Crédit Mobilier*. Все попытки создания в России банка исключительно на иностранные средства неизменно терпят неудачу, в большинстве случаев, из-за отказа

¹⁾ И. Левин. — „Акционерные коммерческие банки в России“, т. I, стр. 133. Приводимые нами без указания источника фактические данные, относящиеся к разбираемому периоду, заимствованы у того же автора.

предоставить этим банкам особые льготы монополии. В России возникает между тем по местной инициативе целый ряд частных коммерческих банков. Иностран-
ный капитал, прилив которого в страну к этому времени заметно усилился, начинает вовлекать в свое русло и банков-
ное дело. Первые частные банки были созданы почти исклю-
чительно на русские капиталы, при широком содействии казны.
После того, как эти банки доказали свою жизнеспособ-
ность и стали давать значительные дивиденды, иностранный
капитал все более заинтересовывается этой новой сферой
деятельности. Иностранные кредитные учреждения принимают
участие в основании новых банков, способствуют увеличению
их капитала и снабжают их оборотными средствами. Они
зывают своих представителей и желательных им лиц в органы
правления многих русских банков и, таким образом, прочно
беспечивают свое влияние на их деятельность. Сказанное
относится, в первую очередь, к германскому капиталу, который
к концу 80-х годов был почти полным монополистом в рус-
ском банковом деле.

К моменту промышленного подъема 90-х гг. многие
русские банки находятся уже в тесной связи с заграничными
кредитными учреждениями. Проследим возникновение этих
связей у некоторых банков.

Петербургский Частный Коммерческий банк.
Основан в 1864 г. по инициативе петербургских биржевых дея-
телей. Иностранных фирм мы в числе его учредителей не встре-
аем. Но многие заграничные банкирские дома (почти исклю-
чительно немецкие) подписались на акции банка в размере
милл. руб.—20% его основного капитала.

Петербургский Международный Коммерче-
ский банк. Основан в 1869 году с капиталом в 5 милл. руб.
В списке его учредителей фигурируют: Disconto-Gesellschaft—
Берлин и банкирские дома И. Беренберг, Гейслер и К^о—Гам-
бург, бр. Бетман—Франкфурт, Эрлангер и С^{вья}—Франкфурт,
Шредер—Амстердам, Е. Эрлангер и К^о—Париж, Фессер,
Готтоф и К^о—Лондон, Беер и К^о—Лондон. Все без исключе-
ния—немецкие фирмы.

В 70-х годах банк произвел дополнительный выпуск
акций на 8 милл. руб., при участии Disconto-Gesellschaft
и австрийского Credit-Anstalt. При этом названные учреждения

потребовали введения в состав правления и совета Междуна-
родного банка 6-ти своих представителей.

Русский для внешней торговли банк. Органи-
зован в 1871 году с основным капиталом в 7,5 милл. рублей.
В 1881 г. банк увеличил свой капитал на 5 м. р. При этом Deutsche
Bank и Wiener Bankverein подписались на 20 тысяч акций,
равно, как и на акции, не разобранные старыми акционерами,
с условием, чтобы в совет банка были введены один член пра-
вления и один член совета Немецкого банка и один член правле-
ния Венского Банкового Союза. При помощи названных иностран-
ных учреждений банк вскоре довел свой капитал до 20 милл. руб.,
далеко обогнав в этом отношении все прочие банки.

Петербургский Учетный и Ссудный. Основан
в 1869 году при участии Disconto-Gesellschaft. В 1872 году
банк произвел новый выпуск акций на 5 милл. руб., так что
его основной капитал достиг 10 милл. руб.

Коммерческий банк в Варшаве. Основан в 1871 г.
с капиталом в 3 милл. рублей. В 1872 г. довел свой капитал
до 6 милл. руб. Банк стоял близко к Disconto-Gesellschaft и
Mitteldeutsche Kreditbank.

Варшавский Учетный и Ссудный. Организован
в 1871 году с капиталом в 2 милл. руб., при участии Schlesischer
Bankverein и банкирского дома Ignazius Leipziger в Бреславле.

Лодзинский Торговый банк. Основан в 1872 году,
с капиталом в 1 милл. руб. В 1881 году увеличил свой капитал
на 0,5 милл. руб. В числе учредителей банка фигурируют не-
сколько берлинских фирм.

Рижский Коммерческий банк. Основан в 1872 г.
при участии Disconto-Gesellschaft, Berliner Handelsgesellschaft и
банк. домов И. Симон—Кенигсберг, И. Беренберг, Гейслер и
К^о—Гамбург.

Азовско-Донской Коммерческий банк. Уч-
режден в 1871 году при участии Crédit Mobilier с основным
капиталом в 3 милл. руб. В 1893 г. увеличил свой капитал до
4 милл. руб.

Русский Торгово-Промышленный Комм. банк.
Складочный капитал банка при основании (в 1889 году)—5 милл.
руб. Во главе учредителей стоял банк. дом Эфруси в Париже,
представитель синдиката парижских банкиров, в состав кото-
рого входили банк. дома Бадель и К^о, Стерн и К^о, Камондо

и К^о. Уполномоченный Эфруси, Р. Ж. Леви, состоял некоторое время членом правления банка. Из 20.000 учредительских акций французы приобрели около 1/2. Вскоре в руки французской группы перешло до 2/3 акций банка 1).

К 1-му января 1894 года функционировало всего 34 акционерных коммерческих банка с 138 отделениями в России и 3—заграницей 2).

Извлечение из сводного баланса этих банков даст нам представление об их финансовой мощи и характере их деятельности (см. табл. № 1 на стр. 23).

На основании баланса можно прийти к следующим выводам:

1. Банки с участием иностранного капитала превосходят все остальные по степени концентрации: в среднем на каждый из этих банков приходится основного капитала 6,75 милл. руб., на каждый из прочих—около 2-х милл. руб.

2. Первая группа банков обладает непропорционально малой суммой вкладов, что объясняется недостаточной развитостью сети отделений у большинства перечисленных учреждений и ярко выраженным спекулятивным направлением их деятельности. По величине вкладов выделяются как раз те банки, которые придерживались относительно более строго регулярных банковых операций, как, например, Волжско-Камский и московские банки, ближе всего стоявшие к типу депозитных банков 3).

3. Крупные размеры пассивных корреспондентских счетов свидетельствуют о значительных краткосрочных позаимствованиях наших банков заграницей—необходимый способ пополнения средств при недостаточности вкладов. Прежде всего это относится к банкам с участием иностранного капитала.

4. В деятельности банков I-й группы спекулятивный элемент выражен значительно сильнее, чем у всех остальных: отношение *on call* к учету и ссудам у перечисленных 10-ти банков составляет 87,1%, у прочих—лишь 48,6%.

По поводу банковской спекуляции этого периода необходимо заметить, что ей немало способствовала неупорядочен-

1) Особ. Канц. по кред. ч., 1899, № 26.

2) В число 34 не включено действовавшее в России на основании иностранного устава агентство „Лионского Кредита“.

3) Необходимо также иметь в виду роль Москвы, как текстильной столицы и центра внутреннего накопления.

Таблица № 1.

Баланс на 1-ое января 1894 года (в милл. руб.) 1).

А К Т И В.

П А С С И В.

№ по порядку	Банки с участием иностранного капитала.	Учет и ссуды.	on call.	Привлечение казенных и банковых денег.	Баланс с.	Основной капитал.	Весь капитал (включ. спец. пр.)	Вклады и текущие счета.	Корреспондентские.
1	Русский для внешней торговли	6,2	9,4	2,3	49,4	20,0	20,9	18,4	18,4
2	Петербургский Международный Ком.	6,7	13,1	6,7	55,8	13,0	17,2	17,0	24,4
3	Петербургский Учетный и Ссудный	8,0	17,1	3,9	58,4	10,0	10,5	11,8	31,0
4	Петербургский Частный Коммерч.	2,6	2,3	2,1	17,9	5,0	6,1	2,0	9,1
5	Русский Торгово-Промышленный	4,9	2,8	0,8	17,5	5,0	5,0	2,5	5,4
6	Азовско-Донской Коммерческий	14,5	3,1	4,2	41,7	3,0	3,9	11,4	13,8
7	Коммерческий банк в Варшаве	10,5	6,0	2,7	27,9	6,0	7,7	8,8	7,9
8	Варшавский Учетный	2,9	0,6	0,6	7,1	2,0	2,5	1,8	2,6
9	Торговый банк в Лодзи	3,1	—	0,5	5,6	1,5	2,7	1,3	1,9
10	Рижский Коммерческий	4,9	1,6	0,9	13,4	2,0	2,9	2,4	5,0
Итого по 10-ти банкам		64,3	56,0	24,7	294,7	67,5	79,4	72,4	114,5
Итого по всем 31-м банкам		239,2	141,0	54,7	693,4	114,6	140,0	296,3	155,6
Процентное отношение итога 10-ти банков к общему итогу		26,9%	39,7%	45,1%	440%	58,9%	56,7%	27,2%	73,6%

1) По данным „Статистики краткосрочного кредита“ (1894—1900), изд. К-та Счетов представителей акционерных коммерческих банков. По рубрикам „Баланс“ и „Корреспонденты“ данные заимствованы из „Вестника Финансов“ за 1894 г.

ность денежного обращения. Спекуляция на курсе рубля создавала весьма оживленные сношения между петербургскими банками и их иностранными патронами, в первую очередь — с Берлином. Как главный рынок для русских ценностей, Берлин начинает терять свое значение с конца 80-х годов, когда Бисмарк, по политическим соображениям, изгнал русские фонды (около 2.500 милл. руб.) из Германии. Последние, как известно, были из тех же соображений подхвачены Францией, [которая пустила для этой цели в продажу итальянские ценности. С тех пор растет интерес французского капитала к России.

Еще раньше, в конце 70-х годов, Лионский Кредит предпринимает шаги в Петербурге с целью добиться открытия своего агентства в России, при чем он выдвигает, как одну из задач последнего, „пропаганду русских фондов во Франции“. Министерство финансов, соблазненное той помощью, „которую может оказать обществу Crédit Lyonnais нашей торговле и промышленности употреблением находящихся в его распоряжении иностранных капиталов“, весьма сочувственно относится к этому проекту. Вслед за Лионским Кредитом выступает с проектом учреждения нового банка и Banque de Paris et des Pays-Bas. Проектируемое учреждение, под названием „Генеральный банк для развития земледелия, промышленности и торговли в России“, с основным капиталом в 30 милл. руб., имело целью содействовать „затратам иностранных, по преимуществу французских капиталов в предприятия в России“. Проект не был, однако, осуществлен, в виду несогласия правительства на предоставление банку особых льгот. В 80-х годах имел место еще ряд неудачных попыток подобного рода. Но уже в эти годы французский денежный рынок начинает приобретать для русских банков все большее значение. В своем обращении к министру финансов по поводу открытия агентства в Париже правление Русского для внешней торговли банка указывает, что „центр русских финансовых операций перешел и сосредоточился во Франции — в Париже, где помещение наших государственных фондов сделало большие и неожиданные успехи“.

С возникновением Русского Торгово-Промышленного банка роль французского капитала в русской кредитной системе заметно усиливается. Преобладающее влияние на наше банковое дело остается еще, однако, надолго за Германией.

Роль банков в промышленном подъеме конца XIX века.

Поворот в хозяйственной конъюнктуре после нескольких лет застоя наметился в 1894 году. Одним из первых его предвестников было повышение курса акций коммерческих банков осенью 1893 года. Дешевизна денег на западно-европейском рынке способствовала миллиардным конверсиям русских фондов и непосредственному приливу в Россию иностранных капиталов, привлекаемых высокой нормой прибыли и заманчивыми казенными заказами. Все это хлынуло золотым потоком в железнодорожное строительство и в промышленность, огражденную от иностранной конкуренции высоким покровительственным тарифом 1891 года.

За 1889—1894 г.г. было конвертировано 5%-ных и 4,5%-ных бумаг государственных займов на 2.644 м. р. нарицательных. Кроме того, 10 русских земельных банков конвертировало закладных листов на 201,5 милл. руб. Денежный капитал отвернулся от государственных фондов и устремился к дивидендным ценностям. Начинается лихорадочное учредительство акционерных компаний и преобразование единоличных предприятий в акционерные. Рост акционерного капитала за этот период выражается следующими цифрами ¹⁾:

¹⁾ Данные о капиталах новых акционерных предприятий взяты из „Статистики акционерного дела в России“, 1901 г.; об увеличении капитала существующими акционерными компаниями — у Швансбаха: „Денежное преобразование и народное хозяйство“.

Рост акционерных капиталов (в милл. руб.).

Годы.	Новых предприятий.		Существующих предпр.		Всего.	
	Число ¹⁾ акц. комп.	Осн. капиталы.	Число акц. комп.	Осн. капиталы.	Число акц. комп.	Осн. капиталы.
1894	63	59	19	19,5	82 ²⁾	78,5
1895	94	129	32	33,2	126	162,2
1896	131	232	44	36,0	175	268,0
1897	136	239	44	50,2	180	289,2
1898	176	256	71	53,9	247	309,9
1899	445	431	—	78,1	445	509,1
Итого	1045	1346	210	270,9	1255	1616,9

Что же касается капиталов, фактически вложенных в новые акционерные предприятия, то, по самым скромным подсчетам (Шванебаха), они достигли около 800 милл. руб.²⁾, из коих около 500 милл. руб. падает на долю иностранного капитала. Кроме того, на постройку железных дорог и на заказ подвижного состава за 1894—1899 г.г. было израсходовано 1.273 милл. руб. Результаты огромного притока новых средств не замедлили сказаться. За 1890—1899 г.г. волокнистая промышленность (акционированная) возросла на 75%, химическая—на 274%, горнопромышленная—на 372% и металлургическая—на 793%—темп небывалый в истории народного хозяйства. За 1896—1900 г.г. длина железнодорожной сети увеличилась на 15.455 верст, вдвое больше, чем за предыдущее пятилетие.

Понятно, что банки не оставались в стороне от этого процесса. Они выступали не только, как посредники, но при-

¹⁾ Разрешенных к открытию.

²⁾ Вычисления Шванебаха почти полностью совпадают с данными „Ежегодника М-ва Финансов“ за 1902 г., составленными по отчетам существующих акционерных компаний. По этим данным в 1894 г. основные капиталы действовавших в России акционерных предприятий равнялись 722,1 милл. р., в 1899 г.—1600 милл. р.—увеличение на 878 милл. руб.

нимали весьма деятельное участие в финансировании промышленности, снабжая ее как оборотным, так и капитальным кредитом. Банки, принимая на себя эмиссию промышленных ценностей, приобретали таковые большими партиями за свой счет в ожидании чрезвычайных прибылей. Все это требовало крупных средств, и банки один за другим начинают увеличивать свои основные капиталы и расширять свой кредит за границей. Происходящее в стране интенсивное накопление оседает в банках в виде вкладов, главным образом срочных. Быстро растут также оборотные средства промышленности, приливающие в банковые резервуары в виде текущих счетов. О степени роста финансовой мощи русских банков за 1894—1900 г.г. можно судить по следующим данным:

К 1 января.	Основные капиталы ¹⁾ .	Вклады и текущ. счета.	Корреспонденты пассива.
1894 г.	114,6	266,3	155,6
1900 г.	188,4	555,1	279,7
Увеличение в абсолют. числах. . .	73,8 ²⁾	288,8	124,1
В %%.	64,4	108,4	79,5

Огромный рост корреспондентских счетов в немалой степени обязан иностранным кредитным учреждениям. Правительственная ревизия Петербургского Международного комм. банка (1901 г.) обнаружила, что из вексельного портфеля банка в 19.500 тыс. руб.—4.068 тыс. руб. находились в банк. доме Мендельсона в Берлине в качестве обеспечения открытых им банку кредитов³⁾. Иностранные кредитные учреждения, однако, не только усиленно снабжали близкие к ним русские банки краткосрочными средствами, но участвовали также в увеличении их капиталов.

¹⁾ Без Лионского кредита.

²⁾ За исследуемый период возникло 4 новых банка, но вся сумма их основных капиталов равнялась лишь 7 милл. руб. Увеличение падает, преимущественно, на старые банки, в первую очередь—на столичные. Для сравнения укажем, что за 1887—1893 гг. основной капитал русских банков увеличился только с 101,9 милл. руб. до 114,6 милл. руб., всего на 11%.

³⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1901—1909 г., № 2/1869, ч. II.

Выпуск акций Рижского Коммерческого банка в 1898 году на 5 милл. руб. был гарантирован германской банковской группой с Disconto-Gesellschaft и Nationalbank für Deutschland во главе.

Эмиссии Петербургского Международного банка в 1895 и 1898 г.г. также произведены были, очевидно, не без содействия заграницы. В списке участников общего собрания акционеров банка 14-го апреля 1901 г. мы встречаем следующие иностранные фирмы:

Bleichröder	Берлин	150	акций.
Warburg & C ^o	Гамбург	180	"
Robert Warschauer & C ^o	Берлин	1221	"
Hardy & C ^o	"	200	"
Hergt, A.	Эльбинг	126	"
Гилле и Дитрих	Шенлинде	333	"
Dresdener Bank	"	807	"
W. Kuczynsky	Берлин	100	"
Gebr. A. Elias	Вена	50	"
E. Erlanger & C ^o	Лондон	200	"
Société Générale pour l'Industrie en Russie.	Париж	424	"
		3791	акц.

Иностранные акционеры располагали, таким образом, более чем 20% всех представленных на собрании акций (19.037). На самом деле участие иностранного капитала в этом банке было, вероятно, еще значительнее. Часть акций, принадлежавших заграничным держателям, могла быть представлена по доверенностям членами правления банка, из коих А. Кох представил 1.000 акций, А. Ю. Ротштейн—939 и т. д.

О наличии заграницей значительного кадра акционеров можно судить и по тому, что местом представления акций для участия в общих собраниях банка служили наряду с русскими кредитными учреждениями также Disconto-Gesellschaft, берлинская фирма R. Warschauer, б. д. Behrens & S-не в Гамбурге и Amsterdamsche Bank в Амстердаме ¹⁾.

Право участия в общих собраниях акционеров Русского Торгово-Промышленного банка давали удо-

¹⁾ См. протокол общего собрания акционеров Международного банка от 30 апреля 1902 г.

стоверения банкирского дома Robert Warschauer в Берлине и агентства Русского для внешней торговли банка в Лондоне и Париже. Так как к 1893 г. акции Торгово-Промышленного банка были почти полностью изъяты из французских рук, то остается предположить, что часть новых выпусков 1895 и 1896 г.г. (всего на 5 милл. руб.) была размещена за границей ¹⁾.

Весьма значительно было также участие иностранного капитала в Русско-Китайском банке, открытом в начале 1896 г. Последний возник в связи с постройкой Сибирской железной дороги. Часть его акций была приобретена Государственным банком. Остальная часть досталась „Русскому банковому синдикату“ в Париже, один из участников которого—Comptoir National d'Escompte de Paris—передал новому банку некоторые свои отделения в Китае. В числе учредителей Русско-Китайского банка фигурируют столпы парижского финансового мира: Эд. Нецлин, один из главных руководителей Banque de Paris et des Pays-Bas, Готтингер—глава одноименной банкирской фирмы, Ж. Штерн—представитель банкирского дома Штерн & Co и Рене Брис—член правления Лионского Кредита. Сотрудничество в этом полугосударственном учреждении русского министерства финансов и парижской „Haute Finance“ служило ярким проявлением франко-русского финансового альянса ²⁾. Тем не менее Витте счел излишним позаботиться об упрочении правительственного влияния на деятельность банка. Для этой цели Государственный банк приобрел 4.200 акций его первого выпуска и все 12.000 второго. Все же французское влияние чувствовалось в Русско-Китайском банке достаточно сильно—в его правление входило 4 француза, в том числе и Нецлин.

Несмотря на недостаток документальных данных, участие заграницы в реализации более или менее значительных эмиссий русских банков в 90-х годах не вызывает сомнений. Рус-

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1899 г., № 26 и 1900 г., № 26.

²⁾ Царское правительство смотрело на Русско-Китайский банк, как на проводника своей политики на Дальнем Востоке. Из комментария Кредитной Канцелярии к уставу банка мы узнаем, что на него возлагалась обязанность содействовать, между прочим, сбыту на китайском рынке русского керосина, которому приходилось выдерживать сильную конкуренцию с американским. Кроме того, „одной из задач банка должно быть упрочение русского экономического влияния в Китае, в противовес тому значению, которое успели приобрести здесь англичане“. Особ. Канц. по кред. ч., 1898 г., № 23.

ский рынок был еще и в более поздний период недостаточно эластичен для сравнительно крупных выпусков. Дело было не столько в недостатке в стране свободных капиталов, сколько в узости внутреннего денежного рынка, благодаря которой нельзя было рассчитывать на размещение крупных эмиссий в „прочные“ руки. При таких условиях достаточно было малейшего колебания курса, чтобы биржевой материал всплыл на поверхность и стал объектом усиленной спекуляции. Вот почему всякая эмиссия, проведенная не в чисте грюндерских целях, стремилась обеспечить себе более надежную обстановку.

Кроме указанных соображений, необходимо учесть и то обстоятельство, что зарубежный денежный рынок был почти всегда дешевле русского, а это обеспечивало более выгодный эмиссионный курс. Вполне понятно поэтому, почему русские банки предпочитали заграничный рынок внутреннему. Необходимо к тому же иметь в виду, что иностранные кредитные учреждения, состоявшие в близких отношениях с русскими банками, были и сами весьма заинтересованы в поддержке последних. Выгодность эмиссий, как известно, не ограничивается раз сорванным барышом. Подобная операция ведет обычно к упрочению связей банка с клиентом, а русские банки представляли собой слишком выгодную клиентуру, чтобы выпускать ее из рук.

Сильным стимулом к сближению европейского банковского мира с русским служили их совместные операции по финансированию промышленности. Из юбилейного стчета (1864—1914) Петербургского Частного Коммерческого банка мы узнаем, что в конце 90-х гг. последний участвовал в двух синдикатах, которые были образованы в России и за границей для финансовой поддержки русских предприятий. Известна также огромная роль в финансировании нашей промышленности так называемого „Русского синдиката“—объединения крупных французских и русских банков. Хотя в 90-х гг. большая часть иностранных капиталов была вложена в русскую промышленность без непосредственного участия наших банков, однако, и предприятия, основанные таким путем, должны были современем в той или иной мере войти в сношения с местными кредитными учреждениями. Это было тем более неизбежно, что специального банка для обслуживания интересов иностранных

промышленных предприятий в России не существовало. Проекты подобного рода, правда, не раз возникали, но осуществления не получили. Так, в ноябре 1895 г. бельгийский банкирский дом Нагельмакер обратился от имени ряда бельгийских и французских фирм (в том числе от Comptoir National d'Escompte de Paris и Société Générale du Crédit Industriel et Commercial) в министерство финансов с ходатайством об открытии Промышленного банка на юге России с капиталом в 20 милл. фр. Ходатайство мотивировалось тем, что бельгийским и французским капиталистам, вложившим свои капиталы в южно-русские промышленные предприятия, было бы очень удобно пользоваться содействием банка, оперирующего одновременно в России и за границей¹⁾. Неудача этих попыток, естественно, должна была вызвать у заинтересованных иностранных банков стремление использовать для тех же целей русские кредитные учреждения.

Но русские банки в свою очередь развивали и сами интенсивную промышленную деятельность. Значительное число предприятий, притом крупнейших, возникло по собственной инициативе банков и при их широком содействии. При активном участии банков производилось также массовое увеличение капиталов существующих акционерных обществ и преобразование единоличных предприятий в акционерные²⁾. „Кредитные учреждения, занимавшиеся эмиссионной деятельностью, не только восприимчивы новых предприятий—они уже отчасти фигурируют, отчасти еще собираются фигурировать в роли банкиров вновь создаваемых и созданных предприятий“³⁾.

Откуда же брались необходимые для этого огромные средства? Некоторые указания на этот счет дает один из всеподданнейших докладов С. Ю. Витте. Последний, характеризуя деятельность крупнейшего грюндерского банка того периода—Петербургского Международного, указывает, что банк „занимается в широких размерах размещением в России и за границей ценных бумаг“, при чем необходимые для этого средства

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1895 г., № 3/24.

²⁾ Многие банки обзавелись в то время специальным бюро для исследования промышленных предприятий—нечто в роде Service des Etudes financières Лионского кредита.

³⁾ Из обзора биржевого года в „Биржевых ведомостях“, 1896 г., № 1.

он „почерпает преимущественно путем пользования заграничным кредитом“¹⁾).

О размере этих кредитов трудно сказать что-нибудь определенное. Банковые отчеты не дают для этого почти никакого материала. Некоторым показателем может служить в данном случае лишь самый размах промышленной деятельности крупнейших банков, протекавшей, по вышеприведенному компетентному свидетельству, преимущественно, за счет заграничного кредита.

Напрасно стали бы мы, однако, искать в публичной банковской отчетности прямых указаний о финансировании промышленности. Как было отмечено выше, указаний этих не могло быть уже потому, что банки были чрезвычайно стеснены в своих отношениях с промышленностью существующим законодательством, столь же косным, как и весь строй, его породивший. Новые условия работы заставили петербургские банки еще в начале промышленного под'ема приступить к изменению и дополнению своих уставов. Так, Петербургский Международный, Учетно-Ссудный и Петербургско-Азовский банки добиваются разрешения открывать своим клиентам бланковый кредит на более длительный срок, чем это было предусмотрено старым уставом²⁾. В аналогичном ходатайстве правление Русского Торгово-Промышленного банка всячески старается убедить министерство финансов в необходимости разрешить банкам... участвовать открыто в подписке на акции промышленных предприятий³⁾. Больших изменений в банковом законодательстве в 90-х годах, все же, не произошло.

Вряд ли нужно оговорить, что жизнь шла мимо всех этих уставных рогаток. Правительственные чиновники, производившие впоследствии ревизию многих банков, имели возможность

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1901 - 1909 г., № 2 - 1869, ч. II.

²⁾ Петербургско-Азовский банк указывает в своем прошении, что срок в 30 дней весьма неудобен „для сношения с крупными заводчиками“. См. „Биржевые ведомости“, 1896 г., № 79.

³⁾ Авторы ходатайства пишут: „Конечно, могут быть другие способы содействия вновь учреждаемым предприятиям, которые иногда и оказываются нашими банковскими учреждениями, как, напр., кредит вексельный и т. п. Но все эти способы имеют случайный характер и едва ли представляются желательными. Без всякого сомнения открытое участие банковых учреждений в устройстве акционерных предприятий является несравненно более желательным“. Особ. Канц. по кред. ч., 1899 г., № 26.

убедиться, что последние легко обходили все стеснявшие их формальные преграды. Протоколы этих ревизий являются весьма богатым материалом для характеристики деятельности банков в годы под'ема.

Прежде чем перейти к данным ревизий, попытаемся извлечь кое-что по интересующему нас вопросу из банковых балансов. Как указывалось выше, следы промышленной деятельности наших банков следует искать, главным образом, в conto logo, в онкольных счетах и в ведомости собственных ценных бумаг. Проследим движение этих статей у некоторых перво-классных учреждений.

Logo под негарантированные ценные бумаги и бланко. (в милл. руб.)

Банки.	1895	1896	1897	1898	1899
Русский для внешней торговли	12,5	11,7	13,2	12,4	15,0
Русский Торгово-Промышленный	1,1	1,6	2,7	4,0	2,5
Петербургский Международный	11,7	9,9	13,6	16,1	24,3
Петерб. Учетный и Ссудный	4,4	9,9	12,5	12,1	15,6
Петерб. Частный Коммерческий	3,0	6,2	6,8	18,8	12,1
Варшавский Коммерческий	2,9	4,5	4,3	4,9	6,0

Выдано онкольных ссуд под ценные бумаги.

Банки.	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Русский для внешней торговли	169,5	182,9	118,6	90,3	127,5	96,6
Русск. Торг.-Промышленный	59,9	81,1	33,8	21,4	57,7	44,2
Петерб. Международный	151,2	170,8	93,9	98,6	114,4	104,3
Петерб. Учетный и Ссудный	126,2	139,4	83,0	66,6	102,8	88,7
Петерб. Частный Коммерческий	17,8	18,7	14,2	12,8	21,1	18,3
Варшавский Коммерческий	62,6	63,5	47,5	43,4	50,0	41,2

За отдельными исключениями, logo обнаруживает все время неуклонный рост¹⁾.

¹⁾ При анализе балансовых остатков необходимо иметь в виду, что многие из них очень мало отражают истинное положение вещей. Накануне составления баланса недостаточные солидные счета обычно тщательно подчищаются для того, чтобы предстать перед публикой в самом приличном виде. К такого рода счетам относится и разбираемое нами logo.

В движении онкольных ссуд заметны большие колебания. Максимум эти операции достигают в 1895 г.—момент наиболее высокого спекулятивного разгула. Несмотря на значительное уменьшение онколя в следующие годы, он продолжает все же играть в деятельности многих петербургских банков доминирующую роль вплоть до 1899 г., кануна кризиса, когда напряжение денежного рынка уже давало себя сильно чувствовать. Чтобы убедиться в этом, сопоставим удельный вес он call и учета у некоторых банков.

Процентное отношение учета и онколя ко всему активу.

Банки.	1895 г.		1896 г.		1897 г.		1898 г.		1899 г.	
	Учет.	Онколь.								
Русск. для вн. торговли . . .	12,3	25,1	14,7	25,2	11,4	19,4	17,4	16,4	22,4	15,1
Русск. Торгово-Промышл. . .	16,1	22,1	17,9	20,8	17,4	17,8	22,1	13,4	11,9	13,9
Петерб. Международный . . .	10,5	32,8	9,0	3,3	10,1	30,4	17,6	22,1	18,8	19,2
Петерб. Учетный и Ссудный . . .	9,7	36,9	7,8	29,9	8,8	27,1	10,6	24,0	13,4	23,5

Прибыль по учету и онколю в % к валовой прибыли.

Банки.	1895 г.		1896 г.		1897 г.		1898 г.		1899 г.	
	Учет.	Онколь.								
Русск. для вн. торговли . . .	12,9	25,8	17,6	27,4	21,3	21,3	23,1	15,4	26,3	17,5
Русск. Торгово-Промышл. . .	20,0	35,0	30,4	34,7	38,7	30,8	31,3	25,0	43,3	30,0
Петерб. Международный . . .	6,1	47,1	8,0	44,0	16,7	35,7	16,7	33,3	18,6	28,6
Петерб. Учетный и Ссудный . . .	6,9	4,2	13,3	46,6	21,2	41,4	21,2	33,3	23,6	30,0

Мы видим, таким образом, что деятельность крупнейших петербургских банков по финансированию промышленности принимает очень большие размеры, вытесняя, как правило, „регулярные“ банковые операции ¹⁾. За более подробными данными об участии банков в промышленных предприятиях обратимся к некоторым банковым отчетам и материалам правительственных ревизий ²⁾.

По Петербургскому Международному Коммерческому банку ревизией обнаружено ³⁾, что задолженность банку наиболее крупных клиентов, как Никополь-Мариупольского О-ва, Тульских меднопрокатных и патронных заводов, Московского стеклопромышленного О-ва, Жилловского О-ва каменноугольных копей и рудников и Российского золотопромышленного О-ва, составляла в 1900 г. около 14 милл. руб., при чем 4 первых предприятия должны были банку около 2,9 милл. руб. по одному только бланковому кредиту. Банк имел в своем портфеле почти половину акций и значительную часть облигаций всех перечисленных предприятий. Из показанных в балансе банка на 31 декабря 1900 г. 48,4 милл. руб. по счету Юго, около 6 милл. руб. падает на участие в синдикате „по реализации акций и облигаций промышленных предприятий“. Из обращения правления банка в Кредитную Канцелярию в ноябре 1902 г. мы узнаем, что Международный банк состоял к тому времени „корреспондентом и банкиром“ следующих предприятий: нефтяных—бр. Ротшильд, „Электрическая сила“, О-в Мазут, „Биби-Эйбат“, Сименс и Гальске и „Продаметы“.

Ревизия Русского Торгово-Промышленного банка в 1899 г. отмечает, что „банк финансировал Восточное О-во товарных складов, Пароходство по Волге, Истинские заводы, Волжский стальной завод, Инзерское горнозаводское О-во, Глухоозер-

¹⁾ Об этом можно судить и по размерам эмиссий промышленных облигаций. Последние обычно предпринимаются в том случае, когда задолженность предприятий банкам достигает таких размеров, что оказывание им дальнейших кредитов становится весьма рискованным. За 1898 г. выпущено было промышленных облигаций значительно больше, чем за все предыдущее трехлетие.

²⁾ Ревизии были вызваны последовавшим в результате кризиса крахом нескольких банков и угрожающим положением многих уцелевших. Приводимые нами ниже данные по отдельным банкам без указания источника заимствованы у И. Левина: „Акц. комм. банки в России“, т. I, стр. 269—272.

³⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1901—1909, № 2, ч. II.

ское О-во и т. д., учитывал их векселя, нередко дружески друг другу выданные, кредитовал по корреспондентскому счету, участвовал в синдикатах на их акции и в то же время под самые акции выдавал ссуды¹⁾.

В отчете Петербургского Учетного и Ссудного банка за 1900 г. значится крупнейший пакет в 5459 акций „Сормово“. За этот год банк потерпел убыток по счету ценных бумаг свыше 0,5 милл. руб. В 1901 г. по этому же счету списано в убыток около 1,8 милл. руб., в том числе по акциям Донецко-Юрьевского и Алексеевского горнопромышленного О-ва.

Рижский Коммерческий банк потерял на кредитовании промышленных предприятий в 1899 г. 1,7 милл. руб., в 1900 г.—свыше 0,2 милл. руб., а в 1901 г.—1,7 милл. руб.

Московский Международный Торговый банк потерял на аналогичных операциях за время кризиса 13,5 милл. руб., при основном капитале в 10 милл. руб.

Участие Петербургского Частного Коммерческого банка в промышленных синдикатах выражалось в 1900 году суммой в 4 милл. руб.

Все изложенное свидетельствует о широкой заинтересованности банков в промышленных предприятиях¹⁾. Владея значительными пакетами их акций и снабжая их на громадные суммы оборотными средствами, банки оказались фактическими хозяевами этих предприятий²⁾.

О тесной связи наших банков с промышленными предприятиями можно судить по установившейся между ними

¹⁾ О том же свидетельствует отчасти состояние портфеля ценных бумаг крупнейших банков. Отношение промышленных ценностей к общей наличности ценных бумаг колебалось у перечисленных выше петербургских банков за 1896—8 гг. от 17% до 70%. Негарантированные ценные бумаги составляли в 1900 г. у Петерб. Международного банка сумму в 8 милл. р.—около 40% всего его портфеля. У Петерб. Частного банка этот % доходил до 82.

²⁾ Большинство открытых в годы подъема крупных предприятий, в частности металлургические, возникшие в надежде на казенные заказы, начали свою деятельность с недостаточными оборотными средствами. Этому способствовало и стремление использовать поскорее учредительскую горячку, и низкий учетный %, и перспектива грандиозных прибылей. Зачем было обременять предприятия большим складочным капиталом, который соответственно уменьшит дивиденд на каждую акцию и затруднит самое соби́рание необходимых капиталов, когда можно было рассчитывать на дешевый банковский кредит!

в 90-х гг. персональной унии. Приведем наиболее яркие примеры из этой области¹⁾.

Петербургский Международный Коммерческий банк. Член правления банка А. Ю. Ротштейн состоял: 1) вице-председателем Никополь-Мариупольского горнопромышленного Общества, 2) директором правления О-ва „Сталь“, 3) членом совета Российского золотопромышленного О-ва, 4) членом правления О-ва „Гартман“.

Член совета банка П. С. Хитрово был одновременно директором правления: 1) Никополь-Мариупольского О-ва, 2) „Гартман“ и 3) „Сталь“.

Русский Торгово-Промышленный банк. А. А. Померанцев—председатель совета банка—состоял: 1) председателем правления „Сормово“, 2) председателем совета Российского золотопромышленного О-ва, 3) учредителем Русского электро-механического О-ва, 4) предс. правления О-ва Глухоозерского Портланд-Це́мента, 5) предс. правления I-го О-ва Под'ездных ж. д. путей, 6) членом правления О-ва Русского Перестрахования, 7) членом правления Северного страхового О-ва, 8) директором правления Петербургского О-ва Страхования и 9) председателем правления О-ва Пароходства по Волге.

С. И. Петровский—член совета банка—состоял Вице-председателем О-ва Брянских заводов.

Русский для внешней торговли банк. В. А. Половцев, председатель совета банка (он же председатель правления Петербургского Международного Коммерческого банка)—является в то же время председателем правления О-ва Русского Перестрахования и директором правления Страхового О-ва 1827 г.

А. Ф. Рафалович, член правления банка, состоит одновременно директором правления О-ва Русско-Балтийского вагоностроительного завода.

Петербургский Учетный и Ссудный банк. Председатель правления банка Я. И. Утин занимал одновременно должность директора правления страхового о-ва „Россия“. Вице-предс. правления К. А. Варгуин—директор правления Рос-

¹⁾ Нижеследующие данные относятся к 1895—1896 гг. Составлены нами по материалам „Статистики акционерного дела в России“ Н. Пушкина за 1897 год.

сийского золотопромышленного О-ва. Д.И. Петрокино, член правления и директор банка, состоял: 1) членом совета Российского золотопром. О-ва, 2) директором правления страхового о-ва „Россия“ и 3) предс. правления Петербургского Газового завода.

Явления личной унии в роде вышеописанных имели место и в эпоху раннего капитализма, так что сами по себе они отнюдь не являются отличительным признаком монополистического капитализма¹⁾. Персональная уния отражает в таких случаях более или менее длительную заинтересованность банка в предприятии, но никак не отношения сращивания, возникающие на более высокой стадии капиталистического развития. В 90-х годах личная уния не была еще у нас к тому же всеобщей формой связи банков с промышленностью. Сфера ее распространения была сравнительно ограничена.

Нельзя, однако, отрицать, что зачатки финансового капитала была у нас в 90-х годах налицо. Концентрация производства достигла уже в то время больших размеров. Удельный вес крупных предприятий был в России, как известно, выше, чем во многих других, более передовых капиталистических странах. Отсюда крупные размеры промышленных эмиссий и громадные требования, предъявленные к банковому кредиту. Отсюда же доминирующая роль крупных банков и сильная тенденция к концентрации в банковом деле. Зависимость промышленности от банковского финансирования была тем сильнее, что накопление капиталов в стране, в силу общих экономических и политических условий, тормозивших развитие капитализма, сильно отставало от громадного спроса на них.

В Германии функции банков сводились в 90-х годах не столько к созданию капиталов, как это было в предыдущую эпоху, сколько к управлению капиталами. Благодаря более благоприятным условиям развития, промышленность успела к тому времени прочно стать на ноги. Сложился сравнительно богатый денежный рынок. Связи банков с промышленными предприятиями складываются там на новой основе. Они начинаются с кредитных, контокоррентных отношений и, постепенно развиваясь на почве прогрессирующей концентрации

¹⁾ См. Riesser. Цит. соч., S. 265.

производства и растущей потребности в капитальном кредите, завершаются эмиссией, персональной унией и сращиванием банкового и промышленного капитала. В России же в силу вышеуказанных условий создание капиталов составляло и в более поздний период одну из основных задач банков. Долгие годы депрессии не дали нашей промышленности, в частности тяжелой индустрии, прочно стать на ноги и очень остро поставили перед ней проблему технической и экономической реорганизации. Необходимые для этого крупные капиталы могли быть собраны только при активном участии кредитных учреждений, и опять таки в форме эмиссий. Тесная связь промышленности с банками, сложившаяся в 90-х годах, послужила, таким образом, непосредственно исходным пунктом для дальнейшего сращивания банкового капитала с промышленным и перехода к монополистическому капитализму. Российский капитализм не знал той стадии возмужания, через которую прошла капиталистическая Германия, примерно, в период от 1870 до 1890 г.г. Соответственно этому черты старого *Crédit Mobilier* тесно переплетались в деятельности наших банков с особенностями *Crédit Mobilier* новейшей формации¹⁾.

К началу XX века русская банковая система вполне определилась в своих основных чертах.

¹⁾ Утверждение т. Ванага („Финансовый капитал в России накануне мировой войны“, стр. 15—16), что „взаимоотношение банкового и промышленного капитала еще не вышло из рамок посредничества в платежах“ является совершенно необоснованным. Тов. Ванаг, очевидно, представляет себе взаимоотношения банков с промышленностью в каждый данный момент в виде дилеммы: или посредничество в платежах или сращивание. Но, как мы видели, конкретная историческая обстановка значительно сложнее этой схемы, в которой совершенно отсутствует момент становления, переход одного типа отношений в другой.

Основная ошибка т. Ванага в том, что он подходит к вопросу не диалектически и к тому же с весьма упрощенной количественной меркой. Указывая, в частности, на незначительное количество акций, находившихся в конце 1898 г. в банковых портфелях, он приходит к выводу, что „ни одно из перечисленных количеств не дает права распоряжения тем или иным промышленным предприятием“. Не желая повторять того, что указывалось нами во „введении“ о способах участия банка в промышленности и о мерах, которыми банки обеспечивают свое влияние на предприятия, отметим лишь следующее. Если бы рассуждение тов. Ванага соответствовало действительности, то нельзя было бы говорить о подчинении промышленности банкам и в более поздний

1. Упрочилась связь русских банков с иностранными на основе их совместной деятельности по финансированию русской промышленности¹⁾. Иностранные кредитные учреждения снабжали русские банки оборотными средствами и способствовали увеличению их капиталов. Связи русских банков с заграницей в 90-х г.г. значительно расширяются, о чем свидетельствует, между прочим, увеличение числа их заграничных отделений: к 1/1 1894 г. последних было всего 3, к 1900 г.—12.

2. Вполне обозначился континентальный тип развития наших банков, точнее германский тип развития, характеризующийся отсутствием разделения труда между депозитными и учредительскими банками²⁾.

период. Чтобы убедиться в этом, сравним количество акций некоторых предприятий, находившихся в портфеле Петербургского Международного банка в 90-х годах и в 1910—1913 г.г. (на 1 января каждого года).

	1898	1899	1900	1910	1911	1912	1913
Акции Никополь - Мариупольского горно-промышл. О-ва . . .	2400	2031	2565	1970	—	1393	1611
Акции О-ва „Гартман“ . . .	2500	4000	5585	995	450	400	1225

Количество акций в последние годы не только не увеличивается, но даже уменьшается. Но, как признает и тов. Ваняг, Международный банк был в эти годы фактическим хозяином названных предприятий. На чем же основывалось его влияние? Всего более курьезно то, что в роли скромного кредитного посредника оказался никто иной, как Международный банк, наиболее выдающееся грондерское учреждение 90-х г.г. Деятельность этого банка оказывается, по утверждению тов. Ваняга, „преимущественно была направлена на субсидирование торгового капитала“. Следует отметить, что в дальнейшем изложении тов. Ваняг поступает совершенно правильно, не аргументируя „от банковского портфеля“.

¹⁾ „Иностранные капиталисты стали все более интересоваться и действовавшими у нас акционерными предприятиями, что выразилось не только в приобретении ими акций некоторых из подобных предприятий (главным образом, металлургических и горных), но и в довольно широком участии их в выпусках облигационных займов“. „Вестник Финансов“, 1900, № 29, „Обзор деятельности акционерных предприятий в России“.

²⁾ Все попытки создания в России специальных промышленных банков неизменно терпели неудачу. Такова была, например, судьба 2-х проектов, возникших в 1899 г. об учреждении в России „Горнопромышленного банка“ и банка промышленного кредита под названием „Общества каменноугольной промышленности“. Провал последнего проекта тем более показателен, что его инициатором был финансовый „маг“ 90-х годов—А. Ю. Ротштейн.

3. Явно наметилась сильная тенденция к концентрации и централизации банковского дела. Если проследить рост основного капитала мелких, средних и крупных банков за 1895—1899 г.г., то темп развития последних окажется во много раз выше всех прочих, как это видно из следующей таблицы:

На 1-е января.	Банки с капит. до 4,9 милл. руб.			От 5 до 9,9 милл. руб.			От 10 и выше.		
	Число банков.	Сумма кап. в милл. руб.	В % к общей сумме банк. капит.	Число банков.	Сумма кап. в милл. руб.	В % к общей сумме банк. капит.	Число банков.	Сумма кап. в милл. руб.	В % к общей сумме банк. капит.
1895	24	35,6	29,0	6	34,0	27,8	4	53,0	43,2
1900	21	33,9	18,0	9	48,5	25,7	8	106,0	56,3
Прирост капиталов в %	— 4,8			+ 42,6			+ 100		

Чрезвычайно быстрый рост крупных банков был обусловлен характером их деятельности. Для финансирования промышленности, для снабжения ее необходимыми средствами, банкам необходимо было, в первую очередь, увеличить свои собственные капиталы, благодаря чему соответственно повышалась также их кредитоспособность за границей¹⁾.

Что касается так называемой „локальной концентрации“ достигшей уже к началу под’ема огромных размеров²⁾, то

¹⁾ Рост банковых капиталов был в известной степени обязан существовавшему законодательству. Так, банки не имели права открывать одному клиенту кредит больше, чем на $\frac{1}{10}$ своего основного капитала, общая сумма банковых кредитов не должна превышать $\frac{1}{10}$ основного и запасного капитала, покупка за свой счет негарантированных ценных бумаг ограничивалась $\frac{1}{5}$ складочного капитала. Хотя все эти преграды легко обходились, они все же служили для банков лишним стимулом к увеличению собственных капиталов. Ср. Р. Гильфердинг.—„Финансовый капитал“, стр. 180, прим., П. 1918 г.

²⁾ Причиной гегемонии петербургских банков очень хорошо отмечены И. Левиным: „В Петрограде была биржа, благодатное солнце которой в начале 90-х г.г. манило провинциалов; как бабочек на огонь; здесь министерство финансов—центр казенных денег, операций, субсидий, конверсий; сюда стекались свободные средства со всех концов Европы. Петербургский денежный рынок питал всю Россию“. И. Левин.—„Акционерные коммерческие банки в России“. Т. I, стр. 289—290.

Ю-е г.г. обнаруживают, наоборот, некоторый упадок гегемонии столичных банков, в чем можно убедиться по следующим данным ¹⁾:

Удельный вес столичных и провинциальных банков (в %/о).

На 1-е января.	Петербургские банки.		Московские банки.		Провинциальные банки.	
	1895	1900	1895	1900	1895	1900
Основные капиталы	54,8	50,4	15,5	12,7	29,7	36,9
Вклады и текущие счета	47,6	42,1	22,6	26,6	29,8	31,3
Баланс	52,5	46,9	18,1	18,8	29,4	34,3

Рост провинциальных банков был, однако, непродолжителен. Вызванный общим хозяйственным подъемом, когда в полах рынка остается место и для мелких, мало устойчивых предприятий, он с переменной конъюнктуры сменился полным упадком. Годы кризиса и депрессии привели к ликвидации целого ряда провинциальных учреждений. В провинции все более прочно утверждаются столичные банки, в первую очередь петербургские, увеличившие в течение 1894—1900 г.г. сеть своих отделений более, чем в 2 раза. К 1 января 1901 года 8 петербургских банков имели в провинции 134 филиала, 4 московских—53, а 26 провинциальных— всего 38.

Процесс централизации нашел свое выражение и в установлении „общности интересов“ между столичными и провинциальными банками. Так называемые поляковские банки представляли собой своего рода концерн, в который входили: Московский Международный банк, Южно-Русский Промышленный, Орловский Коммерческий, Петербургско-Азовский, Петербургско-Московский, Минский Коммерческий, Коммерческий банк в Костроме, Балтийский Торгово-Промышленный банк в Ревеле, а одно время также Русский Торгово-Промышленный

¹⁾ Вычислено по данным сводного баланса акц. комм. банков в „Ежегоднике Министерства Финансов“. В подсчет не вошли балтийские биржевые банки, действовавшие на особых основаниях и Лионский Кредит.

и Азовско-Донской ¹⁾. Тифлисский Коммерческий банк тесно примыкал к Русскому для внешней торговли банку ²⁾. В 1900 г. Петербургско-Азовский банк стоял накануне слияния с Азовско-Донским. Годы кризиса и застоя еще более усилили тенденцию к концентрации и централизации банкового дела.

4. На фоне кризиса ярко обнаружилась интимная близость наших банков с министерством финансов ³⁾. Хотя общая система полицейской опеки проникала насквозь всю банковую политику правительства, все же „русские банки, в частности петербургские, вряд ли имели основание жаловаться на свое зависимое положение. Они, правда, фрондировали, поглядывая с завистью на Запад, где их коллеги пользовались большим простором. Министерская опека вознаграждала их, однако, сторицей, открывая им в минуту жизни трудную широкий доступ к казенному сундуку. Наличие подобного резерва придавало русским банкам необычайную смелость и инициативу в их спекулятивном размахе — в случае чего, казна выручит. И казна, действительно, выручала. Когда разразился кризис, и банки завязали своими капиталами в промышленности, министерство финансов не замедлило вмешаться в дело. Началось с ревизий, а кончилось многомиллионными „воспособлениями“. Банки получили лишнее подтверждение тому, что министерство берет на себя ответственность за их дела. Царское правительство иначе, собственно, поступить не могло. Это с неизбежностью вытекало из всей его экономической политики, из ставки на привлечение во что бы то ни стало иностранных капиталов. Нельзя было никоим образом поколебать доверие заграницы к русским ценностям. „Во избежание потрясения государственного кредита“ Государственный банк выдал в 1902 г. специальную ссуду О-ву Брянских заводов для оплаты процентов по его заграничным облигациям ⁴⁾. Те же соображения требовали всемерной поддержки банков. Хотя министерство финансов накануне кризиса отечески журило столичные банки за их спекулятивные увлечения и даже грозило забрать помещенные у них

¹⁾ И. Левиц. Цит. соч., стр. 298.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч. 1914 г., № 14, ч. II.

³⁾ Между крупнейшими банками и министерством финансов существовала своего рода личная уния. Во главе первоклассных банков стояли бывшие чиновники министерства, как Утин, Путилов, Хрулев и др.

⁴⁾ См. Мигулин. — „Наша банковая политика“.

Строительные капиталы железных дорог, тем не менее, когда настал критический момент, в распоряжение банков были предоставлены, помимо 130 милл. руб. железнодорожных средств, еще 83 милл. руб. железнодорожных ценностей, закупленных министерством для сберегательных касс. Кроме того, Государственный банк авансировал 5,5 милл. руб. для поддержания курса акций некоторых предприятий, висевших мертвым грузом на шее пострадавших банков, и прекратил начисление процентов по текущим счетам, направив последние в кассы банков¹⁾. За 1900—1902 г.г. кредиты Государственного банка акционерным коммерческим банкам под ценные бумаги (помимо вексельного кредита) колебались от 100 до 160 милл. руб. в год. Таким образом, акции русских банков оказывались как бы гарантированными министерством финансов. Иностраный капитал прекрасно учитывал это обстоятельство.

¹⁾ В числе пострадавших находился и Русский Торгово-Промышленный банк. Для спасения банка пришлось купить до $\frac{1}{3}$ всех находившихся в обращении его акций. Кроме того, банку была предоставлена экстренная ссуда в размере 4 милл. руб. Отметим также, что при ликвидации Петербургско-Азовского банка (одна из жертв кризиса) требования его вкладчиков были удовлетворены Государственным банком.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Рост заинтересованности иностранного капитала в русском банковом деле в годы депрессии.

Годы кризиса ознаменовались в банковской жизни целым рядом крахов. Многие из уцелевших кредитных учреждений удержались лишь благодаря щедрой помощи казны. Так как кризис в России совпал с кризисом в Западной Европе, то на поддержку извне банки рассчитывать не могли. Лишь в 1902 г. восстанавливается краткосрочный кредит наших банков за границей. Наступившая на Западе депрессия способствовала накоплению в кредитных учреждениях свободных средств, которые не замедлили устремиться в Россию, где учетный % стоял значительно выше. В подтверждение сказанного приведем следующую таблицу¹⁾:

Движение учетного процента.

Годы.	Лондон.		Париж.		Берлин.		Петербург.	Балансовое приращение пассивных корреспондентских счетов в русск. акц. комм. банках.
	Официальный.	Частный.	Официальный.	Частный.	Официальный.	Частный.		
1899	3,75	3,29	3,06	2,96	5,01	4,45	5,61	— 20,5
1900	3,96	3,70	3,25	3,17	5,33	4,41	5,56	— 13,4
1901	3,72	3,20	3,00	2,48	4,10	3,06	5,16	— 6,1
1902	3,33	2,99	3,00	2,43	3,22	2,19	4,56	62,0

¹⁾ Данные о движении учетного % взяты из справочника „Русские биржевые ценности 1914—15 г.“ о корреспондентских счетах—из справочника „Деятельность русских акционерных коммерческих банков за 1911 г.“.

Частный дисконт стоял в 1902 г. всего ниже в Берлине, который и выступил главным кредитором русских банков. Начиная с 1902 г., пассивные корреспондентские счета наших банков возрастают из года в год, испытав небольшую заминку лишь в 1905 и 1906 г.г. Наряду с этим, неизменный рост (прерываемый только 1906 годом) обнаруживают также банковые вклады и основные капиталы. Между тем, регулярные активные операции развивались у крупнейших банков, в частности у петербургских, значительно более медленным темпом, в чем мы можем убедиться из сопоставления движения вкладов, основных капиталов и учетно-ссудных операций.

Ежегодный балансовый прирост в петербургских банках ¹⁾.
(в милл. руб.)

Годы.	Вклады и текущ. счета.	Основн. капиталы	Итого вкладов и основн. капит.	Учетно-ссудные операции	Превышение итога вкладов и основных капиталов над учетно-ссудными операциями.
1901	5,7	— 1,0	4,7	16,3	— 11,6
1902	46,7	0	46,7	67,8	— 21,1
1903	83,9	10,9	94,8	67,0	27,8
1904	110,5	6,0	116,5	78,8	37,7
1905	— 58,3	1,6	— 56,7	— 61,1	4,4
1906	53,0	17,5	70,5	— 9,0	79,5
1907	48,5	12,4	60,9	48,8	12,1
1908	136,0	8,6	144,6	— 22,0	166,6
1909	228,8	12,0	240,8	202,9	37,9

Излишек свободных средств, ищущих помещения во что бы то ни стало, поставил банки перед новыми трудностями — недостатком объектов для развития регулярных операций. В результате банки, сильно сократившие под влиянием кризиса

¹⁾ По сводному балансу акционерных комм. банков в „Ежегоднике Министерства Финансов“.

свою промышленную деятельность, понемногу вновь обращаются к финансированию промышленности. Некоторым подтверждением этому может служить следующая таблица:

Движение активных операций петербургских акционерных коммерческих банков (в % отношении к балансу ¹⁾).

На 1-е января.	Учет и ссуда.	Юго.	Онколь под цен. бумаги.
1900	26,4 проц.	20,3 проц.	19,2 проц.
1901	28,4 »	18,5 »	18,3 »
1902	31,6 »	14,8 »	16,3 »
1903	35,1 »	12,4 »	14,2 »
1904	35,0 »	12,1 »	13,3 »
1905	34,8 »	12,0 »	11,0 »
1906	28,6 »	13,2 »	12,6 »
1907	28,2 »	14,2 »	13,1 »
1908	29,8 »	15,4 »	12,9 »
1909	24,2 »	15,8 »	11,7 »

Размеры учетно-ссудных операций, неизменно возраставшие до 1904 г., начинают с этого времени заметно падать (за исключением 1908 г.). Движение онколя, особенно чувствительного к биржевым колебаниям, менее показательны в этом отношении. Зато счет Юго, отражающий в известной мере промышленную деятельность банков, до 1906 г. непрерывно уменьшается, а, начиная с этого года, столь же неуклонно идет вверх. Мы видим, таким образом, что, начиная с 1906 г., крупнейшие русские банки проявляют все возрастающий интерес к финансированию промышленности.

Была ли, однако, объективная основа для развития промышленной деятельности банков в разбираемый период? Для ответа на этот вопрос обратимся к состоянию промышленности в эти годы.

Русская промышленность, главным образом тяжелая индустрия, переживала в течение первого десятилетия XX века жестокую депрессию. Слабые признаки оживления, проявившиеся в 1903—1905 г.г., скоро сменились еще более тяжелым застоем, затянувшимся до 1910 г. Все это очень мало благо-

¹⁾ Вычислено по тем же данным. В виду отсутствия во многих банковых балансах данных об операциях с негарантированными бумагами, нам приходится пользоваться менее показательными суммарными данными по Юго и on call.

приятствовало широкому размаху промышленного грондерства. Но наряду с этим происходил и другой процесс, типичный для периода депрессии. Катастрофическое падение нормы прибыли поставило промышленность перед необходимостью понизить во что бы то ни стало издержки производства. Проблемы повышения технического состава капитала и концентрации производства стали перед промышленностью во всей своей остроте. В первую очередь это касалось тех отраслей промышленности, на которых кризис и депрессия отразились особенно чувствительно. В указанных отраслях процесс концентрации и отбора наиболее жизнеспособных предприятий принял весьма крупные размеры¹⁾. Все это требовало огромных средств, которые можно было достать путем эмиссии или банковского кредитования. Единоличным предприятиям этот способ реорганизации был всего менее доступен. Между тем последние, как предприятия сравнительно мелкие и мало устойчивые, все более теряли почву под ногами. Единственное их спасение заключалось в акционировании. По указанным причинам мобилизация капитала существующими акционерными обществами и превращение единоличных предприятий в акционерные принимает в последние годы депрессии массовый характер, о чем свидетельствуют следующие данные:

Вложено капитала в русские акционерные компании²⁾.

Годы.	В новые предприятия		В предпр. преобразованных из единоличных		Существующие акцион. компании.		Итого.	
	в мил. р.	в %	в мил. р.	в %	в мил. р.	в %	в мил. руб.	в %
	1904	16,2	26,7	29,0	47,8	15,4	25,4	60,6
1905	10,1	13,3	30,7	40,5	34,9	46,1	75,7	100
1906	8,1	5,3	39,0	25,6	105,1	69,0	152,2	100
1907	12,8	8,7	66,3	45,0	68,2	46,3	147,3	100
1908	29,7	8,3	57,3	16,1	268,6	75,5	355,6	100
1909	10,6	9,8	50,5	46,5	47,4	43,7	108,5	100

¹⁾ За 1897—1908 г. г. было ликвидировано 30 металлургических предприятий с основным капиталом в 73,7 милл. руб. В 1895 г. на одно металлургическое предприятие приходилось 2 милл. руб. акционерного капитала, в 1909 г.—6 милл. руб. И. Гливиц.—„Железная промышленность России“.

²⁾ Цифры 2-й и 3-й графы заимствованы нами из статьи Я. Горещкого в журн. „Промышленность и торговля“, 1915, № 1. Данные графы 4-й взяты

Понятно, что все эти преобразования и реорганизации требовали активного участия кредитных учреждений. Но русские банки могли справиться с этой задачей лишь при широком содействии иностранного капитала.

Несмотря на несомненный рост русского денежного и капитального рынка, последний все же оставался слишком ограниченным, а потому более дорогим и рискованным для проведения крупных эмиссий. Внутреннее накопление в большей своей части поглощалось государственным кредитом. Трудно, конечно, математически доказать, в какой мере накопление капиталов в стране отставало от спроса на них. Но факт таков, что и в последующий период под'ема, при еще большем упрочении нашего денежного рынка, облигации промышленных предприятий почти не находили себе сбыта в России. Между тем, снабжение промышленности долгосрочным кредитом принимало в годы депрессии чаще всего форму облигационных выпусков¹⁾. За 1906—1909 г. г. облигационный долг русских акционерных промышленных предприятий увеличился на 24%, в то время как основной капитал возрос только на 13%²⁾. Об

из записки Комитета С'едов представителей акционерных коммерческих банков „О желательных изменениях в постановке акционерного банковского дела в России“, стр. 26.

Весьма показательное некоторое совпадение движения свободных средств петербургских банков (см. таблицу на стр. 46) и капиталов, вложенных в существующие акционерные предприятия:

	1906	1907	1908	1909
Превышение ежегодного прироста вкладов и основных капиталов петербургских банков над их учетно-ссудными операциями.	79,5	12,1	166,6	37,9
Увеличение капиталов существующих акционерных компаний	105,1	68,2	268,6	47,4

¹⁾ По справедливому замечанию Jeidels'a, промышленные предприятия прибегают к выпуску облигаций в том случае, когда не представляется возможным прибегнуть к контокорренту. Так как большинство предприятий, подлежащих реорганизации, вышли из кризиса с громадной задолженностью, то предоставление им дальнейших крупных кредитов было сопряжено для банков с большим риском. Последние предпочитали поэтому оказывать этот кредит в форме выпуска облигаций. „Контокоррент для мелких предприятий то же самое, что выпуск облигаций для крупных. Этим объясняется столь частый в практике случай, что банковые долги, достигнув определенной высоты превращаются в облигации“. Jeidels, цит. соч., S. 20.

²⁾ Ср. Струмилин.—„К проблеме капитала в С.С.С.Р.“ Табл. № 2. „Плановое хозяйство“, 1925 г., № 2.

ограниченности русского денежного рынка свидетельствуют также многочисленные заявления банковых деятелей.

Но операции по финансированию промышленности, требовавшие крупных затрат и грозившие иммобилизацией средств, поставили банки перед необходимостью увеличения собственных капиталов. Процесс этот принимает массовый характер лишь в годы под'ема, но намечается он уже в 1906—1909 г. г. Так как эмиссии русских банков могли быть реализованы лишь при помощи извне ¹⁾, то зависимость наших банков от заграницы благодаря этому заметно возросла.

Усиление позиций иностранного капитала в русском банковом деле намечается еще с начала 1900-х г. г.

В 1901 г. был основан исключительно на французские средства Северный банк с капиталом в 5 милл. руб. ²⁾. В состав его учредителей входили: Société Générale, директора того же банка, Луи Доризон и бар. Эли д'Оассель, S-té Française de banque et de dépôts в Брюсселе и французский финансовый агент в Петербурге—Морис Верстрат ³⁾. Северный банк приобрел в том же году 10 отделений ликвидированного Петербургско-Азовского банка.

При помощи S-té Générale Северный банк увеличил в 1903 г. свой основной капитал до 12,5 милл. руб., при чем 92,5% акций нового выпуска было размещено во Франции. В 1906 г. состоялся 3-й выпуск акций банка, и его основной капитал был доведен до 25 милл. руб. В реализации эмиссий 1906 г., кроме S-té Générale, принимал участие также Banque de l'Union Parisienne, представители которого, П. Дарси и Т. Ломбардо, вошли в состав правления Северного банка.

¹⁾ Правление Русского Торгово-Промышленного банка дает на общем собрании акционеров 14 февраля 1907 г. следующую оценку русскому денежному рынку: „Выпуск бумаг на русском рынке вызывает неустойчивость и биржевой цены, так как они очень продолжительное время не размещаются на рынке и служат предметом спекуляции, что, конечно, отзывается неблагоприятно на престиже банка и на интересах действительных акционеров“ „Торг.-Пром. газета“, 1907, № 39.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1907 г., № 18, ч., II.

³⁾ Французское правительство придавало Северному банку очень большое значение. По просьбе Делькассе, Витте исходатайствовал высочайшее разрешение Верстрату состоять одновременно в правлении Русско-Китайского и Северного банков. См. И. Левин.—„Акц. комм. банки в России“. Том I, стр. 229.

Главная задача банка, по мнению министерства финансов, заключалась „в возможно широком привлечении иностранных капиталов в целях производства обычных банковых операций“. Пожелание министерства в первой своей части осуществилось полностью. В течение пяти лет банк увеличил свой капитал ровно в 5 раз. Кроме того Société Générale способствовало притоку в Северный банк французских вкладов, привлекая их высоким процентом и своей гарантией ¹⁾. Что же касается „обычных банковых операций“, то дело вышло не совсем по писанному. Движение оборотов Северного банка за 1902—1906 г. г. дает следующую картину:

Обороты в милл. руб.

	1902 г.	1906 г.	Прирост в процентах.
Учет векселей	73	124	169,9
On call.	26	119	457,7
Курсовые операции	78	580	743,6

Union Parisienne и Société Générale шли в Россию не для того, чтобы заниматься „обычными“ банковыми операциями. Северный банк предпочитал заниматься более прибыльными делами: биржевыми операциями и финансированием промышленности, хотя последнее и противоречило его уставу.

К тому же времени значительно усиливается влияние Парижа на деятельность Русско-Китайского банка ²⁾.

В 1905 г. министерство финансов уступает крупный пакет акций этого учреждения французской финансовой группе, возглавляемой Banque de Paris et des Pays-Bas, который вскоре ввел акции банка в котировку парижской биржи. На общем собрании акционеров Русско-Китайского банка 24 июля 1904 г. иностранные держатели располагали всего 7.335 акциями из 41.636, а Paribas, в частности, представил только 4.035 акций. В сле-

¹⁾ Agahd, бывший одно время ответственным служащим Северного банка, определяет обычные размеры этих вкладов в 20 милл. руб. В момент реализации урожая французские вклады доходили, по его словам, до 75 милл. р.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1906, № 23.

дующем же 1905 г. на общем собрании 25 июня иностранные акционеры представили уже 17.475 акций из 50.412—34,7%.

Иностранный капитал становится в эти годы прочной ногой и в тех русских банках, которые до того были связаны с ним сравнительно слабо. Одним из таких учреждений был Азовско-Донской ком. банк. После многолетних хлопот последний добился, наконец, в 1903 г. разрешения на перевод своего правления из Таганрога в Петербург¹⁾. Для того, чтобы устоять в конкурентной борьбе с крупными столичными кредитными учреждениями, Азовско-Донской банк вынужден был приступить к немедленному увеличению своего капитала. В 1903 г. он произвел дополнительный выпуск акций на 2,5 милл. руб., а в 1906 г.—еще на 5 милл. руб. Часть последних выпусков была, очевидно, размещена за границей. В списке акционеров банка, явившихся на общее собрание 3-го ноября 1905 г., отсутствуют, правда, какие бы то ни было следы иностранного участия. Из журнала заседания правления и совета банка от 12 апреля 1906 г. мы узнаем, однако, следующее: „Правлению известно, что некоторые из наших крупных акционеров имеют свое постоянное местопребывание за границей, а в последнее время выяснилось, что на петербургской бирже совершено было несколько покупок акций нашего банка за счет заграничных приказов. В виду этого правление полагает вполне справедливым предоставить этим акционерам возможность пользоваться своими правами на общих собраниях г.г. акционеров, представляя свои акции в следующие иностранные банкирские учреждения: Bank für Handel und Industrie, Berliner Handels-Gesellschaft, Deutsche Bank, Comptoir National d'Escompte de Paris и Banque Internationale de Bruxelles“²⁾.

Из этого перечня можно заключить, что акции банка успели найти довольно широкое распространение за границей.

Владения иностранного капитала, таким образом, значительно обогатились. Массовый прилив иностранных капиталов в банковое дело происходит, правда, лишь в последующий

¹⁾ Необходимость этого перевода правление банка в своем прошении от 8 августа 1903 г. аргументирует, между прочим, следующим образом: „Только в Петербурге, где имеются многочисленные представители иностранных крупнейших банков, возможно вызвать усиленный приток иностранных капиталов в периоды более острой в них нужды“.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1907, № 3, ч. 2-я.

период, но завязка этого „массового действия“ началась уже в последние годы депрессии.

По каким же причинам европейский финансовый мир обнаружил в это время столь живой интерес к русской банковской системе?

Одну из таких причин (по отношению к 1909 г.) И. Левин усматривает в обилии денег на Западе¹⁾. В этом году почти все петербургские банки увеличивали свой капитал. Между тем, учетный % стоял тогда в России ниже, чем за границей, и, следовательно, о недостатке средств у банков в то время речи быть не могло. Это странное на первый взгляд обстоятельство Левин и объясняет тем, что большинство петербургских банков находилось в тесной связи с иностранными кредитными учреждениями, которые также страдали от обилия свободных денег. „В их то интересах предпринимаются нередко выпуски новых акций русских банков“.

Но если и допустить вместе с Левиным, что подобные явления, действительно, имели место, то они, во всяком случае, вряд ли могут быть обобщены. В лучшем случае объяснение Левина применимо лишь частично к периоду депрессии на Западе, наступившей вслед за кризисом 1907 года. Если вникнуть в дело поглубже, то окажется, что у иностранных кредитных учреждений были несравненно более веские причины оказывать широкое содействие русским банкам.

Дело в том, что промышленная депрессия в России больше всего ударила по тем отраслям, в которых иностранный капитал был наиболее заинтересован. Промышленный кризис, как известно, всего чувствительнее отражается на отраслях, изготовляющих средства производства. В России же положение усугубилось целым рядом специфических причин. Наша тяжелая индустрия, пережившая в 90-х г.г. головокружительный подъем, была обязана этим в значительной степени правительственным заказам. Стоило только сократиться этой поддержке, как обнаружилась вся непригодность многих отраслей промышленности к обслуживанию внутреннего рынка, и без того сравнительно ограниченного. Иностранный капитал, поплатившись за

¹⁾ См. ст. И. Левина в „Русских Ведомостях“ за 1910 г., № 103, „Акционерные коммерческие банки“.

свое увлечение российскими перспективами, стал поэтому осторожнее. Вместо того, чтобы действовать за собственный страх и риск без тесной связи с местными кредитными учреждениями, как это обычно имело место в 90-х г.г., он считал теперь более благоразумным привлечь к делу русские банки. Подтверждение этому мы находим, между прочим, в официальной записке Комитета Съездов представителей акционерных коммерческих банков. «Важно также отметить, пишет автор записки, что участие иностранного капитала в целом ряде случаев обуславливается соответственным участием русских крупных акционерных банков, хотя бы на небольшую сумму, в предприятии»¹⁾.

Что касается в частности французского капитала, сыгравшего особенно видную роль в нашем предвоенном промышленном подъеме, то его интерес к русской промышленности и банковской системе имел под собой и другое немаловажное основание. Будучи главными кредиторами царского правительства, французские банкиры были сильно заинтересованы в обеспечении кредитоспособности своего клиента и повышении его платежных возможностей. В французских финансовых кругах высказывались на этот счет весьма откровенно²⁾.

Чрезвычайно показательным, что инициатива по широкому привлечению французского капитала в Россию принадлежала не русским, а французским банкам. После разгрома революции 1905 года и начала столыпинской «стабилизации», парижские банкиры вновь обрели веру в российские возможности. С этого времени начинается организованное наступление французского финансового капитала на русское народное хозяйство.

В декабре 1907 года председатель комитета парижских биржевых маклеров де-Вернейль обратился от имени крупнейших парижских банков к министру финансов Коковцеву с пред-

¹⁾ «О желательных изменениях в постановке акционерного банковского дела в России», стр. 41.

²⁾ Русские финансисты обычно изображали дело значительно проще. Так, председатель правления Петербургского Учетного и Ссудного банка, Я. И. Утин, возвратившись из заграничной деловой поездки, высказался следующим образом об отношении парижских финансовых кругов к России: «Денег во Франции много, и они ищут помещения, и всего выгоднее поместить их в России, где мы аккуратно платим такие крупные 9/0/0, о которых французы не имеют понятия». «Биржевые Известия». 1907 г., № 24.

ложением об организации франко-русской банковской группы для финансирования русских предприятий. Коковцев ухватился за этот проект обеими руками. В своем ответном письме русский министр финансов горячо благодарит Вернейля за интерес, проявленный им к России и отмечает, что момент выбран очень удачно, ибо страна возвращается к «нормальным» условиям жизни. Он особенно доволен тем, что французы не собираются создавать новые предприятия («что потребовало бы значительного времени и легко могло бы привести к разочарованию»), а намерены заняться развитием существующих предприятий, страдающих отсутствием капиталов. Что касается участия русских банков, то министр выражает свою уверенность, что они, будучи заинтересованы в различных промышленных предприятиях, с радостью примут участие в предполагаемом синдикате. В заключение Коковцев сообщает, что он вел переговоры по этому поводу с 4-мя крупнейшими русскими банками, и что руководители Петербургского Международного и Учетно-Ссудного банков, Вышнеградский и Утин, выезжают в Париж для реализации намеченного плана¹⁾.

В начале 1908 г. в Париже состоялся ряд совещаний, в которых с русской стороны, кроме названных лиц, участвовали также П. Барк, представитель Волжско-Камского банка, и И. Гамель—от Русского для внешней торговли банка. Французы были представлены всеми крупнейшими парижскими банками, за исключением Лионского Кредита, который обещал свое содействие, но в совещаниях непосредственного участия не принимал.

В результате переговоров постановлено было учредить русско-французское финансовое общество под названием „Société Russo-Française d'Entreprises Industrielles et de Travaux Publics“, с основным капиталом в 5 милл. фр. Сфера деятельности общества была намечена весьма обширная: железнодорожные, трамвайные, горные и т. п. концессии, поставка предметов сухопутного и морского военного снабжения и т. д. Впредь до организации упомянутого общества, решено было создать для тех же целей консорциум, который объединил бы всех участников совещания. При этом французские банки выгово-

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст., 1907 г., № 23/28.

рили себе право самостоятельного финансирования русских предприятий, помимо общества. Русским же банкам была предоставлена свобода действия лишь в отношении дел, ими уже начатых. Что же касается новых операций и всякого рода правительственных концессий, то они обязались предоставлять таковые консорциуму.

В основном капитале проектируемого общества французы должны были участвовать в размере 60%, а русские банки—40%¹⁾. Во главе группы был поставлен комитет из 7 французов и 4-х русских под председательством представителя Paribas, которому было поручено в течение 2-х месяцев провести в жизнь все намеченные мероприятия²⁾.

Дело было задумано, как видим, весьма солидно и предпринято с благословения министерства финансов. О мотивах, которыми руководствовались при этом французские банки, можно кое-что узнать из программных выступлений инициатора дела—Вернейля. В своем заключительном слове на одном из

¹⁾ Считаю не лишним указать распределение долей между отдельными французскими банками (в 0/100):

Banque de Paris et des Pays-Bas.	18,00
Société Générale.	15,75
Comptoir National d'Escompte de Paris	15,75
Hottinguer & Co и его группа	13,50
Crédit Industriel et Commercial.	11,50
Banque de l'Union Parisienne.	9,00
Banque Française pour le Commerce et l'Industrie.	9,00
N. Bardac и его группа	7,50
	100,00

²⁾ Любопытно, что Северный банк (как и Русско-Китайский) не был привлечен первоначально министерством финансов к участию в синдикате. По этому поводу возникла оживленная переписка между директором Société Générale Доризоном и Коковцевым. Последний, не возражая против участия Северного банка, считает, однако, нежелательным включение его в список учредителей, ибо это сделало бы совет синдиката слишком громоздким... Коковцев, очевидно, опасался чрезмерного усиления французских голосов в совете,—как будто влияние той или другой стороны определялось количеством голосов, а не реальным соотношением сил.

совещаний последний отметил, что Франция, оказав России кредит более чем на 10 м-дов фр., не может оставаться равнодушной к судьбе своего должника и весьма заинтересована поэтому в развитии союзной страны, не располагающей собственными средствами для разработки своих естественных богатств. Для того, чтобы воздать должное благородным побуждениям г. Вернейля & Co, приведем также и те соображения, которые были высказаны им на открытии высокого собрания. Обуреваемый пылкими чувствами симпатии к России, Вернейль усиленно развивал ту мысль, что значительную часть заказов, которые придется делать проектируемому Русско-Французскому обществу, необходимо будет предоставить французской индустрии, ибо „только при таких условиях можно будет рассчитывать на содействие французских капиталов“...

О дальнейшей судьбе задуманного общества нам, к сожалению, сведений собрать не удалось. Судя по тому, что его имя нигде не фигурирует среди учреждений, проводивших эмиссии русских ценностей, мы склонны думать, что намеченный проект так и не был реализован, и дальше консорциума дело не пошло. Следствием парижских переговоров явилось, однако, несомненное укрепление связи между русскими и французскими кредитными учреждениями на почве их совместной деятельности по реализации русских эмиссий и, в частности, по финансированию промышленных предприятий. С этого времени Париж становится сильным притягательным центром для наших банков, не исключая и тех, в которых преобладал германский капитал.

Так, Петербургский Международный банк открывает в 1908 г. отделение в Париже, при чем необходимость этого мероприятия мотивируется правлением банка следующим образом: „Многочисленные связи операций Международного банка с парижским рынком, как в области русских дивидендных бумаг, так и в области пользования кредитом для ряда промышленных предприятий, вызывают необходимость в деятельном и энергичном представительстве в Париже“¹⁾. Таковую же необходимость испытывал и ряд других банков. Об этом

¹⁾ Из докладной записки правления Международного банка министру финансов от 22 февраля 1908 г. Особ. Канц. по кред. ч., 1901—1909, № 2/1869, ч. II.

свидетельствует участвовавшее в эти годы паломничество многих петербургских банковых деятелей в Париж, где реализуются наиболее крупные эмиссии русских промышленных ценностей.

Непосредственным результатом участия иностранных и русских банков в реорганизации промышленных предприятий явилось тесное сращение промышленного и банкового капитала. Самая реорганизация часто предпринималась банками в целях проведения „крупной промышленной политики“—упрочения своего влияния на определенные отрасли промышленности, включения предприятия в синдикат и т. п.¹⁾ На основе все растущей концентрации производства совершается в этот период переход нашего промышленного капитализма в монополистическую стадию, переход форсируемый в большой мере давлением банкового капитала, в первую очередь иностранного. На роли последнего остановимся более подробно в своем месте, при анализе взаимоотношений банков с промышленностью в последние довоенные годы. Здесь же отметим лишь то обстоятельство, что быстрый темп сращивания банкового и промышленного капитала в России обязан в огромной степени старым связям нашей тяжелой индустрии с иностранными и русскими кредитными учреждениями²⁾. Многочисленные реорганизации, имевшие место в этих отраслях промышленности в период депрессии и последующие годы, касались, главным образом, тех предприятий, которые еще с 90-х г.г. состояли в близких отношениях с банковым капиталом, в частности с иностранными банками.

¹⁾ Для некоторых русских банков, особенно глубоко завязавших в промышленных предприятиях, вопрос о реорганизации последних был вопросом жизни и смерти. В таком положении находился три поляковских банка: Московский Международный, Южно-Русский Промышленный и Орловский Коммерческий, имобилизовавшие в промышленности около 9 милл. руб. Не в лучшем состоянии находился Петербургский Частный Коммерческий банк, которому только один Петербургский вагоностроительный завод задолжал к 1 января 1909 г. около 4 милл. руб., при номинальном основном капитале банка в 8 милл. руб. Названные кредитные учреждения меньше всего, однако, имели возможность оздоровить предприятия собственными средствами. Для этого требовалась предварительная реорганизация самих банков.

²⁾ Достаточно указать, что южная металлургия работала на 95% на иностранные капиталы, и что иностранное участие во всей русской металлургии составляло накануне промышленного под'ема свыше 70% (И. Глаз и др. Цит. соч., стр. 109).

До начала промышленного под'ема 1910—1913 г.г. процесс сращивания протекает, однако, в сравнительно скромных размерах. В частности, активное наступление французского капитала на русскую банковую систему—один из основных этапов в истории нашего финансового капитала,—начинается по существу только в 1909 г. До этого времени французские финансовые круги относятся весьма сдержанно к многочисленным попыткам министерства финансов привлечь их к реорганизации некоторых русских кредитных учреждений. Между тем, в число последних входил и Петербургский Частный Комм. банк, будущая цитадель французского финансового капитала в России. Весьма показательны, что самая реорганизация этого банка (в 1910 г.) и его переход во французские руки произошли при честном маклерстве берлинского Nationalbank für Deutschland. Точно также вовлечение в орбиту французского влияния Соединенного банка, по сути дела, должно быть отнесено к 1910 г., когда им был заключен формальный договор с Banque de l'Union Parisienne. Участие же французов в реорганизации банка в 1908 г. было весьма незначительно: крупнейший пакет акций первого выпуска остался в портфеле Государственного банка. Еще в 1909 году правление Соединенного банка вело переговоры об увеличении капитала не в Париже, а в Лондоне. Наконец, к тому же 1910 г. относится создание самого крупного франко-русского учреждения—Русско-Азиатского банка. За 1907—9 г.г. французский капитал фактически участвовал в реализации эмиссии одного лишь Азовско-Донского банка (в 1908 г.) на сумму в 5 милл. рубл.

Совершенно иную картину мы наблюдали в годы под'ема. Это был, действительно, период бури и натиска иностранного капитала, период, завершившийся включением русской банковской системы и командных высот народного хозяйства в сферу европейского, в первую очередь, французского финансового капитала.

Как иностранный капитал овладел русской банковской системой. Цифры и факты.

В наступлении иностранного капитала на русскую банковую систему, наметившемся в последние годы депрессии, наибольшую активность проявляют вначале германские банки. Они распространяют свое влияние на Сибирский Торговый банк и укрепляют свои старые позиции, не давая проникнуть туда французскому капиталу. Несмотря на сильное сближение наших банков с Парижем в эти годы, эмиссии Международного, Русского для внешней торговли и Петерб. Учетного и Ссудного банков реализуются все же в Берлине. Французский капитал решительно выступает на сцену лишь в конце 1909 г. В связи с наметившимся подъемом он стремится создать себе прочную опору в русской банковской системе. Так как крупнейшие банки оказались в орбите германского влияния, то французский капитал принимается за реорганизацию второстепенных столичных банков и в течение нескольких лет превращает их в первоклассные учреждения. Еще позже и в более скромных размерах начинает проявлять интерес к русскому банковому делу английский капитал. Благодаря общим усилиям Парижа, Берлина и Лондона русская банковая система оказалась накануне войны в подавляющей своей части во власти европейского финансового капитала.

Но, говоря о подчинении русских банков иностранному капиталу, необходимо прежде всего выяснить ту реальную базу, на которой основывалось влияние последнего. Необходи-

димо, следовательно, в первую очередь определить долю иностранного участия в основном капитале наших банков. Эту фактическую сторону дела удобнее всего проследить на истории отдельных банков, к чему мы и переходим.

Русский для внешней торговли банк ¹⁾. К началу 1907 года основной капитал банка равнялся 20 милл. руб. В том же году была произведена новая эмиссия акций на 10 милл. руб. Гарантию выпуска взяли на себя Deutsche Bank и Wiener Bankverein, при чем участие первого выразалось в 87,5%, а второго в 12,5%. Deutsche Bank ввел акции нового выпуска в котировку берлинской биржи. В 1910 г. происходит следующее увеличение капитала банка на номинальную сумму в 10 милл. руб. Выпуск гарантируется тем же синдикатом: Deutsche Bank и Wiener Bankverein. По сообщению правления банка в Кредитную Канцелярию от 31-го мая 1910 г., из 40.000 акций этого выпуска, за границей размещено было среди старых акционеров 19.173. Кроме того, синдикатом было принято 1.904 акции, не затребованные старыми акционерами. Отсюда можно заключить, что больше половины акций прежних выпусков находилось за границей.

Эмиссия 1911-го года на 10 милл. руб. была гарантирована теми же банками и распределена следующим образом: в России разобрано 21.731 акция, за границей—17.683, остальные 586 акций приняты синдикатом, гарантировавшим выпуск.

Из выпуска 1914 г. на ту же сумму среди старых акционеров в России размещено 21.767 акций, за границей—14.045, и 4.188 взято тем же синдикатом, с Deutsche Bank во главе.

Таким образом, из трех перечисленных выпусков, за границей, почти исключительно в Германии, было размещено 57.579 акций. Если прибавить к этому количеству 21.548 акций, представленных Deutsche Bank к собранию акционеров Русского для внешней торговли банка 24 марта 1909 г., то окажется, что доля германского капитала в этом банке составляла не менее 40%.

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1910, № 14. „Die Bank“, 1908, №№ 5 и 7. „Биржевые Известия“, 1907, № 49 и 1911 г., №№ от 4 апреля и 11 мая. „Вестник финансов“, 1911 г., № 14. „Торгово-промышленная газета“, 1909 г., № 70, 1913, № 66, 1914, № 69.

Петербургский Международный Коммерческий банк¹⁾. Полоса интенсивного увеличения капитала банка начинается в 1909 году. Выпуск этого года в 6 милл. руб. был проведен консорциумом с Disconto-Gesellschaft и Bank für Handel und Industrie во главе. Следующие выпуски: 1911 г. в 6 милл. руб. и 1913 г. в 12 милл. руб. производились тем же консорциумом, при участии банкирских домов Блейхредер, Мендельсон и Гарди и К^о. Списки акционеров банка, представивших свои акции для участия в общих собраниях, некоторым образом иллюстрируют степень заинтересованности германского капитала в этом учреждении.

К общим собраниям	Март	13 ноября	10 марта
	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Всего представлено акций	73540	72651	99759
В том числе:			
Э. Ландсгоф (представитель Bank für Handel und Industrie)	12569	9447	20945
Disconto-Gesellschaft	2681	3808	—
Mendelsohn & Co	4821	2160	—
Deutsche Bank	4265	—	—
Dresdener Bank	—	3076	—
Bleichröder & Co	—	1023	2799
Nationalbank für Deutschland	—	—	6000
Hardy & Co, Berlin	—	—	3771
Итого представлено крупными германскими акционерами	24336	19514	33524
В % к общему количеству представленных акций	33,1	26,8	33,6

¹⁾ „Торг.-пром. газета“, 1907, № 72; 1910, № 71; 1911, № 55; 1914, № 58. „Банк и торговая газета“, 1912, № 3 и 1914, № 8. „Биржевые Известия“, 1911, от 7 мая и 1913, от 4 октября. „Die Bank“, 1910, №№ 5 и 11. „Börsen Kalender“ за 1910 и 1914 г.г. Особ. Канц. по кред. ч., 1901—1909. № 2/1869, ч. II.

Не подлежит сомнению, что большая часть акций, представленных к общим собраниям членами правления банка, принадлежала не им, а их германским доверителям. К сожалению, у нас нет соответствующих документальных данных. Но при всем этом вряд ли можно согласиться с утверждением Agahd'a, что Международный банк работал на $\frac{3}{4}$ на германские капиталы. Нам кажется, что в данном случае более близок к истине П. В. Оль, определяющий участие германского капитала в этом банке в 20 милл. руб.

Интересы германских акционеров были представлены в правлении Международного банка, очевидно, И. И. Вебером и А. И. Пфейфером, а неофициально—Э. Ландсгофом. К Международному банку был причастен и французский капитал в лице Banque de Paris et des Pays-Bas, но в весьма незначительной сумме.

Петербургский Учетный и Судный¹⁾. Банк увеличил свой капитал в 1910 и 1912 г.г. на 10 милл. руб. при участии Disconto-Gesellschaft и банк. дома Мендельсона. По данным правления банка, из 12.000 акций выпуска 1910 г. в Берлине размещено 1.167. О выпуске же 1912 г. сообщается, что он разобран старыми акционерами. Данные о составе акционеров банка весьма скудны и мало показательны.

Рижский Коммерческий банк. Дополнительный выпуск 1910 года в 5 милл. руб.—единственный. выпуск за исследуемый нами период—был гарантирован консорциумом, с Nationalbank für Deutschland и Disconto-Gesellschaft во главе, который ввел акции банка на берлинскую биржу²⁾.

Коммерческий банк в Варшаве. Увеличил свой капитал только в 1911 г. на 8 милл. руб. при участии Disconto-Gesellschaft, Nationalbank и Mitteldeutsche Kreditbank. Из 32.000 новых акций 2.200 взяты консорциумом, гарантировавшим выпуск³⁾.

Варшавский учетный банк⁴⁾. Выпуск 1910 года в 2 милл. руб. реализован Deutsche Bank при участии Петер-

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1902—1915, № 14. „Börsen Kalender“, 1913. Списки акционеров см. „Торг.-пром. газ.“—1910, № 72 и 1911, № 65; „Банковская и торгов. газ.“—1912, № 4 и 1913, № 63.

²⁾ „Die Bank“,—1910, № 12.

³⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1917, № 16/2.

⁴⁾ Особ. канц. по кред. ч., 1914, № 24, ч. I, „Die Bank“, 1910, №№ 1, 3, 6 и 8 и „Börsen Kalender“ за 1913 г.

бургского Международного и Русского для внешней торговли банков, при чем за границей было размещено 1.039 акций из 8.000. В том же году новые акции были введены Deutsche Bank на берлинской бирже. Выпуск 1912 г. в 4 милл. руб. произведен при помощи Deutsche Bank, Nationalbank für Deutschland и Русского для внешней торговли банка.

Торговый банк в Лодзи. Эмиссия 1911 г. в 5 милл. р. была произведена при участии Mitteldeutsche Kreditbank. Тем же банком производилась выплата дивиденда по акциям Лодзинского банка.

Кроме перечисленных кредитных учреждений, германский капитал, в лице Nationalbank für Deutschland и Mitteldeutsche Kreditbank, был причастен также в небольшой степени к Коммерческому банку в Белостоке и к Петербургскому Торговому банку. Последний возник в 1912 г. из преобразованного банкирского дома Вавельберга. В числе акционеров последнего банка значатся в 1913 г. Nationalbank für Deutschland и Э. Ландсгоф.

Русско-Азиатский банк. Основан в 1910 г. путем слияния Северного банка с Русско-Китайским. В 1908 году Русско-Китайский банк стоял накануне банкротства, потеряв на своих дальневосточных операциях около 16 милл. руб. Наиболее действительным средством для оздоровления банка было признано слияние его с другим каким-нибудь крупным кредитным учреждением. После длительных переговоров с Парижем и совещаний министерства финансов с представителями заинтересованных французских банков, жребий пал на Северный банк¹⁾. Но так как последний был дочерним обществом Société Générale, а Русско-Китайский—филиалом Paribas, то дело было решено не в Петербурге, а в Париже путем соглашения между упомянутыми французскими учреждениями. Протокол о слиянии был подписан в Париже 4 декабря 1909 г. от имени Société

¹⁾ Вначале предполагалось слияние Русско-Китайского банка с Сибирским. Как видно из письма Нецлина Коковцеву от 15/VII 1909 (Особ. Канц. по кред. ч., 1911, № 9, ч. II), сделка эта, „несмотря на явно выраженное желание немецких акционеров“ Сибирского банка, не состоялась исключительно благодаря противодействию председателя правления банка Соловейчика. Последний, опасаясь потерять свою руководящую роль, воспользовался, очевидно, своими личными родственными связями с заправилами Deutsche Bank, чтобы сорвать состоявшееся соглашение.

Générale членом правления Северного банка М. Верстратом и от имени Paribas—его вице-председателем и директором Русско-Китайского банка—Э. Нецлиным. Очевидно, приличия ради, был также вызван в Париж для подписания договора председатель правления Русско-Китайского банка А. И. Путилов.

Небезинтересно указать, что к последнему общему собранию акционеров Русско-Китайского банка, как и к предыдущим собраниям, подавляющее большинство акций представили французы, а самые крупные пакеты—Paribas и его директора. Петербургский Международный банк, располагавший на общем собрании в мае 1909 г. чуть ли не 25% всех представленных акций, на сей раз выступает с небольшим пакетом в 655 акций. Среди немногочисленных русских акционеров преобладали руководители Русско-Китайского банка, представившие небольшое количество акций.

Еще более показательны чрезвычайно общее собрание акционеров Северного банка, посвященное вопросу о слиянии. На этом „решающем“ собрании 30 марта 1910 г. присутствовало всего 16 человек, преимущественно, члены правления и совета банка: Верстрат и Верт—представители Société Générale, Рошеран—Paribas, по доверенности Э. Нецлина—В. Ф. Давыдов и т. д. Роль этих общих собраний свелась, таким образом, к переводу на русский язык состоявшегося в Париже соглашения—хлопотливая, но все же необходимая формальность.

Основной капитал Русско-Азиатского банка был определен в 35 милл. руб., запасный—в 17 милл. руб. Для того, чтобы довести капитал банка до этой суммы, решено было выпустить 24.334 новых акции на 4,5 милл. руб. номинальных. Проведение эмиссии взяли на себя Paribas и Société Générale, при чем за границей было размещено 20.304 акции, в России же—только 4.030.

Все дальнейшие эмиссии Русско-Азиатского банка в 1912 и 1913 г.г. были реализованы при ближайшем участии Paribas и Société Générale и акции размещены в подавляющей своей части во Франции. Об этом можно судить по спискам лиц и учреждений, представивших свои акции для участия в общих собраниях акционеров банка. (См. на обороте).

В нашем перечне фигурируют только крупные акционеры, в большинстве своем дружественные фирмы, клиенты и представители Paribas и Société Generale. Если прибавить к ним

К общим собраниям.	29 июня 1911 г.	14 февраля 1912 г.	30 мая 1913 г.
Всего представлено акций	47.102	54.489	50.412
В том числе:			
Banque de Paris et des Pays-Bas	—	1.749	3.611
E. Noetzelin	—	310	393
Thalman & Co, Paris	4.350	—	—
A. Lambard	4.550	4.499	3.935
J. Boulé	3.980	4.573	2.159
M. Tierce	—	4.027	4.145
G. Gubizolle	2.572	2.688	2.158
J. Durand	—	4.006	3.056
H. Maries	—	4.040	—
G. Speich	4.254	4.480	3.994
L. Jamain	4.350	4.566	—
M. Thelamont	—	4.620	—
V. Bit	3.550	4.129	3.536
Noel Léon	—	—	2.070
R. Levy	—	—	356
Neuflyze & Co	—	—	300
Surville	—	—	3.000
G. Malaize	—	—	200
Итого представлено крупными французск. акционерами	27.606	43.687	32.913
100% отношение ко всему коли- честву представленных акций	58,6%	80,2%	65,3%

всех мелких французских акционеров, то процент акций, представленных к упомянутым собраниям французами, окажется еще более высоким: для 1912 г.—96,3% (52.488 акций из 54.489), для 1913 г.—89,9% (45.308 из 50.412). Было бы, однако, совершенно неправильно сделать отсюда окончательные выводы о доле французских банков в основном капитале Русско-Азиатского банка. Дело в том, что количество акций, зарегистрированных для участия в каждом из указанных собраний, составляло менее 25% всех акций банка. К сожалению, у нас нет точных данных о размещении каждого из перечисленных выпусков. Но на основании того, что нам известно о французском участии в Северном и Русско-Китайском банках и о распределении выпуска 1910 г., мы вряд ли ошибемся, если определим участие французского капитала в Русско-Азиатском банке, по крайней мере, в 60%. Вероятнее всего, что эта цифра значительно преуменьшена. О степени заинтересованности французских банков в этом учреждении красноречиво говорит личный состав его правления и совета: Э. Нецлин, Р. Легран, М. Верстрат, А. Бенак, Готтингер, Дюбрейль, Рендр, Маттарель ¹⁾.

Петербургский Частный Коммерческий банк ²⁾. В годы кризиса и застоя дела банка пришли в полное расстройство. В течение ряда лет банк держался исключительно благодаря обильным казенным ссудам. В поисках средств для оздоровления дела правление банка обращается за границу, и французская финансовая группа, возглавляемая Banque Privée берет на себя реализацию дополнительного выпуска акций банка при условии введения двух своих представителей в его правление. Осуществлению сделки помешала, однако, неблагоприятная конъюнктура денежного рынка, наступившая в результате промышленного кризиса 1907 г., и злополучный Частный банк был буквально вынесен на рынок. Поиски покупателя шли и в Париже, где велись переговоры с такой первоклассной фирмой как торговец жемчугом М. Гринберг, и в Лондоне, где некий Бер предлагал создать специальную компанию с капиталом в 1 м. ф. ст. для обмена ее шеро на акции

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1911, № 149, ч. I, 1912, № 149. „Торг. пром. газ.“, 1911, № 144.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1913—1915, № 9. „Биржевые известия“. 1907, № 127.

банка, и со столь же солидными отечественными финансистами в Петербурге. Наконец, министерству финансов удалось заинтересовать этим делом Nationalbank für Deutschland. Усилиями последнего был образован банковый синдикат, в составе Crédit Mobilier Français и банкирских фирм Thalman & Co, J. Loste в Париже и L. Hirsch & Co в Лондоне, взявший на себя оздоровление Частного банка. Все старые долги банка были списаны и его основной капитал уменьшен с 8 милл. руб. до 2-х. Было выпущено 60.000 акций на 12 милл. руб., из коих 2 милл. руб. было обращено на обмен старых акций (из расчета— 1 новая акция на 4 старых) и на 2 милл. руб. акций продано Государственному банку, которому Частный банк задолжал к этому времени около 5 милл. руб.¹⁾ Старые акционеры получили только 5.000 новых акций. Остальные 35.000 были распределены между участниками синдиката, при чем Nationalbank für Deutschland досталось 3,11%²⁾.

Переход Частного банка к новой жизни ознаменовался введением в его правление ставленников французского синдиката Т. Ломбардо, Г. Буске, Ж. Лоста и де-Брейтеля, а в состав совета—Эли д'Ормессона, А. Барди-де-Фурту, П. Коллета и др. Все эти лица были „избраны“ на общем собрании акционеров 14 января 1901 г.

Следующий выпуск акций банка в 1911 г. на 8 милл. руб. был размещен следующим образом: 37.111 акций в России и 2.889 за границей, преимущественно в Париже.

О распределении выпуска 1912 г. в 10 милл. руб. правление банка сообщает, что 49.637 акций разобрано старыми акционерами, а 363 взято синдикатом. Сколько акций, помимо синдикатских, попало за границу—не указано.

Более точные данные имеются о реализации последнего довоенного выпуска 1913 г. в 10 милл. руб.: 9.015 акций размещено во Франции и 40.985—в России.

¹⁾ По соглашению Государственного банка с б. д. Thalman & Co, последний получил право опциона на эти акции сроком на 3 месяца.

²⁾ Смешанный немецко-французский состав синдиката объясняется, очевидно, следующим. В том же 1909 г. Nationalbank für Deutschland принимал участие в синдикате по реализации акций Crédit Mobilier Français (на 20 милл. фр.), в результате чего в его руках оказался значительный пакет акций последнего, и между обоими банками установились близкие отношения. См. E. Kaufmann. „Das französische Bankwesen“. 2 Aufl. 1923, S. 106.

Все перечисленные эмиссии были реализованы тем же синдикатом при участии Crédit Français¹⁾, Banque de Paris et des Pays-Bas²⁾ и Darmstädter Bank³⁾. Благодаря могущественной поддержке Парижа, основной капитал Петербургского Частного комм. банка был доведен в течение 4 лет до 40 милл. руб.⁴⁾

На основании приведенных данных нельзя, все же, определить с достаточной точностью размеры французского участия в капитале Пет. Частного банка. Помимо отсутствия подробных сведений о размещении выпуска 1912 г., необходимо также иметь в виду, что и данные о распределении остальных выпусков вряд ли можно признать окончательными. В одном из своих обращений в Кредитную Канцелярию (6/IX-1911 г.)¹⁾ правление Частного банка определенно указывает, что значительное количество акций, реализованных французской группой при реорганизации банка, вернулось в Россию. По словам правления, „к этому заключению приводит то обстоятельство, что Париж через посредство банка продавал несколько тысяч акций“. Дело в том, что банковские акции, как и акции большинства торгово-промышленных предприятий, далеко не на все 100% размещались „в прочные руки“, и переход их из Парижа в Петербург и обратно был делом чуть ли не повседневным.

При такой текучести точный подсчет весьма затруднен. Если предположить, что выпуск 1912 г. был распределен приблизительно в той же пропорции, что и следующий, то можно с некоторой вероятностью допустить, что из 200.000 акций Частного банка, бывших в обращении к 1-му января 1914 г., во Франции находилось около 30-35%²⁾.

¹⁾ Crédit Français был основан в 1911 г. фирмой J. Loste & Co. Председатель правления Пет. Частного банка А. А. Давидов состоял одновременно членом правления Crédit Français.

²⁾ Осенью 1909 г. состоялось соглашение между Crédit Mobilier Français и Banque de Paris et des Pays-Bas., установившее общность интересов между обоими банками. Одним из последствий этого соглашения и было, очевидно, участие Paribas в Пет. Частном Комм. банке.

³⁾ „Börsen Kalender“ за 1914 г.

⁴⁾ Небезынтересно указать, что за гарантию 3-х последних выпусков синдикату было уплачено 5%—1400 тыс. руб. Реализация выпуска 1909 г. обошлась еще дороже—круглым счетом в 1 милл. руб., что, кстати сказать, вызвало неудовольствие и протест со стороны некоторых наивных акционеров.

⁵⁾ По вычислениям Оля участие французского капитала в Пет. Частном Комм. банке определяется в 22.800 тыс. руб. — 57% основного капитала банка. Цифра эта нам кажется значительно преувеличенной. К сожалению, П. В. Оля не указывает ни методов своих исчислений, ни источников по каждому предприятию в отдельности. См. П. В. Оля „Иностранные капиталы в России“, стр. 30.

Через Петербургский Частный банк влияние французского капитала распространялось и на Московский Частный Коммерческий,¹⁾ преобразованный в 1912 г. в самостоятельное учреждение из Московского отделения Пет. Частного банка с основным капиталом в 5 милл. руб.

В списке учредителей банка, наряду с московскими капиталистами Н. И. Гучковым, бар. Л. Кнопом и др., значатся также А. А. Давидов, председатель правления Петербургского Частного банка, и А. И. Геннерт, вице-председатель совета того же банка. На собрании учредителей Московского Частного банка 29 января 1912 г. А. И. Геннерт избран председателем правления, а А. Давидов членом совета. В 1913 году банк увеличил свой капитал на 7,5 милл. руб. Выпуск был реализован французским синдикатом, близким к Пет. Частному банку, в составе *Crédit Mobilier Français* и *Thalman & Co.* при участии *L. Gunzburg & Co.* При содействии *Credit Mobilier Français* акции банка были в 1913 г. введены в оборот парижской биржи. Из 40.000 акций выпуска 1912 года синдикату передано было 28.099, в России же размещено 1904. Таким образом, из общего количества акций банка в 50.000 в руках синдиката оказалось 28.099, свыше 56%²⁾.

Французские акционеры были представлены в правлении банка Фредериксом, делегированным туда фирмой *Thalman & Co.*, а в совете — Ф. Дюфло и П. Дютасто, уполномоченными парижского синдиката, реализовавшего эмиссии банка.

Соединенный банк. Основан в 1908 г. путем слияния трех банков: Московского Международного, Южно-Русского Промышленного и Орловского Коммерческого. Все три банка со времени кризиса начала 1900 г.г. владели жалкое существование, находясь на содержании Государственного банка. Задолженность их казне достигла к моменту реорганизации внушительной суммы в 24 милл. руб. Благодаря этому они и управлялись специально делегированными в их правления чиновниками министерства финансов. Желая избавиться от

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1911, № 143. „Банков. и Торг. газ., 1912, № 1, „Биржевые Известия“ от 25 XI-1913 г. и „Торг.-пром. газета“, 1914, № 53.

²⁾ На общем собрании акционеров Московского Частного Комм. банка 2/III 1914 г. Петербургский Частный банк располагал 63% всех представленных акций.

обузы, министерство финансов начинает изыскивать способы к оздоровлению этих учреждений. Для этой цели предпринимаются энергичные поиски на заграничном денежном рынке. В 1906-7 г.г. ведутся по этому поводу усиленные переговоры с финансовой группой, возглавляемой Англо-Австрийским банком, а также с германскими кредитными учреждениями. Деятельное участие в этих переговорах принимает и сам Поляков, крупнейший акционер и бывший владелец всех трех банков. Потерпев неудачу в Париже, Поляков вновь обращается в Берлин. По словам агента министерства финансов в Берлине, П. И. Миллера, представитель Полякова „побывал в нескольких банках, предлагая сделку на еще более выгодных условиях, чем раньше... Это произвело здесь неблагоприятное впечатление вообще и, конечно, только повредило“. Дело тянулось таким образом до 1908 г., пока не удалось, наконец, заручиться содействием французской группы.

Основной капитал Соединенного банка был установлен первоначально в 7,5 милл. руб., при чем Государственный банк подписался на львиную долю этой суммы. Вновь созданное учреждение получило, однако, очень тяжелое наследство в виде 9 милл. руб., иммобилизованных в различных промышленных предприятиях. Перед правлением банка встал поэтому немедленно вопрос об увеличении капитала. В 1909 г. член правления Одарченко (чиновник министерства финансов) предпринял шаги в этом направлении в Лондоне. Так как условия, выдвинутые лондонской группой, были весьма невыгодны для банка, то решено было направиться по проторенной дорожке в Париж. На сей раз переговоры увенчались полным успехом. В 1910 г. был заключен договор с *Banque de l'Union Parisienne*, по которому Соединенный банк обязался предоставить названному французскому учреждению преимущественное право гарантии всех своих дальнейших эмиссий, сроком до 1915 года. В осуществление договора *Union Parisienne* взял на себя реализацию новых акций банка выпуска 1910 г., на 7,5 милл. руб. При этом было обусловлено, что Государственный банк уступит *Union Parisienne* 9.000 акций 1-го выпуска и предоставит последнему право опциона сроком на 3 года на все остающиеся у него старые акции.

По списку учреждений, удостоверения которых давали право участия в собраниях акционеров Соединенного банка,

можно заключить, что в реализации эмиссий последнего принимали участие, кроме Union Parisienne, также Société Generale de Belgique, Dresdener Bank, Deutsche Bank и лондонские фирмы Baring Brothers-London и Joint-Stock-Bank.

Новые эмиссии 1911 г. и 1912 г., по 7,5 милл. руб. каждая, были реализованы теми же учреждениями с Banque de l'Union Parisienne во главе. О размещении всех этих выпусков мы располагаем следующими данными. Из 37.500 акций 2-го выпуска (1910 г.) за границей реализовано 19.178. Из такого же количества акций 3-го выпуска за границу попало 11.624. О 4-м выпуске правление банка сообщает лишь в общих выражениях, что он весь разобран старыми акционерами. Остается предположить, что, распределение этого выпуска между русскими и заграничными акционерами произошло приблизительно в той же пропорции, что и раньше. К этому необходимо добавить, что в 1910—1911 г.г. значительное количество акций Соединенного банка было приобретено Union Parisienne непосредственно у Государственного банка в силу вышеупомянутого договора. На основании всех этих соображений можно предположить, что из общего количества 150.000 акций банка, бывших в обращении к 1-му января 1914 г., за границей находилось около 40%.

О значительности участия французского капитала в Соединенном банке свидетельствует присутствие в составе его правления и совета представителей французского финансового мира: Бутри, Дарси, Верунга, О. Гомберга и др. Акции банка были введены в 1910 году при содействии Union Parisienne на парижской бирже.

Отчеты об общих собраниях банка не дают достаточного представления о движении его акционеров. Отметим лишь, что на собрании в январе 1911 года Union Parisienne и близкие к нему фирмы и лица располагали 18.515 акциями из всех представленных 43.054—около 43%.

Соглашение Соединенного банка с Banque de l'Union Parisienne было расторгнуто задолго до срока. К концу 1913 г. дела последнего, в результате неудачных спекуляций, сильно пошатнулись, так что он вынужден был отказаться от реализации нового (5-го) выпуска акций своего русского клиента. Правление Соединенного банка заключило тогда аналогичное соглашение с другой французской группой, возглавляемой Société Centrale

des Banques de Province и Société Générale. При содействии последних Соединенный банк открыл в январе 1914 г. отделение в Париже и произвел новый выпуск акций на 10 милл. руб.

Русско-Французский Комм. банк¹⁾. Первоначально учрежден под названием Русско-Турецкого. Действия открыл в начале 1912 г. с основным капиталом в 5 милл. руб. Банк основан Crédit Français при содействии банк. домов J. Loste & Co и L. Dreifus & Co. Активное участие в этом деле принимал также Петербургский Международный банк.²⁾ Из 20.000 учредительских акций Русско-Французского банка на долю французских акционеров пришлось 13.898, в том числе Crédit Français—5.850, L. Dreifus—2.000 и J. Loste—500. Остальные 6.102 акции были размещены в России, при чем Петерб. Международный банк приобрел 3951. Из письма правления Crédit Français директору Кредитной Канцелярии от 23 июня 1912 г. мы узнаем, что половина основного капитала Русско-французского банка была вскоре уступлена русским кредитным учреждениям. Сделано это было для того, чтобы заинтересовать русскую финансовую группу в развитии банка. Для указанной цели был создан русско-французский синдикат, и русской группе, возглавляемой Петерб. Международным банком и Русско-Азиатским, было предоставлено 3 места в правлении и совете Русско-Французского банка.

Часть следующего выпуска 1913 г. в 12000 акций, по данным правления, была реализована полностью в России. О размещении другой части этого выпуска в 8000 акций у нас сведений не имеется. Иностранное участие в Русско-французском банке может быть определено на основании приведенных данных приблизительно в 35%.

Из провинциальных банков французский капитал был причастен к Ростовскому и/Д. Купеческому банку. Последний увеличил свой капитал в 1913 г. на 2 милл. руб. при содействии Петерб. Частного Комм. банка, уступившего ему свое ростовское отделение. Через посредство своего патрона

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1910-1916, № 141, ч. I. „Вестник финансов“, 1913, № 44. „Банк. и Торг. гав.“, 1913, № 9 и 1914, № 4. К. Claus.—„Die Kriegswirtschaft Russlands“ 1922.

²⁾ Учредительное собрание состоялось в помещении Международного банка.

Ростовский банк, очевидно, и завязал сношения с *Crédit Mobilier Français*.

По некоторым данным в тесной связи с Парижем состоял также Банк для Промышленности и Торговли в Варшаве¹⁾.

Сибирский Торговый банк²⁾. До перенесения правления в Петербург в 1903 г. — второстепенное, провинциальное учреждение с основным капиталом в 2,4 милл. руб. Столичные условия работы немедленно потребовали мобилизации новых средств, которая была предпринята в 1904 г. на сумму в 1,6 милл. руб. В 1906 году правление банка вступает в соглашение с *Deutsche Bank* о проведении нового выпуска акций на 3 милл. руб. Мотивы, из которых исходило правление, обращаясь за границу, сводятся к следующему: „Такая мера (реализация выпуска за границей. С. Р.), обеспечивая вполне успех выпуска, в то же время создала бы самому банку больший круг лиц, причастных к его делам и заинтересованных в его преуспевании“³⁾. Петербургская обстановка, как видим, очень скоро толкнула и Сибирский банк на путь, проложенный его более опытными коллегами. Для того, чтобы удержать свои позиции в борьбе с сильными конкурентами, ему пришлось вынести свои акции на заграничный рынок.

Эмиссия Сибирского банка 1907 года была реализована *Deutsche Bank* при участии *Wiener Bankverein*, и новые акции были вскоре введены в оборот берлинской биржи⁴⁾. Часть этого выпуска вскоре попала и в Париж, о чем можно судить по тому, что местом представления акций для участия в общих собраниях банка наряду с *Deutsche Bank* указывается с 1907 г.

¹⁾ См. И. Левин. — „Германские капиталы в России“.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1911, № 9/2 и 1912, № 9, ч. 3. „*Börsenkalender*“ за 1913.

„Торг.-пром. газета“, 1912, № 110.

³⁾ Из прошения банка министру финансов от 30 декабря 1906 г.

⁴⁾ Успеху Сибирского банка в Берлине, по словам *Agahd'a* особенно благоприятствовало то обстоятельство, что к этому времени (1906—1907 г.г.) в Германии был проявлен большой интерес к сибирскому рынку. В германских деловых кругах усиленно поговаривали об использовании Сибири в качестве *Hinterland'a* для налаживания торговых связей с Манчжурией и Китаем и о необходимости открытия в Сибири для этих целей германского кредитного учреждения.

и *Comptoir National d'Escompte de Paris*. Выпуск 1907 г. был размещен, очевидно, в большей своей части в Германии. *Deutsche Bank*, продержав эти акции около года в своем портфеле, продал их потом с курсовой надбавкой в 50%. Выпуски 1909 г. в 3 милл. руб. и 1910 г. в 2,5 милл. руб. были произведены при помощи того же синдиката, при чем за границей было размещено 2691 акция первого выпуска и 2201 акция второго.

В 1910 г. к акциям Сибирского банка начинает проявлять большой интерес Русско-Азиатский банк, и значительные партии „сибирских“ акций переходят во французские руки. Выпуск 1912 г. в 7,5 милл. руб. был уже гарантирован французской группой в составе *Banque Française pour le Commerce et l'Industrie*, *L. Hirsch & Co* и *Thalman & Co*, при участии *Société Centrale des Banques de Province* и Русско-Азиатского банка. В своем ходатайстве перед министром финансов по поводу последней эмиссии правление Сибирского банка указывает, что „новый выпуск предполагается разместить на французском рынке, и, дабы часть новых акций была разобрана старыми акционерами, основная группа крупных акционеров (читай: Русско-Азиатский банк. С. Р.) обязалась возместить финансирующей группе недостающее количество старых акций, так что в общем выпуск явится целиком размещенным за границей, и отечественных капиталов не потребуется“. Из записки, поданной И. Манусом директору Кредитной Канцелярии 17 ноября 1912 г., мы узнаем, что французские банки владели к этому времени 35000 акций Сибирского банка, т. е. свыше 40% всех его акций.

В реализации эмиссии 1912 г. принимал участие и *Deutsche Bank*, введший новые акции на берлинской бирже. Судя по полученному банком комиссионному вознаграждению, доля его участия была очень незначительна.

Осенью 1912 года акции Сибирского банка были введены *Banque Française pour le Commerce et l'Industrie* в официальную котировку парижской биржи, и директора *Banque Française*, Андре Гомберг и Шарль дю-Пели, вступили в состав совета Сибирского Торгового банка¹⁾:

¹⁾ О составе акционеров Сибирского банка см. „Торг.-пр. газ.“, 1911, № 70, 1912, № 82, 1913, №№ 69 и 89 и 1914, № 73.

Азовско-Донской Коммерческий банк¹⁾. В течение 1908—1913 гг. банк увеличил свой основной капитал с 15-ти до 50 милл. руб. и стал одним из крупнейших русских кредитных учреждений. Своим успехом он обязан в первую очередь могущественной поддержке заграницы. Все его эмиссии 1908, 1911, 1912 и 1913 гг. проводились теми же французскими учреждениями, с которыми банк был связан еще с 1906 года: Comptoir National d'Escompte de Paris и Société Marseillaise de Crédit Industriel et Commercial et de Dépôts во главе²⁾. Связи банка с Парижем крепились с каждым годом. В начале 1911 г. правление банка начинает хлопотать об открытии отделения в Париже. В прошении правления на имя министра финансов от 22 марта 1911 г. мы читаем: „В виду значительного развития, которого достигли в настоящее время сношения Азовско-Донского Коммерческого банка с заграницей, производящиеся по преимуществу при посредстве его французских корреспондентов, и, принимая во внимание, что значительная часть акций банка уже давно находится в руках французских капиталистов и размещена по многим городам Франции, правление банка полагало бы ныне своевременным учредить в Париже собственное филиальное учреждение, каковое предположение, в связи с предстоящей реализацией разрешенного банку нового выпуска акций на 10 милл. руб., представляется вполне осуществимым“. Получив отказ в своей просьбе, правление через несколько месяцев поднимает тот же вопрос вторично (в августе 1911 г.), при чем оно указывает, что отсутствие собственного отделения в Париже „ставит Азовско-Донской банк в значительно худшее положение по сравнению с другими крупными русскими банками, не обладающими при этом столь тесными связями с французскими капиталами, какими обладает Азовско-Донской Комм. банк³⁾. Подтверждением такой связи может служить, между прочим, и

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1908—1914 № 3, ч. 3. „Die Bank“ 1910, № 11 и 1912, № 6. О составе акционеров см. „Банк. и торг. газ.“ 1911, № 4 и 1912, № 4, „Торг.-пр. газ.“, 1913, № 81 и 1914, № 72.

²⁾ По данным Kaufmann'a (Цит. соч., S. 102), в реализации эмиссии Азовско-Донского банка принимал участие также Banque de l'Union Parisienne.

³⁾ К этому времени в Париже имели отделения следующие русские банки: Русско-Азиатский, Петерб. Международный и Русский для внешней торговли. Речь идет, конечно, о последних двух.

то обстоятельство, что во время предпоследнего выпуска акции й банка в 1908 г. во Франции насчитывалось около 850 акционеров, владевших 11000 акций, ныне же, при последнем выпуске акций в конце июня, там оказалось уже свыше 2600 акционеров, владеющих более чем 26500 акций. По этим акциям ими использовано право получения нового выпуска и, таким образом, в настоящее время в руках французских держателей находится до 40000 акций банка, при чем акции эти не сосредоточены в руках немногих крупных капиталистов, а широко распространены среди французской публики⁴⁾. Из заявления правления мы узнаем, следовательно, что из всех имевшихся в 1911 г. в обращении 120000 акций банка около 1/3 находилось в французских руках.

О реализации следующего выпуска 1912 г. правление подробно не сообщает, ограничиваясь общим указанием, что он в продажу по публичной подписке не поступил и был разобран владельцами старых акций. Из того, что нам известно о размещении прежних выпусков, можно заключить, что и эти акции были распределены между французскими и прочими акционерами приблизительно в той же пропорции. В этом нас убеждают и данные о судьбе последней довоенной эмиссии банка в 1913 г. Из 40000 акций этого выпуска в России было разобрано 29713, а заграницей—10287, при чем львиная доля попала, конечно, во Францию. На основании всего изложенного мы вряд ли ошибемся, если определим участие французского капитала в Азовско-Донском банке минимум в 25%¹⁾.

В финансировании Азовско-Донского банка принимали участие и крупнейшие германские кредитные учреждения—Deutsche Bank, Berliner Handelsgesellschaft и Bank für Handel und Industrie, главным образом, последний, способствовавший введению акций Азовско-Донского банка на берлинской бирже в октябре 1910 г. При помощи того же банка на берлинскую биржу были допущены акции выпуска 1912 г. В оборот парижской биржи акции банка были введены в 1911 г. Установить хотя бы с некоторой вероятностью долю германского участия

¹⁾ Судя по незначительному колебанию курса акций Азовско-Донского банка на петербургской бирже даже в „нервном“ 1910 г., можно предположить, что большинство этих акций находилось в прочих руках. Переход их из Парижа и Берлина в Петербург и обратно вряд ли имел место в крупных размерах.

в основном капитале банка по имеющимся у нас данным, представляется совершенно невозможным. Одно лишь можно сказать с уверенностью, что доля германского капитала в этом банке была ниже французской.

К Азовско-Донскому банку стояло близко и одно бельгийское кредитное учреждение — Banque Internationale de Bruxelles. Следует, однако, указать, что банк этот скорее можно назвать франко-германским, чем бельгийским¹⁾.

Франко-германский капитал был заинтересован также в Лодзинском Купеческом банке. Основанный в 1897 г. с капиталом в 2 милл. руб., банк в 1910 году произвел дополнительный выпуск акций на 1 милл. руб. при посредстве Deutsche Bank и Коммерческого банка в Варшаве, а в 1911 году — на 2 милл. руб. при участии Русско-Азиатского банка, Русского Торгово-Промышленного и Nationalbank für Deutschland.

Русский Торгово-Промышленный банк²⁾. После 10-летнего перерыва впервые приступает к увеличению своего капитала в 1907 г.

Связи с границей у банка к тому времени были очень слабы. Единственным иностранным кредитным учреждением, удостоверения которого давали право участия в общих собраниях банка, был до 1907 года Bank für Handel und Industrie в Берлине. Правление банка предпочитает, однако, обратиться за содействием по реализации нового выпуска на 1,25 милл. руб. в Париж. Принимали ли французские кредитные учреждения участие в гарантии ближайших трех выпусков 1908 и 1910 гг., нам установить не удалось. Что касается размещения этих эмиссий общей сложностью в 15 милл. руб., то, по сообщению правления, таковые были реализованы целиком в России.

В начале 1910 г. Русско-Азиатский банк стал скупать большими партиями акции Торгово-Промышленного. Из жалобы председателя правления банка министру финансов мы узнаем, что эта кампания была предпринята „с целью лишить его

¹⁾ Banque Internationale de Bruxelles был основан в 1898 г., как дочернее общество Darmstädter Bank, но впоследствии в нем принял участие и французский капитал в лице Banque Française pour le Commerce et l'Industrie. См. С. Obst., — „Das Bankgeschäft“. В. II, S. 475 и Kaufmann. Цит. Соч., S. 102.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1910, № 26, ч. 3-я; 1910, № 52/137 и II отд., 1 ст., 1915, № 9. „Биржевые известия“, 1907, №№ 16 и 18.

(Торгово-Пром. банк С. Р.) в значительной мере самостоятельности, посредством введения в состав его администрации своих членов“. Приобретенный Русско-Азиатским банком крупный пакет акций был в том же году продан лондонскому биржевому маклеру Криспу. Последний вскоре оказался владельцем почти $\frac{1}{3}$ всех акций Торгово-Промышленного банка (около 32.000 акций) и на собрании 26-го марта 1911 г. был избран членом правления. Крисп создал в Лондоне специальное финансовое общество, под названием „Anglo-Russian Bank“, которое имело целью, судя по его проспекту, в первую очередь принимать участие в Русском Торгово-Промышленном банке. Вскоре это общество было преобразовано в „British Bank for Foreign Trade“.

Anglo-Russian Bank вместе с Crédit Mobilier Français приняли на себя реализацию 40.000 акций Русского Торгово-Промышленного банка выпуска 1912 г. на 10 милл. руб. Фактически выпуск был реализован, однако, Crédit Mobilier, который приобрел все неразобранные старыми акционерами 6.007 новых акций. Всего же размещено было за границей 6.047 акций.

В начале 1911 г. Русский Торгово-Промышленный банк, по настоянию своего английского патрона, открыл отделение в Лондоне, которое Крисп очень широко использовал в своих интересах. Акции Торгово-Промышленного банка оставались в руках Криспа сравнительно недолго. В 1913 г. British Bank запутался в делах, задолжав казне крупную сумму по реализованному им займу Троицкой железной дороги. Крисп вынужден был поэтому заложить в Государственном банке 20.100 акций Торгово-Промышленного банка. Такая же история вышла в 1914 г. при реализации тем же British Bank займа Юго-Восточной жел. дороги. Криспу опять пришлось заложить большинство имевшихся у него акций русского банка. В результате в портфеле Государственного банка оказалось свыше 30.000 акций Торгово-Промышленного банка, которые к Криспу так и не вернулись. Таким образом, по сути дела участие английского капитала в Русском Торгово-Промышленном банке в начале 1914 г. сводилось к владению пакетом акций, не превышавшим 12 тыс. Если Крисп на общем собрании акционеров банка 26 марта 1914 г. располагал почти половиной голосов, то это объясняется, очевидно, тем, что Государственный банк

выдал ему заложенные акции для участия в собрании ¹⁾. Фактическими держателями акций банка за границей остались только французы, главным образом, *Crédit Mobilier Français* ²⁾.

Русско-Английский банк ³⁾. Учрежден в 1911 г. по инициативе Русско-Английской Торговой Палаты вместо проектированного проф. Мигулиным Всероссийского банка для хлебной торговли, которому не удалось собрать необходимого капитала. В организации дела принимала активное участие английская банковая фирма *Bolton & Co*, петербургское отделение которой легло в основу Русско-Английского банка. Из 5 милл. руб. основного капитала последнего, 2.736.000 руб. было собрано в Англии. Для прочного размещения этой суммы в Лондоне учреждено было общество, под названием *Imperial and Foreign Corporation Ltd*, с основным капиталом в 1 милл. ф. с., которое и явилось держателем акций банка. В списке директоров общества фигурируют лорд Бальфур и Остин Чемберлен ⁴⁾. Названное общество ставило себе целью, кроме непосредственного участия в делах банка, „служить дальнейшим подспорьем тому же банку для развития тех кредитного характера операций, которые могут находить себе широкое размещение на английском денежном рынке“.

В 1913 г. капитал банка был увеличен на 5 милл. руб. По данным правления, из 20.000 акций этого выпуска загра-

¹⁾ В записке, поданной правлением Торгово-Промышленного банка в Кредитную Канцелярию по поводу взаимоотношений банка с Криспом, мы читаем: „Так как в силу своей задолженности, как нашему банку, так и Кредитной Канцелярии, акции нашего банка только номинально принадлежат Криспу и его группе, то Торгово-Промышленный банк принужден искать защиты у Кредитной Канцелярии, которая является ныне фактическим держателем наших акций и может или не давать Криспу право голосования впредь до ликвидации его долгов или понудить его передать эти акции в более надежные и твердые руки“. Записка (без даты) относится, по всей видимости, к 1914 или 1915 году.

²⁾ Некоторые данные о составе акционеров Торгово-Промышленного банка см. „Банковая и Торговая Газета“ 1910, № 10. „Торгово-Промышленная Газета“, 1907, № 39, 1911, № 4, 1912, № 82, 1913, № 81 и 1914, № 71.

³⁾ Особ. Канц. по кред. ч. 1909, № 37. „Торгово-Промышленная Газета“ 1913, № 49 и 1914, № 62.

⁴⁾ Бальфур и Чемберлен регулярно представляли к общим собраниям акционеров Русско-Английского банка крупные пакеты акций, — деталь, не лишняя интереса для историков нашей гражданской войны и англо-советских взаимоотношений.

ницей было реализовано 5.000. Доля английского участия составляла, таким образом, к 1914 г. около 40% основного капитала банка ¹⁾. К Русско-Английскому банку был причастен в небольшой степени также один банкирский дом в Париже.

Подведем итоги. На основании изложенного, доля иностранного участия в основном капитале в русских акционерных коммерческих банках может быть определена приблизительно следующим образом (см. табл. № 2, стр. 84).

Полученные нами итоги не могут, конечно, претендовать на 100-процентную точность. Данные, которыми мы располагаем, далеко не с одинаковой полнотой охватывают все банки. Во многих случаях нам пришлось воспользоваться результатами вычислений П. В. Оля, не имея возможности их проверить. Некоторые банки с несомненным участием иностранного капитала, как Петербургский Торговый, Белостокский Коммерческий и Банк для торговли и промышленности в Варшаве, совершенно не вошли в подсчет, за отсутствием данных. Но, как уже отмечалось выше, о категорическом исчислении в данном случае речи быть не может. Дело идет лишь о выявлении некоторых тенденций. В этих пределах вышеприведенные данные могут служить достаточным основанием для дальнейших выводов.

Как видно из нашей таблицы, в руках иностранных держателей находилось в среднем около 40% акций 18 русских банков, основной капитал которых составлял около 75% капитала всех действовавших в 1914 году 46-ти акционерных коммерческих банков. Можно ли, однако, на основании одного этого факта утверждать, что иностранному капиталу удалось превратить русскую банковую систему в послушное орудие своей политики? Такой вывод был бы слишком поспешным. Система участия является, бесспорно, весьма могущественным орудием в руках финансового капитала. Но ведь речь идет о суверенном государстве. Не было ли с этой стороны каких-нибудь противодействующих факторов, препятствовавших рас-

¹⁾ Оля определяет участие английского капитала к моменту национализации банков в 80%. Цифра эта находит себе подтверждение в заявлении правления Русско-английского банка, адресованном в Комиссариат по финансовым делам 18-го Января 1918 г. Но дело в том, что это заявление меньше всего заслуживает доверия, ибо оно имело целью убедить Комиссариат, что банк по сути дела английский и национализации не подлежит.

пространению влияния иностранного капитала? Кроме того, необходимо иметь в виду, что об иностранном капитале, как об едином и целом, вообще говорить не приходится, тем более в эпоху империализма, обостряющего до крайности противоречия между отдельными капиталистическими странами. Не ослабляла ли конкурентная борьба между французским и германским капиталом их общего влияния на русскую банковую систему? Не подрывалось ли, наконец, влияние той и другой стороны конкуренцией между отдельными иностранными банками? Без учета всех этих моментов нельзя прийти к достаточно обоснованным выводам. В следующих главах попытаемся подробно осветить все указанные вопросы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О так называемом „парализующем влиянии“ министерства финансов.

В немногочисленной литературе, посвященной банковому делу в России, вопрос о влиянии иностранного капитала на деятельность русских банков очень мало освещен. В лучшем случае здесь регистрируются отдельные факты иностранного участия и отмечается наличие близких связей между русскими и заграничными кредитными учреждениями. Дальше этого дело обычно не идет. Очень много внимания уделяла этому вопросу черносотенно-националистическая „пресса“, пользовавшаяся всяким поводом для разоблачения немецкого и всякого прочего „засилья“. Но само собой понятно, что серьезного значения всем этим разоблачениям придавать не приходится. Следует отметить, что в широких деловых кругах мнение о господстве иностранного капитала в русских банках было весьма распространенным. Это „обычное мнение“ опровергается, однако, компетентным исследователем банкового дела в России И. Левиным. Во-первых, указывает Левин, „заграничные банки не обладают 50% акций, т. е. большинством“. Во-вторых, влияние иностранного капитала „парализуется влиянием министерства финансов“¹⁾.

Формально аргументация Левина неоспорима. Действительно, мы видели, что доля иностранного участия в основном капитале русских банков составляла в среднем только около 40%, превышая эту цифру лишь в немногих отдельных случаях. Что же касается влияния министерства финансов, то

¹⁾ И. Левин. „Основные тенденции в развитии акционерных коммерческих банков в России“. Изд. О-ва Финансовых реформ, № 6.

Участие иностранного капитала в русских

БАНКИ.	Основной капитал на 1 января 1914 г.	Доля участия	
		Германия.	
		Абсол.	В %
1. Русский для внешней торговли	50	20	40
2. Петербургский Международный коммерческий	48	* 20	42
3. Петербургский Учетный и Судный	20	* 4	20
4. Рижский коммерческий	10	* 5	50
5. Коммерческий банк в Варшаве	20	* 6	30
6. Варшавский Учетный	10	* 3	30
7. Торговый банк в Лодзи	10	* 2	20
8. Лодзинский купеческий	5	* 1	20
9. Сибирский торговый	20	* 4	20
10. Азовско-Донской коммерческий	50	* 8	16
11. Русско-Азиатский	50	* 2	4
12. Петербургский Частный коммерческий	40	* 0,2	0,5
13. Московский Частный коммерческий	12,5	—	—
14. Соединенный	30	* 1	3,3
15. Русско-Французский	10	—	—
16. Ростовский на-Дону купеческий	5	—	—
17. Русский Торгово-Промышленный	35	* 1	2,5
18. Русско-Английский	10	—	—
Итого	435,5	77,2	17,7

1) Цифры, помеченные (*) заимствованы у П. В. Оля. Все прочие вычи
2) Доля германского участия в Сибирском банке нам кажется значительно
3) В подсчет не включено участие бельгийского капитала, определяемое

Таблица № 2.

акционерных коммерческих банках¹⁾.

иностранного капитала.					
Франция.		Англия.		Всего.	
Абсол.	В %	Абсол.	В %	Абсол.	В %
—	—	—	—	20 ⁴⁾	40
* 1	2	—	—	21	43,1
—	—	—	—	4	20
—	—	—	—	5	50
—	—	—	—	6	30
—	—	—	—	3	30
—	—	—	—	2	20
* 1	20	—	—	2	40
8	40	—	—	12	60 ²⁾
—	—	—	—	—	—
12,5	25	× 2	4	22,5	45 ³⁾
30	60	× 4	8	38	72
—	—	—	—	—	—
14	35	—	—	14,2	35,5
—	—	—	—	—	—
7,0	56	—	—	7,0	56
12	40	—	—	13	43,3
3,5	35	—	—	3,50	35
—	—	—	—	—	—
2,25	45	—	—	2,25	45
—	—	—	—	—	—
* 4	11,4	3	—	8	22,8
—	—	4	40	4	40
—	—	—	—	—	—
95,25	21,9	13	0,3	185,45	42,6

слены нами на основании вышеприведенных данных.
преувеличенной.
Олем в 2 млрд. рублей.

и здесь наличие влияния само по себе отмечено вполне правильно. Но, тем не менее, точка зрения Левина не выдерживает никакой критики.

Как известно, для того, чтобы овладеть акционерным предприятием, вовсе не нужно располагать абсолютным большинством или даже 50% его основного капитала. Для этого вполне достаточно иметь относительное большинство, быть сильнее любого другого акционера. Большинство акционеров, как правильно указывает Jeidels, заинтересовано почти исключительно в дивиденде, но отнюдь не в управлении предприятием и редко посещает общие собрания. ¹⁾ К собранию обычно представляется поэтому лишь незначительное количество акций—от 20% до 50%. Присутствует же на самом собрании еще меньший процент акционеров.

Весьма характерным в этом отношении является общее собрание акционеров Северного банка 30 марта 1910 г.

На этом исключительной важности собрании, где решалась судьба банка, присутствовало всего 16 человек (из них только 8 действительных акционеров), в то время, как число всех акционеров банка насчитывалось тысячами. Таковую же картину мы наблюдаем на общем собрании того же банка 10 ноября 1908 г. Из 500 акционеров, представивших свои акции для участия в собрании, фактически явилось только 16 человек—в большинстве своем руководители и ответственные служащие банка, запасшиеся достаточным количеством доверенностей.

Пример Северного банка может, правда, показаться недостаточно типичным, в виду того, что большинство его акций было размещено среди мелких французских держателей. Приведем поэтому несколько случаев из практики других банков. На вторичное общее собрание акционеров Русского для Внешней Торговли банка 26 апреля 1913 г. явилось 36 человек, располагавших 33881 акцией, что составляло лишь около 60% всех зарегистрированных к собранию акций, и менее 20% общего количества акций, выпущенных банком. К собранию Петербургского Учетного и Ссудного банка 16 марта 1913 г.

¹⁾ Прекрасной иллюстрацией к сказанному может служить собрание акционеров Всеобщей Компании Электричества 24/V—1911 г., на котором присутствовало... 4 человека—рекордное достижение акционерной демократии. Ср. также G. Oist. Цит. соч. В. II. S. 517.

представлено было 34447 акций, явились же только владельцы 23365 акций,—около 23% всех акций банка. Подобных примеров можно было бы привести очень много.

Необходимо, кроме того, иметь в виду, что банковские правила почти всегда имели возможность обеспечить себе большинство на общем собрании ¹⁾, используя для этой цели хотя бы акции, находящиеся в банке (в своем или в дружественном) в депо или в обеспечение счета клиентов. Широко практиковалась также скупка банком собственных акций накануне общих собраний. Акции эти расписывались правлением на имя подставных лиц, обычно на имя своих же служащих, которые исполняли потом на общем собрании роль статистов. Таким образом, для того, чтобы приобрести решающее влияние на деятельность банка, было необходимо и достаточно завладеть его правлением. ²⁾ „Советы банков и ревизионные комиссии—одна фикция. Самые годовые собрания акционеров, в которых все заранее предрешено, расписано, представляют одну формальность“. ³⁾ Стоило только иностранной банковской группе добиться большинства на одном собрании и ввести своих людей в правление, чтобы обеспечить себе надолго руководство банком.

Безо бы, вообще, наивно думать, что влияние иностранного капитала на русскую банковую систему обуславливалось

¹⁾ Особой виртуозностью отличался в этом отношении председатель правления Сибирского банка М. А. Соловейчик. Он ухитрился использовать полученную Сибирским банком казенную ссуду в 7 милл. руб. для закупки крупного пакета акций своего банка. Вначале он держал эти акции на своем личном окольном счету. Затем он продал свой пакет основанной им в Париже банкирской конторе, акции которой были, в свою очередь, приобретены Сибирским банком. Таким образом, правление банка, в лице Соловейчика, оказалось одним из влиятельнейших акционеров и могло беспрепятственно осуществлять все свои планы.

²⁾ Иностранные кредитные учреждения были поэтому чрезвычайно разборчивы в выборе руководящего личного состава зависимых русских банков. Приведем в качестве примера следующий факт: председатель правления Петербургского Частного банка А. Давыдов, с целью задобрить строптивого акционера Дембота, пытался провести его в члены Совета банка, но, встретив решительный отпор со стороны Парижа, вынужден был отказаться от своего намерения.

³⁾ Из жалобы акционера Северного банка П. Н. Гранкина директору Кредитной Канцелярии от 6/XI 1919 г. Особ. Канц. по кредит. 1910 г., № 18.

исключительно тем, что иностранные кредитные учреждения были самыми крупными акционерами многих русских банков. Последние неизбежно должны были прибегнуть к иностранному патронату, хотя бы потому, что в противном случае они были бы лишены участия в наиболее крупных промышленных и железнодорожных эмиссиях, которые обычно проводились под руководством тех же заграничных банков. Не последнюю роль играли в этом отношении и те дешевые оборотные средства, которые наши банки временами весьма обильно черпали за границей. По данным того же Левина краткосрочные позаймствования русских банков за границей доходили в 1913 г. до 350 милл. руб. ¹⁾ Вопрос о влиянии иностранного капитала на русские банки никак нельзя, следовательно, свести к арифметическим выкладкам о доле заграницы в акционерном капитале того или иного учреждения.

Второй аргумент Левина о влиянии министерства финансов на деятельность наших банков заслуживает большего внимания. Помимо широкой возможности административного вмешательства, министерство располагало гораздо более реальным орудием воздействия на вверенные его попечению банки. Таковым служил всемогущий и всеблагий казенный сундук, к которому отечественные капиталисты (и не они одни) всегда питали очень нежные чувства. Из этого сундука, как из рога изобилия, сыпались субсидии и ссуды в банковские карманы, значительно превышая суммы краткосрочных позаймствований наших банков за границей. В состав этих „воспособлений“ входили следующие основные статьи: 1) средства казны (Кредитной Канцелярии и Государственного Казначейства) и Государственного банка, хранившиеся в отделениях русских банков за границей; 2) выручка от реализации железнодорожных займов, притекавшая в частные банки в виде вкладов; 3) предоставление банкам выгодных эмиссий и финансовых поручений;

¹⁾ И. Левин. — „Германские капиталы в России“. 2 изд. 1918 г., стр. 40—41. О значении этих кредитов красноречиво свидетельствует следующий факт. В 1910 г. ставки по текущим счетам у частных банков доходили до 5% в то время, как учет производился из 4¼%. На первый взгляд могло казаться, что банки работают себе в убыток. На самом же деле они очень хорошо зарабатывали на этой операции, так как ставка, из которой производился учет, была значительно выше того процента, который русские банки платили своим заграничным корреспондентам по краткосрочным ссудам.

4) ссуда в форме „Красного Креста“ ¹⁾ и 5) всякого рода специальные ссуды Государственного Банка, а также переучет и перезалог банковских векселей и ценных бумаг. Все перечисленные статьи составляли в общей сложности весьма внушительную цифру, в чем можно убедиться на основании ниже следующих данных ²⁾.

Наличность казен. сумм в русских банках (в милл. руб.).

На 1 января.	Суммы в отделениях русских банков за границей.	Железнодорожные вклады.	ВСЕГО.
1910 г.	76,4	52,9	129,3
1911 „	155,5	154,9	310,4
1912 „	226,1	130,7	356,8
1913 „	191,5	221,5	413,0
1914 „	202,6	333,6	536,2

Вряд ли нужно подчеркивать, что банки пользовались этими средствами на исключительно льготных условиях. Для примера укажем, что в 1913 г. парижские отделения Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли и Международного банков платили по казенным вкладам около 3%, в то время, как официальный дисконт достигал в среднем 6%, а частный, по первоклассным векселям, — даже 6½—7%. Выгодность этих вкладов заключалась еще в том, что почти всегда можно было путем просьб и ходатайств отсрочить их погашение, приурочивая таковое к наиболее удобным для банка моментам. ³⁾

¹⁾ Особый интервенционный фонд, предоставленный министерством финансов в распоряжение крупных банков для биржевого регулирования курса ценных бумаг.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст. 1914, № 36. Дело Комитета Финансов.

³⁾ О выгоды казенных вкладов можно судить по тому, что Соединенный банк грозил Коковцеву закрытием своего берлинского отделения (единственное русское банковое отделение в Берлине), если министерство финансов не обеспечит последнего минимальным вкладом в 10 милл. руб.

Что касается финансовых поручений Кредитной Канцелярии, то они сводились, главным образом, к приобретению за границей русских фондов, к покупке и продаже иностранной валюты и т. д. Прибыльность этих операций заключалась не столько в % и комиссии, сколько в том, что при этом открывались дешевые кредиты на десятки миллионов рублей. Окончательный же расчет по операциям производился с большими оттяжками, что давало банкам возможность выгодно использовать огромные суммы ¹⁾. Сплошь и рядом практиковалось, что банк получал в счет порученной ему операции круглую сумму авансом, а когда наступал срок платежа, то начинались бесконечные ходатайства об отсрочке, и аванс превращался в долгосрочную ссуду. Подобные кредиты отпускались, как отдельным банкам, так и банковым синдикатам. Таких синдикатов было создано за время с ноября 1910 г. по август 1911 г. целых пять, при чем в их распоряжение было предоставлено в общей сложности около 150 милл. рублей, сроком по 1914 г., в среднем, из 3—4% ²⁾.

Еще более крупную сумму составляли краткосрочные кредиты, открытые Государственным банком частным коммерческим банкам по учетно-ссудным операциям. Позаимствования этого рода выражались в следующих цифрах:

На 1 января.	В милл. руб.	В % отношении к общей сумме вкладов в акц. комм. банках.
1909 г.	231,4	18,5
1910 »	217,9	16,0
1911 »	337,0	16,5
1912 »	424,8	21,6
1913 »	492,1	19,6

¹⁾ В мае 1911 г. 4-мя петербургскими банками был организован для покупки русских фондов за границей синдикат, которому государственный банк открыл кредит на сумму от 100 до 200 милл. франков из 3%. К 1-му января 1912 г. синдикат успел получить около 99 милл. франков; закуплено же было ценных бумаг всего на 76 милл. франков. Остаток в 23 милл. фр. пошел в оборот.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч. II отд., 1 ст., 1914 г., № 194/82.

По вычислениям Agahd'a субсидии министерства финансов русским банкам составляли в 1913 г. около 800 милл. руб., не считая переучета и перезалога. По официальным данным „средства, предоставленные частным банкам казной и Государственным банком“, определяются для начала 1914 г. в 754,8 милл. руб. ¹⁾ Цифры Agahd'a кажутся нам поэтому весьма близкими к действительности.

Мы убедились, таким образом, что влияние министерства финансов на деятельность русских кредитных учреждений имело под собой весьма реальную основу. Если высший годовой кредит, оказанный русским банкам за границей, достигал за 1907—1913 г.г. 350 милл. руб., то казенные ссуды, как мы видели, превышали эту сумму чуть ли не втрое. Для русского банка не могло быть худшей угрозой, чем немилость начальства ²⁾. И тем не менее утверждение Левина о парализующей роли министерства финансов остается в корне неверным, по той простой причине, что министерство не могло, да и не хотело противодействовать влиянию иностранного капитала на русские банки. В этом гвоздь вопроса.

Вся экономическая политика царского правительства, особенно начиная с 90-х годов, проходила под знаком привлечения иностранного капитала в Россию. Мы видели, что для привлечения капиталов из за границы делалось все возможное: высокие таможенные пошлины, правительственная гарантия железнодорожных и прочих займов, казенные заказы, гарантия иностранным предпринимателям определенного % прибыли и т. п. Как ни менялось направление правительственной политики, в этом вопросе она всегда оставалась постоянной.

¹⁾ Данные заимствованы нами из протокола заседания Комитета Финансов от 14 марта 1914 г. (Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд. I ст. 1914 № 36. Дело Комитета Финансов). В названном документе нет, к сожалению, указаний, о каких именно средствах идет речь. Несомненно лишь одно, что в подсчет вошли не все статьи, т. к. один итог по переучету и перезалогу (335 м. р.) заграничным и железнодорожным вкладам составлял к 1/1—1914 г. свыше 870 милл. руб.

²⁾ Когда некоторые московские банки отказались примкнуть к банковому соглашению 1910 г. об установлении однообразных %-х ставок по пассивным операциям, то Кредитная Канцелярия пригрозила им лишением кредита в Гос. банке, и это немедленно возымело действие. Особ. Канц. по кред. ч., 1910, № 73.

Само царское правительство, зависевшее во многом от милости европейской, в частности парижской биржи, давно уже попало в сферу влияния иностранных ростовщиков. По мере развития в Европе монополистического капитализма и захвата иностранным капиталом командных высот русского народного хозяйства, эта зависимость стала еще более прочной и ощутительной. „Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинить себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полной политической независимостью“ (Ленин). Могло ли например, министерство финансов пытаться парализовать влияние Banque de Paris et des Pays-Bas и Société Générale на Русско-Азиатский банк, если от тех же французских биржевых королей зависели финансовое благополучие русского правительства, курс его фондов и возможность новых займов. А кто же будет финансировать в должной мере русскую промышленность, транспорт, судостроение, подводить „металлическую базу“ под русский империализм, если не те же французские банки?

Очень показательна в этом отношении та интимная близость, которая существовала между русским министерством финансов и воротилами европейской биржи. Нецлин (Paribas), Доризон (Société Générale), О. Гомберг (Union Parisienne), банкиры Bardac и Hottinquer, de-Verneuil — председатель комитета парижских биржевых маклеров, Мендельсон, Виттенберг (Nationalbank für Deutschland) — свои люди в министерстве финансов. Они состоят в дружеской, получастной переписке с министром и директором Кредитной Канцелярии и не стесняются преподавать им советы и указания. Верным залогом этой дружбы служил русский золотой запас за границей, помещенный у тех же друзей на исключительно выгодных для них условиях ¹⁾. За-

¹⁾ Для предотвращения вывоза золота за границу и обеспечения устойчивости вексельного курса, министерство финансов держало на своем счету у иностранных банкиров огромные суммы, из которых производились платежи по государственной и частной заграничной задолженности. За последнее довоенное пятилетие размер золотого фонда за границей равнялся в среднем 500 с лишним милл. руб., достигая к 1-му января 1913 г. даже 651 милл. руб. Около 60—70% этого фонда находилось в Париже, % около 25—30 — в Берлине. Как правило заграничные банки платили по этим суммам на 1—1½%

служивает быть отмеченным, как курьез, что господство французского капитала над русскими финансами отражалось в глазах некоторых министерских прихвостней, как „финансовая диктатура русского министерства финансов в Европе“ ¹⁾. При этом упускался из виду сущий пустяк, что заграничный золотой фонд питался не только активным сальдо торгового баланса, но в весьма значительной степени также внешними займами: государственными, железнодорожными и пр.

Министерство финансов не только ничем не препятствовало подчинению русских банков иностранному капиталу, но, наоборот, всемерно этому содействовало. Иначе оно поступать не могло, ибо иностранные кредитные учреждения финансировали русские банки под фактическую, а нередко и формальную гарантию министерства. Взяв на себя ответственность перед заграничными банками за благополучие их русских филиалов, министерство „во избежание упреков“ должно было им всячески угождать. Ниже мы увидим, что министерство финансов относилось к этим своим обязательствам более чем добросовестно.

Когда Русско-Китайский банк в 1908 г. запутался в делах, было создано специально совещание под председательством министра финансов для изыскания мер к оздоровлению банка. Чувствуя свою ответственность перед фактическим хозяином банка — Banque de Paris et des Pays-Bas, министерство вызвало на совещание Нецлина. Послушаем, как министр финансов объясняет свое горячее участие в этом деле: „Председатель заявил, что, не считая себя вправе непосредственно вмешиваться в дела банка, он находит, однако же, невозможным совершенно устранить от обсуждения необходимых мероприятий: 1) т. к. Государственное Казначейство является дер-

ниже официального учетного 0%. Особой льготой пользовался Banque de Paris et des Pays-Bas, один из крупнейших корреспондентов казны — с него взималось только 1½%, в то время, как остальные французские банки и парижские отделения русских банков платили 2½—3%. Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст., 1913 г., № 20/34.

¹⁾ Буквальное выражение одного из приближенных министра финансов Коковцева по поводу газетной кампании против золотого фонда за границей. (Особ. Канц. по кред. ч., 1915 г., № 9). Под этим подразумевалось, что хранение крупных казенных сумм у заграничных банкиров ставило последних в зависимое положение от министерства финансов. Иначе говоря, веревка не только „держит“ повешенного — она всецело в его власти.

жателем серебряных акций банка на крупную сумму, 2) в виду того, что среди держателей акций банка, в особенности во Франции, укоренилось мнение о тесной связи Русско-Китайского банка с министерством финансов и 3) во избежание упреков французских капиталистов в том, что, продав им принадлежащие русскому правительству акции по сравнительно высокой цене, министерство финансов остается равнодушным зрителем того понижения, которое испытали акции в последнее время¹⁾.

Итак, с одной стороны, „укоренилось мнение“, очевидно, ни на чем не основанное, а с другой стороны—„невозможность совершенно устраниться“. Выходит не совсем кругло. Если нет возможности устраниться, то, значит, укоренившееся мнение имеет под собой почву. Меньше всего, конечно, противоречивость высокого оратора могла смутить Нецлина, по той простой причине, что он уже предварительно (если не ошибаемся в датах) успел получить 500 тыс. руб., ассигнованных по его же просьбе министерством для поддержания курса акций Русско-Китайского банка на парижской бирже²⁾.

Но, может быть, Русско-Китайский банк был исключением? Может быть, судьба этого банка, как орудия царской политики на Ближнем и Дальнем Востоке, была особенно дорога русскому правительству? Обратимся поэтому к менее фаворабельному банку—Соединенному.

Французский капитал принимает участие в организации банка. Banque de l'Union Parisienne реализует дополнительные выпуски его акций. Дело это, очевидно, не благотворительное. Помимо эмиссионных барышей оно сулит еще более ценные деловые связи в дальнейшем. Но французским банкирам этого мало. Они рассчитывают, кроме того, на особую благодарность министерства финансов, о чем самым недвусмысленным образом доводят до сведения последнего. В одном из своих писем

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1908 г., № 23.

²⁾ Операцию с акциями Русско-Китайского банка производил, конечно, Paribas. Последний повышал, таким образом, курс акций своего же филиала за счет русской казны, нагревая в то же время руки на выгодной биржевой операции. Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст. 1908 г., № 11.

Необходимо прибавить, что вслед за этим Русско-Китайскому банку была выдана казенная ссуда в 12 милл. руб. и предоставлен ряд выгодных эмиссий.

директору Кредитной Канцелярии видный парижский банкир Noël Bardac сообщает, что Union Parisienne привлек его к участию в реализации нового выпуска акций Соединенного банка, на что он из'явил согласие лишь после того, как его уверили в весьма благосклонном отношении высоких сфер в России к этому учреждению. Это обстоятельство является, по утверждению Bardac'a, одной из причин, побудивших и другие французские банки взяться за это дело¹⁾. Насколько нам удалось проследить, Соединенный банк никогда не имел основания жаловаться на немилость „высоких сфер“. В то время, например, как другие московские банки принуждались угрозами примкнуть к банковому соглашению о размере процентных ставок по пассивным операциям, для Соединенного банка было сделано исключение. Председатель Правления Соединенного банка Татищев был в Министерстве финансов своим человеком и в переписке с Коковцевым всегда рассыпался в благодарностях за его внимательное отношение к банку.

Еще более поучительна история с реорганизацией Петербургского Частного Коммерческого банка. Весьма характерно, что переговоры с заграницей по этому поводу ведутся не правлением заинтересованного банка, а непосредственно министерством финансов. Директор Nationalbank für Deutschland Виттенберг, который был привлечен к участию в этом деле, вполне последовательно делает отсюда соответствующие выводы. Он согласен взяться за оздоровление банка лишь при условии, что министерство финансов передаст Частному банку определенную сумму железнодорожных вкладов, предоставит последнему реализацию одного из ближайших гарантированных железнодорожных займов и введет его в синдикат крупных петербургских банков. Иными словами, г. Виттенберг будет участвовать в реорганизации при условии, что казна возьмет банк на свое полное иждивение. Мы готовы были вслед за г. Нuth'ом приписать аппетиты Nationalbank его национальным особенностям. Станным образом, оказалось, однако, что вкусы в Берлине и Париже совпадают. Привлеченный вскоре к тому же делу парижский банкир Loste, руководимый, очевидно, „стре-

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1908 г., № 41, ч. 4.

манием к чести и славе" ¹⁾, требует в виде компенсации за свое участие ни много, ни мало—концессию на железнодорожное строительство в Западной Сибири. К чести французской дипломатии надо сказать, что она усиленно поддерживала просьбу г. Лоста. Но всего интереснее, что домогательства эти не отвергаются. В письме к французскому послу в Петербурге Ж. Луи, принимавшему деятельное участие в реорганизации Частного банка, директор Кредитной Канцелярии обещает от имени своего патрона, что, при прочих равных условиях, концессия будет предоставлена Лосту и заверяет посла, что министерство финансов окажет Петербургскому Частному банку свое моральное и материальное содействие ²⁾.

Приведенные случаи не единичны и не случайны. Они характеризуют определенный тип взаимоотношений, определенную систему. Одной из достопримечательностей этой системы является весьма своеобразный кругооборот капитала, настолько оригинальный, что он заслуживает подробного описания.

Стадия первая. Сотни миллионов рублей, выкаченные из русского народного хозяйства, текут в Париж и Берлин в форме казенных вкладов у заграничных банкиров из ничтожного %.

Стадия вторая. Снабженная маркой *made in Germany*, а еще чаще—французской этикеткой, часть этих средств возвращается на родину в кассы русских банков в виде краткосрочных ссуд из %, конечно, более высокого.

Стадия третья. Русские банки развивают при помощи этих кредитов усиленную спекулятивную деятельность, курсы летят вверх, эмиссии следуют одна за другой, и вырученная прибыль полюбовно распределяется между Петербургом, Па-

¹⁾ Некий немецкий юморист Walter Huth, пишущий, по недоразумению, "ученые" экономические труды, совершенно серьезно утверждает, что многочисленные займы, оказываемые Францией другим странам, в частности России, несмотря на сомнительную кредитоспособность этих стран, объясняются, исключительно, свойственными французским сберегателям и государственным деятелям чувствами и стремлениями к чести и славе. Писано в лето от рождения христова 1918. Walter Huth. „Die Entwicklung der deutschen und französischen Grossbanken, etc". S. 135-6.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1913—1915, № 9. Небезинтересно отметить, что к Петербургскому Частному банку стоял очень близко б. вел. кн. Андрей Владимирович, который выразил Коковцеву свою горячую благодарность за успешное проведение реорганизации банка.

рижем и Берлином. Но тут неизбежно наступает заминка. Биржевое оживление, обязанное в значительной степени возбуждающим средствам банковской рецептуры, в конце концов, утихает. Спекулятивно вздутые курсы начинают катиться вниз. Тогда выступает на сцену министерство финансов. При таком положении вещей оно, естественно, не может оставаться равнодушным зрителем. Ведь, помимо нарушения „нормального" хода хозяйственной жизни, дело грозит еще большими внешними осложнениями. Колебание курсов в Петербурге эхом отдается в Париже, подрывается доверие к финансовой устойчивости государства. Процесс вступает тогда в свою четвертую стадию. Раскрывается казенный сундук, и банки получают специальные повышательные фонды. Но аппетит у банков ненасытный, а содержимое казенного сундука, увы, ограничено. Вот тут-то и приходят на помощь иностранные друзья, и кругооборот вступает в свою пятую и последнюю фазу. Заключается новый заем, с увеличением внешней задолженности неизбежно растет золотой фонд за границей, и игра начинается сначала.

Вот как министерство финансов само изображает свою роль в этом кругообороте ¹⁾. „По отношению к бирже Управляющим министерством финансов было указано, что, при наблюдающемся за последнее время постоянном понижении курсов, министерство финансов забрасывается требованиями поддерживать биржу. Что касается до поддержания ценностей, то для этой цели служит образованный уже давно консорциум частных банков с предоставлением ему кредита в Государственном банке, доведенного ныне до 30 милл. руб. Полагая, что искусственная поддержка ценностей со стороны министерства финансов в настоящее время неправильна и в особенности недопустима в период промышленного под'ема, когда на бирже создается лишний стимул для ажиотажа, Управляющий м-вом финансов полагал бы, однако, неосторожным прекратить ее ныне, когда биржа переживает депрессию и, будучи приучена к поддержке извне, не в силах справиться самостоятельно с усиленным предложением бумаг. Крутое прекращение интервенций, практикуемых уже несколько лет и, несомненно, повлиявших на со-

¹⁾ Из протокола заседания Комитета Финансов от 14 марта 1914 г. Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст., 1914 г., № 36.

стояние курсов, могло бы, в особенности в настоящее тревожное время, привести к последствиям, которые трудно заранее предугадать¹⁾.

Беспомощность министерства, его жалкая роль игрушки в руках банковских дельцов, нарисована здесь с достаточной яркостью. Сознывая, что состояние курса русских ценностей, обязанное в значительной мере его интервенциям, сильно вздуто, министерство все же не в состоянии отказаться от своей политики во избежание последствий, „которые трудно заранее предугадать“. Как указывалось выше, результатом подобной коллизии являлся, обычно, новый заем, приносивший банкам свежие повышательные фонды. История одного такого займа — объединенного железнодорожного 1914 г. — дает прекрасную иллюстрацию описанной нами системы.

В начале 1914 г. министерство финансов было весьма озабочено подысканием средств для удовлетворения бесконечных ходатайств банков о поддержке¹⁾. Речь шла о крупных суммах. Между тем обыкновенные ресурсы в виде Красного Креста и т. п. были полностью исчерпаны, и задолженность частных банков казне достигала свыше 750 милл. руб. Тогда министерство решилось на грандиозную операцию — выпуск за границей объединенного займа 9-ти железных дорог на сумму в 226,3 милл. руб. Главными участниками этой операции были парижские банки: Лионский Кредит, Paribas, Société Générale, Comptoir National и б. д. Hottinguer & Co. Из всей выручки Государственный банк удержал 114 милл. руб. для частичного погаше-

¹⁾ Приводим в качестве образца мотивировку одного из таких ходатайств: „Считая увеличение биржевых оборотов одной из самых серьезных мер для улучшения общей биржевой и промышленной конъюнктуры, группа нижеподписавшихся банков находит необходимым поддержать это оживление для приведения рынка дивидендных бумаг в нормальное русло. Увеличением оборотов установится и устойчивость курса акций разных предприятий, благодаря чему восстановится также доверие держателей дивидендных бумаг и удержит их от реализации таковых. В виду же продолжающегося стесненного положения денежного рынка, банки не в состоянии оказывать дальнейших кредитов, за исключением на то свободных средств, а предоставленные Государственным банком средства на интервенционные покупки уже почти целиком исчерпаны“.

Из прошения пяти петербургских банков 30/XII-1913 г. Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., I ст., 1914 г., № 53.

ния задолженности частных банков. Оставшаяся сумма была передана русским банкам в виде вкладов. Но так как банки получили таким образом только 112 милл. руб., то „было признано желательным предоставить нашим банкам некоторые дополнительные средства“. В этих целях была предпринята следующая комбинация: Кредитная Канцелярия из своих средств распределила между русскими банками на счет Banque de Paris et des Pays-Bas и Лионского Кредита 113 милл. руб. из 4¹/₂%, сроком на 9¹/₂ месяцев, при чем проценты должны были быть уплачены нашими банками названным двум французским учреждениям вперед. Последние, в свою очередь, кредитовали на соответствующую сумму — 301,3 милл. франков — счет русского казначейства (так называемый счет Trésor), начислив в пользу казны 1%. Таким образом, французские банки, не затратив фактически ни гроша, заработали за счет казны свыше 3,1 милл. руб. О смысле этой комбинации мы узнаем из записки Кредитной Канцелярии следующее: „Операция дала возможность: 1) усилить свободные средства русских банков, не увеличивая вместе с тем их задолженности министерству финансов, 2) предоставить некоторую выгоду, помимо установленной по контракту маржи, синдикату французских банков, реализовавших объединенный железнодорожный заем, так как разница между получаемыми и платимыми ими процентами идет в их пользу“¹⁾.

Распределение ролей в этом тройственном союзе оказывается воистину замечательным. Двое делят барыши, а третий... глядит и не нарадуется на их высокополезную деятельность по опорожнению его карманов.

Приведем еще один чрезвычайно колоритный пример, иллюстрирующий, как ловкие иностранные дельцы использовали эту „слабость“ министерства финансов.

В 1910 г. лондонский биржевой делец Крисп образовал финансовую группу для реализации русских эмиссий на английском рынке. Для того, чтобы приобрести опору в Петербурге, группа обратила свое внимание на Русский Торгово-Промышленный банк. Акции последнего в то время усиленно скупались Русско-Азиатским банком, стоявшим очень близко к упомяну-

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., I ст., 1914 г., № 53.

той лондонской группе ¹⁾). Как уже указывалось, Крисп, при помощи этого дружественного учреждения, приобрел крупнейший пакет акций Торгово-Промышленного банка, держателем которых вскоре стал основанный тем же Криспом „British Bank for Foreign Trade“ с капиталом в 1,2 милл. фунтов стерлингов. Наряду с последним Крисп организовал еще несколько финансовых трестов ²⁾, группировавшихся вокруг Торгово-Промышленного банка и имевших целью размещать русские ценности на лондонском рынке. Министерство финансов не только не препятствовало захвату Криспом русского банка, но, наоборот, было очень радо этому обстоятельству, ожидая, что перед русскими ценностями широко раскроется богатейший английский денежный рынок ³⁾).

Между тем, весь капитал многочисленных трестов Криспа заключался в тех 1,2 милл. фунтов стерл., которые были потрачены на приобретение акций русского банка: British Bank for Foreign Trade владел акциями Русского Торгово-Промышленного банка, Russian Investment S-te—акциями British Bank и т. д. Весьма показательно для солидности последнего учреждения, что он не пользовался кредитом в Английском Банке. Министерство финансов, имея в Лондоне своего постоянного агента, не могло этого не знать. Тем не менее группе Криспа была предоставлена реализация займа Тройцкой жел. дороги. Этого мало. Уже после того, как выяснилась вся несостоятельность British Bank, и Крисп оказался вынужденным заложить в Государственном банке около $\frac{2}{3}$ имевшихся у него акций своего русского филиала, названный лондонский банк был снова привлечен к участию

¹⁾ По утверждению Agahd'a, скупка акций Торгово-Промышленного банка производилась в целях слияния его с Русско-Азиатским. По другой версии—операция эта была предпринята Русско-Азиатским банком совместно с Русским для внешней торговли с целью добиться закрытия провинциальных отделений банка в тех местах, где существовали отделения 2-х первых учреждений. Всего более вероятно, что кампания велась по инициативе из Лондона.

²⁾ Russian Investment Syndicate, British and International Investment Trust и New Trust Ltd.

³⁾ Председатель правления Торгово-Промышленного банка Максимов, опасаясь, что Крисп лишит его руководящей роли, пытался апеллировать к национальным чувствам министра финансов. В своей докладной записке Максимов указывает, что вступление ставленников английской группы в правление лишит банк „его русского национального характера и отдаст его в руки инородческой и иностранной группы“.

в реализации займа Юго-Восточной ж. д. Но и на сей раз он оказался не в состоянии внести вырученную им от реализации займа сумму, задолжав казне от 600 до 700 тысяч руб.. Тогда Крисп предложил Кредитной Канцелярии следующую комбинацию. Он готов гарантировать долг своего банка, но с тем, чтобы Государственный банк выдал ему, Криспу, ссуду около 6,8 милл. руб. под обеспечение 19800 акций Торгово-Промышленного банка. Как видит читатель, предложение носило характер явного вымогательства: за гарантию своего же долга в 900 тыс. руб. Крисп требовал новую ссуду в 6,8 милл. руб. И все же ссуда была выдана.

Министерство финансов предполагало привлечь английский капитал в Россию, а вышло так, что Крисп при содействии министерства усиленно привлекал русские капиталы в свой карман. Кроме казенных ссуд, Крисп сумел также широко воспользоваться средствами самого Русского Торгово-Промышленного банка, в частности его лондонского отделения, для финансирования своих многочисленных предприятий. Реализовав заем для Бразилии, он все неразобранные облигации этого займа заложил в лондонском филиале Торгово-Промышленного банка. В том же отделении он открыл кредит на сумму свыше 400 тыс. фунтов стерл. учрежденной им бразильской железно-дорожной компании. По всем трестам своей группы Крисп задолжал Русскому Торгово-Промышленному банку под залог самых разнообразных бумаг около 800 тыс. фунтов стерл. В интересах справедливости следует указать, что министерство финансов в конце концов (в 1914 г.) спохватилось и... настояло на отставке председателя правления Торгово-Промышленного банка И. Кона, ставленника Криспа. Но в то же время Государственный банк продолжал беспрепятственно выдавать Криспу заложенные им акции для участия в общих собраниях акционеров Торгово-Промышленного банка. Таким образом, Крисп сохранил фактическое руководство банком вплоть до 1915 г. ¹⁾.

Описанный нами случай при всех своих индивидуальных особенностях, обязанных блестящему спекулятивному таланту Криспа, отнюдь не может быть признан исключением. В нем

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 5 отд., 3 ст., 1910 г., №№ 26 и 52, и 2 отд., 1 ст., 1915 г., № 9.

лишь с особенной рельефностью и законченностью проявляется один из основных стимулов, способствовавших приливу иностранных капиталов в русское банковое дело¹⁾. Необходимо к тому же иметь в виду, что английский капитал был в министерских кругах в несравненно меньшем фаворе, чем французский²⁾, связь с которым имела больше традиций и была несравненно интимнее и теснее. Из истории с Криспом можно поэтому заключить, как далеко заходила „любезность“ министерства финансов по отношению к французскому капиталу и к тем русским банкам, которые были связаны с этим последним.

Подобно тому, как государственные займы покупались царским правительством ценой „предупредительности и сговорчивости на почве внешней политики“³⁾, так и привлечение иностранных капиталов в банковое дело (как и в другие отрасли народного хозяйства) приходилось оплачивать той же ценой. Французская дипломатия очень умело использовывала для своих целей филиалы французских банков в России. Отнюдь не случайным является, конечно, тот факт, что представителем русской финансовой группы в Мароккском Государственном банке — учреждении, служившем ареной борьбы между Францией и Германией — выступал не кто иной, как Северный банк, дочернее общество Société Générale⁴⁾. Из таких же соображе-

ний французская финансовая группа привлекла русские банки к реализации сербского займа 1909 г., 25% которого должно было быть реализовано в Германии. Участие русских банков, по признанию царского посла в Париже Неклюдова, вызывалось необходимостью усилить положение и значение французской группы лишними голосами¹⁾. Между тем, каждая попытка русского правительства воспользоваться своими связями с парижскими банками в интересах своей внешней политики кончалась, обычно, новыми компенсациями.

Из многочисленных примеров в этой области приведем хотя бы следующий. В 1913 г. русская дипломатия добивалась у французов уступки Русско-Азиатскому банку Салоникского банка (филиал Paribas и S-té Générale) со всеми его отделениями. Чтобы склонить к этому французское правительство, решено было сделать ему уступку в вопросе о железнодорожных концессиях в Малой Азии²⁾. Необходимость этой уступки царские дипломаты мотивировали очень резонно. Для проведения русских планов железнодорожного строительства в Турции, рассуждали они, все равно неизбежно будет „обратиться к французскому рынку и, следовательно, с взглядами французского правительства предстоит в данном случае считаться не только в настоящее время, но и в будущее“³⁾. Перед нами аргументация замечательная по своей простоте и ясности: без французского рынка не обойтись, следовательно, необходимо считаться. Вот и „премудрость философии всей“. Речь идет в данном случае о французском правительстве, но, как известно, знаменитое изречение — L'État c'est moi — давно уже красуется в гербе французских банков.

Не лучше обстояли в этом отношении дела и на родине. Каждую попытку использовать русские банки в качестве проводников царской внешней политики приходилось оплачивать так щедро, что министерство финансов, лишь скрепя сердце,

¹⁾ Тов. Ванаг указывает, что Торгово-Промышленный банк связал свою судьбу с английским банковым капиталом, и ставит этот факт в связь с усилением заинтересованности английских капиталов в русской горной промышленности. На самом деле, английский банковый капитал имел весьма отдаленное отношение к Русскому Торгово-Промышленному банку, такое же, как английские капиталы, вложенные в русскую горную промышленность в массе своей, к British Bank — зашудалому спекулятивному детищу Криспа. См. Н. Ванаг. Цит. соч., стр. 53.

²⁾ Любопытно, что даже солидный и именитый английский капитал, причастный к Русско-Английскому банку, не встречал особенно любовного к себе отношения в русских правительственных сферах. Достаточно указать, что Русско-Английскому банку было отказано в содействии при введении его акций на петербургской бирже.

³⁾ См. «Биржевые Известия», 1907 г., № 222.

⁴⁾ Министр иностранных дел Ламсдорф пишет по этому поводу русскому послу в Париже Шипову: „По мнению французского посла всего желательнее было бы поручить участие в эмиссии (Мароккского банка С. Р.) одному из русских банков, имеющих связи с французскими финансовыми кругами, как, например, Северному банку“. Особ. Канц. по кред. ч., 1906 г., № 1/82.

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст., 1909 г., № 26.

²⁾ Речь шла о том, чтобы не чинить препятствий французскому синдикату в реализации полученной им еще в 1911 г. концессии на постройку Трапезундской жел. дор. Постройка этой линии была особенно нежелательна русскому правительству, в виду того, что она облегчала проникновение иностранных изделений на рынки Северной Персии.

³⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст., 1913-1914, № 111.

решалось на подобные затеи. Так, в 1913 г. министерство иностранных дел усиленно хлопотало об участии русских банков в проведении сербского займа. Коковцев считал, однако, нужным указать Сазонову, что с финансовой точки зрения участие русских банков в этом деле „крайне нежелательно“. „Я предвижу, пишет Коковцев, что в результате моего обращения к русским банкам явится лишь новая затрата средств Государственного банка, как это уже имело место при выдаче аванса болгарскому правительству“¹⁾. Русские банки, как видим, довольно дорого расценивали свои патриотические чувства²⁾.

Все перечисленные факты говорят об одном: министерство финансов было безвольной игрушкой в руках международных банкиров. Вассал европейской биржи, кровно заинтересованный в поддержании курса своих фондов за границей, царское правительство вынуждено было всячески потворствовать иностранному капиталу. Заграничным банкам не нужно было располагать большинством акций каждого русского банка, чтобы подчинить его своему господству. Об этом в достаточной мере заботилось само министерство финансов.

По меткому выражению Agahd'a, петербургские банки — с виду русские, по средствам иностранные, по риску министерские. Формула эта, однако, далеко неточна. Из всего изложенного видно, что и средства русских банков были не совсем иностранного происхождения. Суть дела именно в том и заключается, что иностранный капитал, через посредство русских банков и при широком содей-

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., I ст., № 16/27. Секретное. Кроме болгарского аванса, Коковцев мог бы, при желании, сослаться на сербский же опыт. В 1910 г. Петербургский Международный банк открыл, по предложению министерства финансов, кредит сербской Офицерской Задруге в размере 4 милл. франков. В результате Кредитной Канцелярии пришлось в качестве компенсации иммобилизовать в парижском отделении банка ровно такую же сумму на целых 5 лет. Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., I ст., 1915 г., № 17.

²⁾ В вышеупомянутом деле с Салоникским банком министерство иностранных дел пыталось соблазнить Русско-Азиатский банк обещанием дипломатической поддержки. Правление банка не замедлило, однако, выразить свою надежду, что „к обещанной министерством иностранных дел дипломатической поддержке присоединится и финансовая помощь министерства финансов“.

ствии министерства финансов, распоряжался не столько своими, сколько русскими средствами. С этой существенной оговоркой характеристика Agahd'a может быть применена не только к петербургским банкам, но почти ко всей русской банковской системе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Создание банковых монополий.

Предыдущее изложение показало, что европейский финансовый капитал прочно овладел русской банковской системой. В настоящей главе мы проследим влияние иностранного капитала на развитие наших банков в период предвоенного промышленного подъема и его роль в монополизации банкового капитала в России.

Годы промышленного подъема усилили тенденцию к концентрации и централизации в банковом деле. Этому способствовала все возрастающая концентрация промышленности и широкое синдикатское движение, развернувшееся в России в годы депрессии и особенно в период подъема. Возросшие размеры кредитов, крупный размах эмиссионных операций, потребность в разделении риска между обширной клиентурой— все это требовало огромных капиталов. В этом направлении действовала также обострившаяся между банками конкуренция и усиленная погоня их за вкладами, вызванная все растущим спросом на капиталы. Солидность банка и доверие к нему вкладчиков, при прочих равных условиях, зависели, главным образом, от величины его капитала. Конкурентная борьба, протекавшая между равными почти по силе соперниками, толкала банки на путь объединения и соглашения. Последнего требовала также усилившаяся эмиссионная деятельность. Проведение крупных эмиссий стало не по силам отдельному банку. На этой почве и в более ранние годы создавались банковые

консорциумы ¹⁾. Новые условия работы благоприятствовали превращению временных соглашений в более длительные и прочные.

Но помимо всех моментов общего характера, способствовавших банковской концентрации, одним из наиболее активных факторов, значительно форсировавших этот процесс, было влияние монополистического иностранного капитала. Последний был крайне заинтересован в том, чтобы финансируемые им учреждения не конкурировали друг с другом—от этого в большой мере зависели величина дивиденда, курс банковых акций и размер эмиссионных барышей. Удельный вес той или иной иностранной финансовой группы в русской банковской системе, а следовательно, и во всем народном хозяйстве, обуславливался в значительной мере степенью координации действий ее русских филиалов. Конкуренция между действовавшими в России иностранными банковыми группами заставляла каждую из них внимательно следить за тем, чтобы контролируемые ею учреждения не отставали в своем росте от банков противоположной группы, и чтобы они действовали возможно более дружно и согласованно.

Министерство финансов поглядывало на растущую мощь монополистического банкового капитала весьма недружелюбно. Еще в 1906 г. на одном из совещаний по делу поляковских банков П. А. Барк высказался решительно против создания из этих 3-х учреждений одного крупного банка, ссылаясь на печальный пример Лионского Кредита, „с коим французскому правительству приходится считаться“ ²⁾. Той же точки зрения придерживались в правительственных сферах и в более поздние годы. Но тем не менее во всех

¹⁾ Сближению между отдельными банками способствовало, между прочим, и следующее обстоятельство. Как указывалось выше, банкам запрещалось владеть значительным количеством собственных акций. Но так как это грозило великими неожиданностями на общих собраниях, то правления отдельных банков заключали между собой соглашения на началах „do ut des“. Каждый банк обязывался представлять к общим собраниям акционеров своего союзника крупные пакеты акций, чтобы поддержать, таким образом, существующее правление. Ослаблению конкуренции между крупными банками содействовали также устраивавшиеся между ними по инициативе министерства финансов соглашения об установлении однообразных процентных ставок по пассивным операциям.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1908 г., № 41, ч. I-я.

тех случаях, когда банковые объединения диктовались интересами иностранного, особенно французского, капитала, министерство было бессильно этому противодействовать. Об этом свидетельствует хотя бы факт возникновения того самого Соединенного банка, которого так опасался Барк... Ниже мы увидим, что министерство финансов пыталось сделать из нужды добродетель и соответствующим образом „раз'ясняло“ указанные случаи, изображая их, как акты своего свободного творчества. Об'ективно вся политика министерства, усиленно покровительствовавшего тем банкам, в которых иностранный капитал был наиболее заинтересован (сюда относились наиболее крупные банки), чрезвычайно благоприятствовало процессу концентрации ¹⁾.

Мы видели, что концентрация банкового дела сделала большие успехи еще в 90-х г.г. Уже в то время крупные банки значительно опередили в своем росте все прочие. Кризис и депрессия заметно усилили этот процесс. В течение первого десятилетия XX века происходит массовая гибель мелких банков, главным образом, провинциальных. За этот период было ликвидировано 8 учреждений, возникло же вновь всего 2 ²⁾. Усиливается также тяга провинциальных учреждений в Петербург. Министерство финансов относится, однако, отрицательно к этому явлению, опасаясь, очевидно, обострения конкуренции между столичными банками и обременения Кредитной Канцелярии новыми ходатайствами о ссудах и воспособлениях. Благодаря этому лишь немногим счастливицам удалось пробраться в столицу ³⁾.

В период предвоенного промышленного под'ема упадок провинциальных банков сменился некоторым оживлением. Про-

¹⁾ Укажем хотя бы на распределение выручки от реализации об'единенного железнодорожного займа. За отдельными исключениями вся сумма была размещена между столичными банками. Точно также обстояло дело и со всякого рода другими ссудами и субсидиями.

²⁾ Ликвидированы: в 1901 г.—1) Харьковский Торговый, 2) Екатеринославский Коммерческий, 3) Петербургско-Азовский; в 1904 г.—4) Петербургско-Московский и 5) Костромской Коммерческий; в 1909 г.—6) Средне-Азиатский Коммерческий, 7) Минский Коммерческий и 8) Балтийский Торгово-Промышленный в Ревеле. Вновь возникли: Северный и Самарский Кувеческий.

³⁾ В 1900 г. Южно-Русский Промышленный банк попал после долгих хлопот в Москву. В 1903—4 г.г. добились перевода в Петербург Азовско-Донской и Сибирский Торговый.

винциальные учреждения продолжали, однако, сильно отставать в своем росте от столичных. Последние с каждым годом все шире раскидывали сеть своих отделений по стране, успешно вытесняя своих провинциальных конкурентов, как это видно из следующей таблицы:

Года.	Всех банков.		Петербургск.		Московских.		Провинциал.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%

К 1/1.

Число акц. коммерч. банков.

1900	38	100	8	21,1	4	10,5	26	68,4
1910	30	100	9	30,0	4	13,3	17	56,7
1914	46	100	12	26,1	8	17,4	26	56,5

Число банковых филиалов ¹⁾.

1900	225	100	134	59,5	53	23,6	38	16,9
1910	584	100	442	75,7	93	15,9	49	8,4
1914	769	100	594	77,2	112	14,6	63	8,2

Число провинциальных банков, уменьшившееся за 1900—1909 гг. с 68,4 до 56,7%, продолжает относительно падать и в дальнейшем, несмотря на сильный абсолютный рост ²⁾. Еще значительнее упадок числа филиалов провинциальных банков: от 17% в 1900 году до 8,2% в 1914 г. По числу банков наибольшее приращение дает в последние годы Москва. Что же касается филиалов, то наибольших успехов достигли в этой области петербургские банки.

¹⁾ Данные о филиалах относятся к концу года. Заимствованы из „Трудов I-го с'езда представителей провинциальных акц. комм. банков“ 1915 г.

²⁾ Число провинциальных банков росло не столько путем возникновения новых учреждений, сколько за счет преобразования единоличных банковских фирм в акционерные, о чем свидетельствуют следующие данные:

Наглядное представление об удельном весе отдельных групп банков даст нам извлечение из сводного баланса акционерных коммерч. банков за 1900—1914 г.г. (см. табл. № 3).

По всем статьям баланса на долю петербургских банков приходится от 60 до 75%. В то время, как до 1910 г. % чужих средств был у этих банков ниже % их собственных капиталов, в последующие годы положение резко меняется в пользу вкладов. Совершенно другая тенденция наблюдается у провинциальных учреждений. У них отношение между собственными и чужими средствами все время меняется в одном определенном направлении, и к 1914 г. эти банки располагают всего 9,8% вкладов при 18,2% капиталов. Этот момент ярко свидетельствует о регрессе провинциальных банков, а также о том, что накопление в стране становилось все более крупно-капи-

№№ по порядку.	Год основ.	Название банка.	Из какого учреждения преобразован.
1	1911	Варшавский Промышленный	Б. д. Любомирского.
2	1912	Петербургский Торговый	Б. д. „Г. Вавельберг“ в Петербурге.
3	1912	Московский банк	Б. д. бр. Рябушинских в Москве.
4	1912	Коммерческий банк В. И. Юнкер	Б. д. В. И. Юнкер в Москве, слившийся с Псковским Комм. банком.
5	1912	Одесский Купеческий	Б. д. А. М. Бродский, Одесса.
6	1913	Западный банк в Варшаве	Учрежден б. домом Вавельберг в Варшаве.
7	1913	Комм. банк „В. Аяндау“	Б. д. Аяндау, Варшава.

Отметим, кстати, что единоличные банкирские фирмы играли в России весьма ничтожную роль. По данным Кредитной Канцелярии (2 отд., 3 стол, 1913 г., № 42/31), к 1 января 1913 г. действовал 0158 банкирских учреждений с капиталом в 74,3 милл. руб. и 82,1 милл. руб. вкладов. Благодаря быстрому темпу концентрации промышленности и банковского дела, тип частного бан- шира не получил в России широкого распространения.

талистическим. Весьма показательное положение дела в московских банках. До начала промышленного под'ема % вкладов у них, в отличие от всех других банков, значительно выше доли их капиталов. К концу же этого периода % их капиталов равен 19,7, вклады же составляют только 15,1%. Последнее явилось, очевидно, результатом неблагоприятной кон'юнктуры текстильного рынка, который в 1911—13 гг. был затронут общим под'емом сравнительно слабо. Усилившаяся в то же время концентрация текстильной промышленности и возросшая потребность в банковом финансировании заставили кредитные учреждения нашей текстильной столицы прибегнуть к значительному увеличению собственных капиталов.

Процесс концентрации банковского дела сделал в последние довоенные годы такие крупные успехи, что в России сложилась небольшая группа Grossbanken, оставившая далеко за собой все остальные банки по степени своей финансовой мощи. Об интенсивности этого процесса свидетельствуют следующие цифры:

Приходилось основного капитала на одно учреждение.

Годы. К 1/1	У всех банков.		У петербургск.		У московск.		У провинциальн.	
	в милл. руб.	в ‰‰ к 1900 г.						
1900	5,0	100,0	11,9	100,0	6,6	100	2,7	100,0
1910	7,9	158,0	18,1	152,1	6,6	110,0	2,8	103,7
1914	12,6	252,0	30,1	252,9	14,3	238,3	4,1	151,9

Еще более наглядной иллюстрацией к сказанному может служить следующая таблица (См. на обороте).

В то время, как сумма основных капиталов возросла у банков 1-ой группы за 1910—1913 г.г. на 5,7%, а у 2-ой и 3-ей групп на 81,2—88,9%, капиталы 4-ой группы увеличились за четыре года на 405%. Семь Grossbanken—6 петербургских и

ТАБЛИЦА

Актив.

ГОДЫ. К 1 января	УЧЕТ И ССУДЫ.								КОРРЕСПОНДЕН				
	Всех банков.		Петербургских.		Московских.		Провинциальных.		Всех банков.		Петербургских.		Моско
	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.
1900	482,4	100	170,1	35,3	123,6	25,6	188,7	39,1	222,8	100	150,6	67,6	17,1
1910	890,3	100	560,2	63,0	183,4	20,6	146,7	16,5	316,0	100	227,9	72,1	9,0
1914	1623,5	100	978,8	60,3	380,5	23,4	264,2	16,3	1260,9	100	1044,0	82,8	58,9

Пассив.

ГОДЫ. К 1 января.	ОСНОВНЫЕ КАПИТАЛЫ.								ВКЛАДЫ И ТЕКУЩИЕ ДЕЛА.								К
	Всех банков.		Петербургск.		Московских.		Провинц.		Всех банков.		Петербургск.		Московских.		Провинц.		Всех бан
	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.
1900	188,4	100	95,0	50,4	21,0	12,7	69,4	36,8	553,1	100	234,2	42,2	148,0	26,7	172,9	31,1	279,7
1910	236,6	100	163,0	68,9	26,5	11,2	47,1	19,9	133,6	100	869,4	69,3	228,2	18,2	155,9	12,4	514,0
1914	581,2	100	380,7	62,1	114,5	19,7	106,0	18,2	255,5	100	1821,6	72,1	467,1	18,5	237,8	9,4	1433,0

Т А Б Л И Ц А № 31).

К С С У Д Ы.				К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Т Ы								О Н С А Л Л								
Московских.		Провинциальных.		Всех банков.		Петербургских.		Московских.		Провинциальных.		Всех банков.		Петербургских.		Московских.		Провинциальных.		
В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.
1,3	123,6	25,6	188,7	39,1	222,8	100	150,6	67,6	17,1	7,7	24,7	237,5	100	128,4	51,9	55,4	23,3	58,7	24,7	
1,0	183,4	20,6	146,7	16,5	316,0	100	227,9	72,1	9,0	2,8	25,0	516,1	100	385,5	74,7	97,3	18,8	33,3	6,4	
1,3	380,5	23,4	264,2	16,3	1260,9	100	1044,0	82,8	58,9	4,7	12,5	1490,6	100	1076,0	72,2	314,8	21,1	99,8	6,7	

Б А Л А Н С.

П И Т А Л Ы.				В К Л А Д Ы И Т Е К У Щ И Е Д Е Л А.								К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Т Ы.								В с е х б а н к о в.				П е т е р б у р г с к и х.				М о с к о в с к и х.				П р о в и н ц.			
Московских.		Провинц.		Всех банков.		Петербургск.		Московских.		Провинц.		Всех банков.		Петербургск.		Московских.		Провинц.		Всех банков.		Петербургск.		Московских.		Провинц.									
В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.	В милл. руб.	В %.									
0	12,7	69,4	36,8	535,1	100	234,2	42,2	148,0	26,7	172,9	31,1	279,7	100	164,7	27,6	9,9	87,5	31,2	1351,8	100	634,4	46,9	253,8	18,8	463,6	34,3									
5	11,2	47,1	10,9	133,6	100	869,4	69,3	228,2	18,2	155,9	12,4	514,0	100	380,5	49,0	9,5	81,5	16,4	2559,6	100	1793,5	70,1	378,8	14,8	387,3	15,1									
5	19,7	106,0	18,2	255,5	100	1821,6	72,1	467,1	18,5	237,8	9,4	1433,0	100	1088,5	161,1	11,2	188,4	13,1	6160,1	100	4359,8	70,8	1050,4	17,0	749,9	12,2									

1 московский—сосредоточили в своих руках больше половины основного капитала всех банков.

Группировка банков по величине их капиталов.

На 1/1 Годы.	1-я группа. До 9,9 милл. руб.			2-я группа. От 10 до 199 м. р.			3-я группа. От 20 до 29,9 м. р.			4-я группа. От 30 м. р. и выше.		
	Число банков.	Сумма капиталов.		Число банков.	Сумма капиталов.		Число банков.	Сумма капиталов.		Число банков.	Сумма капиталов.	
		в милл. рубл.	в %		в милл. рубл.	в %		в милл. рубл.	в %		в милл. рубл.	в %
1900	30	82,4	43,7	6	62,0	32,9	2	44,0	23,4	—	—	—
1910	20	59,6	25,2	6	72,0	30,4	2	45,0	19,0	2	60,0	25,4
1914	24	63,0	10,8	11	130,5	22,5	4	85,0	14,6	7	303,0	52,1

По темпу своего роста русские банки значительно опередили даже своих германских коллег, как это видно из следующей таблицы. (См. табл. № 4, стр. 113).

Если до промышленного под'ема русские банки сильно отставали в своем развитии от германских, то, начиная с 1910 г., они обгоняют последние даже в отношении вкладов, оставляя их далеко за собой по темпу увеличения основных капиталов¹⁾. Чрезвычайно показательно, что удельный вес петербургских банков был накануне войны на много выше берлинских, о чем можно судить по следующим данным. (См. стр. 114).

Было бы, конечно, ошибочно сделать отсюда вывод об ослаблении в XX веке концентрационных тенденций у германских банков. Дело в том, что берлинские Crossbanken были тесно связаны общностью интересов с многочисленными провинциальными учреждениями, которые лишь формально суще-

¹⁾ И не только по темпу. К началу 1913 г. на один русский банк приходилось в среднем 11,5 милл. руб. основного капитала, на один германский банк—около 8,75 милл. руб.

Таблица № 4.

Сравнительный рост русских акционерных коммерческих и германских кредитных банков ¹⁾.

Годы (к концу года).	Число банков.				Основные капиталы.				Вклады.				Баланс.			
	Русских.		Германских.		Русских банков.		Германских банков.		Русских банков.		Германских банков.		Русских банков.		Германских банков.	
	Абсол.	в % ⁰	Абсол.	в % ⁰	в млн. руб.	в % ⁰	в млн. мар.	в % ⁰	в млн. руб.	в % ⁰	в млн. мар.	в % ⁰	в млн. руб.	в % ⁰	в млн. мар.	в % ⁰
1895 . .	35	100,0	94	100,0	148,3	100,0	1134,8	100,0	305,2	100,0	493,3	100,0	955,0	100,0	3933,2	100,0
1900 . .	39	111,4	118	125,5	188,4	127,0	1959,5	172,7	536,1	175,7	997,3	202,2	1382,2	144,7	6958,0	176,9
1905 . .	35	100,0	137	145,7	193,6	130,5	2223,6	195,9	671,4	220,0	1839,9	373,0	1913,8	200,4	9826,9	249,8
1909 . .	31	88,6	168	178,7	236,6	159,5	2732,4	240,8	1262,2	413,6	2982,6	604,6	2611,6	273,5	13739,4	349,3
1912 . .	45	128,6	156	165,9	518,1	349,8	2963,1	261,1	2293,3	751,4	4448,4	901,8	5198,0	575,7	15854,2	403,1
Прирост за 1910- 1912 гг.	—	—	—	—	+ 281,5	—	+ 281,5	—	+1031,1	—	+1465,8	—	+ 288,6	—	+2114,8	—
	—	—	—	—	+ 119 ⁰ / ₀	—	+ 8,4 ⁰ / ₀	—	+ 81,7 ⁰ / ₀	—	+ 49,2 ⁰ / ₀	—	+ 110,5 ⁰ / ₀	—	15,4 ⁰ / ₀	—

¹⁾ В число русских банков включено агентство Лионского Кредита. Не вошли в подсчет прибалтийские биржевые банки. Сведения о германских банках — по данным „Der Deutsche Oekonomist“.

ствовали под собственной вывеской ¹⁾). Но тем не менее приведенные сравнительные цифры весьма характерны.

Необычайно высоким уровнем своей концентрации русские банки обязаны в огромной степени иностранному капиталу. Как мы видели, наибольшего темпа развития наши банки достигли в 1910—13 г.г., в период усиленного притока иностранных капиталов в русское банковое дело. Упомянутые 7 русских Grossbanken — учреждения, в которых иностранный капитал был сильнее всего заинтересован.

Весьма показательно, что единственный крупный петербургский банк, не связанный с границей, Волжско-Камский, за 1910—13 г.г. увеличил свой капитал всего на 3 милл. руб., в то время, как все его конкуренты выросли вдвое, а кое-кто и втрое.

При содействии, а часто и под непосредственным давлением заграницы, протекала также централизация банкового дела, достигшая особенно больших успехов в годы под'ема. Самые крупные банковые объединения и соглашения, имевшие место в этот период, явились результатом парижских комбинаций.

Тенденция к централизации явно намечается у русских банков еще в годы кризиса и депрессии. В 1900 г. Петербурско-Азовский банк стоял накануне слияния с Азовско-Донским, при чем сделка расстроилась лишь „вследствие неблагоприятного состояния биржи и денежного рынка“ ²⁾. В конце концов провинциальные отделения первого стали добычей Северного банка. В 1909 г. Азовско-Донской банк купил Минский Коммерческий банк, который в течение многих лет находился с ним в близких отношениях. В том же году Соединенный банк приобрел Балтийский Торгово-Промышленный в Ревеле.

¹⁾ Эта форма связи крупных банков с мелкими широко распространена в Германии. Сохраняя «самостоятельность» зависимого провинциального учреждения, руководящий столичный банк сохраняет и ту провинциальную клиентуру, которая в течение многих десятилетий привыкла иметь дело «со своим банком». В России, в условиях ранней концентрации промышленности и банкового дела, провинциальный банк не успел пустить глубоких корней. Попав в зависимое положение, он обычно скоро лишался своей формальной самостоятельности и превращался в отделение столичного банка.

²⁾ И. Левин. — „Акционерные коммерческие банки в России“, т. I, стр. 299.

Русские банки.

Германские банки¹⁾.

К концу года.	Все банкн.			Петербургск.			Все банкн.			Берлинск. банкн.		
	Число банков.	Сумма основн. капиталов. в милл. руб.	в %	Число банков.	Сумма основн. капиталов. в милл. руб.	в %	Число банков.	Сумма основн. капиталов. в милл. марок.	в %	Число банков.	Сумма основн. капиталов. в милл. марок.	в %
1900	38	188,1	100	8	96,0	50,1	118	1960	100	18	1020	52,0
1912	41	518,1	100	12	330,9	63,9	156	2963	100	9	1250	42,2
Прирост	+ 6	+329,7	—	+ 4	+235,9	—	+38	+1003	—	— 9	+230	—
	+15,8%	+175,0%	—	+50,0%	+248,3%	—	+32,2%	+51,2%	—	—50,0%	+22,5%	—

¹⁾ Данные о германских банках заимствованы у Ad. Weber'a „Derzeitigenbanken und Spekulationsbanken“, 3 Aufl. 1922, S. 75.

Во всех перечисленных случаях речь идет о второстепенных провинциальных учреждениях¹⁾. Но наряду с этим возникают также попытки к созданию более крупных объединений. В 1903 г. возник проект слияния Петербургского Международного банка с Русским Торгово-Промышленным. Оба банка (в частности последний) сильно пострадали от кризиса, и Международный стремился путем слияния упрочить свое пошатнувшееся положение. Между обоими банками было достигнуто соглашение, по которому Международный должен был произвести дополнительный выпуск акций на 12 милл. руб. для обмена их на акции Торгово-Промышленного. Проект не был, однако, осуществлен из-за противодействия министерства финансов. Последнее опасалось слишком большого усиления самого крупного в то время Международного банка, находившегося к тому же в зависимости от германского капитала²⁾. Об участии в этой комбинации патрона Международного банка, Disconto-Gesellschaft, данных у нас не имеется, но не подлежит сомнению, что такая крупная операция не могла быть предпринята банком без ведома и благословения его патрона.

Первые крупные слияния в русском банковом деле, приведшие к созданию Соединенного и Русско-Азиатского банков, происходят по инициативе и при содействии французского капитала³⁾. В парижских финансовых кругах существовало явное стремление к объединению близких к ним русских учреждений. На этот счет мы имеем весьма компетентное заявление парижского банкира, близкого к Banque de Paris et des Pays-Bas—N. Bardac'a. Последний в одном из своих писем указывает директору Кредитной Канцелярии Давыдову, что вместо создания новых банков лучше всего было бы объединить банки, связанные между собою общностью интересов. Bardac далее сообщает, что он напи-

¹⁾ Из аналогичных случаев отметим приобретение Северным банком банк. дома Бродского в Одессе и Петербургским Международным—б. д. «И. Грубер» в Киеве.

²⁾ Особ. Канг. по кред. части, 1901—1909, № 2, ч. 2-я. Ср. Левин, там же, стр. 300—301.

³⁾ В заметке, посвященной слиянию поляковских банков, «Биржевые Известия» (от 2/1—1907 г.) пишут: «Это доказывает, насколько у нас, по примеру заграницы, назрела необходимость в более крупных банковых учреждениях». Следует только добавить, что эта необходимость, в особенности в последующие годы, раньше всего учитывалась в Париже.

сал об этом Барку и просит Давыдова изложить эти соображения Коковцеву¹⁾.

Французские банки действовали в этом направлении весьма энергично.

Начиная с 1910 г., завязывается упорная борьба вокруг Сибирского Торгового банка, который французская группа стремилась слить с одним из своих русских филиалов. После неудавшейся попытки присоединить этот банк к Русско-Китайскому, предпринимаются шаги к слиянию Сибирского банка с Русско-Азиатским или, по крайней мере, к включению его в сферу французского влияния. Русско-Азиатский банк вместе с И. Манусом приобретают в 1910 г. крупный пакет акций банка с целью овладеть его управлением. Кампания эта увенчалась частичным успехом. Как было указано выше, акции Сибирского банка выпуска 1912 г. были реализованы уже не Deutsche Bank, а французской группой, с Banque Française pour le Commerce et l'Industrie во главе, при участии Русско-Азиатского. Введение акций Сибирского банка в оборот парижской биржи окончательно определило его ориентацию в сторону Парижа. Французы этим, однако, не ограничились.

В начале октября 1912 г. в Париже состоялось соглашение по делам Сибирского банка между французской финансовой группой, в составе упомянутого Banque Française, L. Hirsch & Co и Thalmann & Co, с одной стороны, и русской группой, возглавляемой Манусом—с другой. Был намечен план кампании, имевший целью «произвести изменения в составе правления Сибирского банка», в частности—добиться ухода председателя правления Соловейчика. Соглашение предусматривало заключение тесного союза между Сибирским банком и Banque Française, при чем каждое из этих учреждений обязалось «предлагать другому в первую очередь соучастие в русских операциях». Вскоре возник, однако, в парижских кругах новый проект слияния Сибирского банка с Петербургским Частным²⁾.

Необходимость этой комбинации правление Частного банка аргументировало следующим образом. Петербургский Частный банк является banque d'affaires, и в этом залог его успеха. Но так как в периоды затишья обычная деятельность

¹⁾ Особ. Канг. по кред. ч., 1908 г., № 41, ч. 4-я.

²⁾ Названные французские учреждения, как указывалось выше, были фактическими хозяевами Частного банка.

банка должна будет значительно сократиться и сосредоточиться на регулярных операциях, то банку необходимо иметь широкую сеть провинциальных отделений. Слияние с Сибирским банком, центр тяжести которого сосредоточен в его отделениях, было бы, таким образом, полезно для обоих учреждений. „Проектируемое слияние, указывает далее правление, не создаст новой организации и не усилит существующих групп, так как Сибирский банк уже примкнул в своей деятельности к группе, в которой находится Частный банк“¹⁾).

Упомянутый проект встретил решительное сопротивление со стороны председателя правления Сибирского банка—Соловейчика. Последний запросил в качестве компенсации слишком высокую цену, на которую французы не соглашались. Министерство финансов, во избежание насильственного переворота, могущего пошатнуть положение Сибирского банка, всячески добивалось мирного улажения конфликта. Коковцев вел по этому поводу личные переговоры с директором Banque Française Гомбергом. Соглашения, однако, добиться не удалось, и французы сочли целесообразным отказаться от метода прямого действия. На совещании директоров заинтересованных французских фирм в Париже 21 февраля 1913 г. представитель Banque Française сообщил, что пришлось отказаться от проведения задуманного плана, „ввиду нежелательных результатов, которые это влекло за собой“... Слияние, таким образом, не состоялось, но Сибирский банк, оставшись формально самостоятельным, фактически был включен „в группу, в которой находится Частный банк“.

Вслед за этим имело место еще одно покушение на самостоятельность Сибирского банка—попытка слияния его с Соединенным. Подробностей дела нам, к сожалению, выяснить не удалось. Но в „Биржевых Известиях“ от 19/VIII, 1913 г. мы находим по этому поводу весьма интересное официальное сообщение („из высоко авторитетного правительственного источника“), которое заслуживает подробного изложения. Министерство финансов, указывается в этом сообщении, в принципе против слияния крупных банков и без особо серьезных осно-

ваний такого слияния не допустит. Правительство желает быть последовательным и, выступая против трестов, не может поддерживать идею концентрации банков. Объединяясь, банки становятся большой силой и представляют опасность, как для правительства, так и для других более мелких банков, не слившихся воедино... Если министерство финансов и разрешало иногда слияние нескольких банков, то это всегда оправдывалось обоснованными соображениями. Так, создание Соединенного банка спасло от краха ряд учреждений Полякова, которые, слившись воедино, „и получив деньги со стороны“, стали на ноги. Слияние Русско-Китайского и Северного банков объясняется тем, что первый из этих банков после русско-японской войны „потерпел полное изменение в своей сущности и должен был выйти на новую дорогу“. Северный же банк „при хозяйничаньи французов был далеко не в блестящем виде“. Слияние Петербургского Частного банка с Сибирским тоже было бы вполне целесообразно, так как один из них обладал рядом отделений в провинции, у другого же таковых совершенно не имеется. „Слияние их было бы вполне естественно... но владельцы акций обоих предприятий не могли между собой столкнуться... Вне этих случаев министерство финансов отнюдь не склонно и впредь не намерено разрешать слияние банков“. Министерство наоборот предпочитает поощрять создание новых банков в провинции, „дабы оживить деятельность на местах“. Что же касается слияния Сибирского банка с Соединенным, то „этот вопрос еще не решен“. Фактически, однако, эти банки близки друг к другу... Но министерство финансов с своей стороны очень и очень подумает, прежде чем согласится допустить это слияние“.

В приведенном казенном очерке концентрации банковского дела вся философия истории сводится к мудрому принципу „все существующее разумно“. Все, оказывается, совершалось по предначертанию свыше. Министерство „в принципе“ против слияний, но, странным образом, оно не в состоянии указать ни одного факта, когда этот принцип, при наличии давления из Парижа, нашел себе реальное применение. Мы охотно верим, „что оно не склонно и не намерено разрешать слияния“, но все это относится лишь к области благих намерений—„вне этих случаев“. В каждом же конкретном случае слияние почему-то всегда оказывается обоснованным и целесообразным.

¹⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1915, № 9 и 1912, № 9, ч. 3. Ср. „Биржевые Известия“ от 7/II, 1913 г.

Создание Соединенного банка предпринято для спасения от краха ряда учреждений. Но почему же именно слияние оказалось единственным средством спасения? Не потому ли, что только на таких условиях можно было получить „деньги со стороны“¹⁾. Воистину, каждый спасается так, как он может.. Особенно курьезна ссылка на плохое хозяйничанье французов в Северном банке, как на одну из причин, обосновывающих создание Русско-Азиатского банка. Перемена вывески, правда, часто выручает банкрота, но несостоятельность этого министерского аргумента слишком очевидна... Каким чудом у тех же французов вдруг обнаружились такие прекрасные хозяйственные способности по отношению к Русско-Азиатскому банку? Столь же неотразим и последний довод в пользу слияния Сибирского банка с Петербургским Частным. У любых двух крупных банков можно было легко найти дополняющие друг друга ценные качества—хотя бы то, что они принадлежат одному хозяину...

Если министерство и могло похвалиться последовательностью, то только в том отношении, что оно всегда в подобных случаях послушно следовало указаниям из Парижа. Несмотря на категорическое заявление о намерении правительства поощрять развитие провинциальных банков, без всяких возражений было санкционировано слияние Белостокского Коммерческого банка с Русско-Французским, за что директор Кредитной Канцелярии Давыдов удостоился особой благодарности *Crédit Français*²⁾. Если Русско-Французскому банку не удалось

¹⁾ Весьма любопытно, что значительная группа акционеров Московского Международного банка, легшего в основу Соединенного, была решительно настроена против слияния, опасаясь очевидно, что „деньги со стороны“ означают и власть со стороны. Эти наивные акционеры, воспитанные в духе великих принципов о разделении властей и независимости суда, пытались добиться аннулирования постановления „общего собрания“ о слиянии. По всей видимости право было на стороне истцов. Об этом свидетельствует, по крайней мере, то обстоятельство, что, когда дело дошло до сената, Коковцев счел недлишим обратиться по этому поводу к Щегловитову с просьбой „ознакомить г. г. сенаторов, на разрешение которых будет представлено это дело, с его (вышеизложенными) соображениями“. Особ. Канц. по кред. ч., 1908 г., № 41, ч. 3-я.

Рекомендуем это дело вниманию Русского Юридического Факультета в Праге в качестве материала к диссертации на тему: „Fiat justitia“.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 1910—1916, № 141, ч. 1-я.

присоединить к себе, как это предполагалось, Воронежский и Киевский Частный банки и банк. дом Вавельберга, то произошло это отнюдь не по вине министерства. Не встретило, наконец, противодействия и слияние Киевского Частного банка с Азовско-Донским¹⁾. Об'ективная логика вещей оказалась сильнее министерских принципов.

Банковая централизация протекала, однако, не только в форме слияния отдельных учреждений. Наряду с этим развивалась и другая, скрытая, так сказать, форма централизации—об'единение все большего числа русских банков вокруг иностранных финансовых групп. По мере распространения влияния иностранного капитала на русскую банковую систему, эта форма об'единения находила себе все большее применение. Если два русских банка примыкали к одной и той же иностранной группе, то отсюда, вполне естественно, вытекало установление общности интересов между обоими учреждениями. Чем теснее становились связи между отдельными действовавшими в России иностранными финансовыми группами, тем централизованнее оказывалась русская банковая система—тем большее количество русских банков оказывалось в зависимости от одного и того же заграничного финансового центра.

По указанным причинам, наибольшей сплоченностью обладали русские банки французской ориентации. Это вытекало из той высокой степени концентрации, которой достигла в XX веке французская банковая система. Почти все французские банки, причастные к русским делам, были тесно связаны между собой. *Banque de Paris et des Pays-Bas* состоял с 1905 г. в близких отношениях с *Société Générale*, располагая значительным пакетом его акций и двумя местами в его правлении. *Société Générale*, в свою очередь, было близко к *Banque de l'Union Parisienne*, участвуя (совместно с *Comptoir National*) во всех его крупных финансовых операциях. Почти все названные парижские банки имели своих представителей в правлении *Banque Française pour le Commerce et l'Industrie*. *Banque de Paris et des Pays-Bas*, а впоследствии и *Société Générale* состояли в тесной связи с *Crédit Mobilier Français*. Неудиви-

¹⁾ Азовско-Донской банк стоял близко к Киевскому Частному Коммерческому еще с 1906 г., очевидно, на почве совместных операций по финансированию сахарной промышленности, но в 1910 г. Азовско-Донской, по неизвестным нам причинам, продал имевшиеся у него акции Киевского банка.

тельно после этого, что русско-французские банки представляли собой единую группу.

Из фактов, подтверждающих только что сказанное, укажем на соглашение между Русско-Азиатским банком, филиалом Paribas и S-té Générale, и Петербургским Частным, клиентом Crédit Mobilier Français. Договором, заключенным между названными русскими банками в 1911 г. сроком на 10 лет, была достигнута полная координация действий обоих учреждений. Никакого сомнения, что дело произошло не без участия Парижа¹⁾. Вступление в союз с Русско-Азиатским банком явилось (наряду с организацией Московского Частного банка) одним из мероприятий, предпринятых Петербургским Частным банком для успешного осуществления задач, поставленных ему при реорганизации — „служить посредником между русскими предприятиями и европейским рынком“²⁾.

К названным банкам тесно примыкал Русский Торгово-Промышленный. С Русско-Азиатским банком его связывала близость последнего к Криспу (лондонский патрон Торгово-Промышленного банка), с Петербургским Частным — заинтере-

¹⁾ „Петербургский Частный Коммерческий банк за 50-летие его существования“. Стр. 119.

²⁾ Приводим некоторые выдержки из указанного договора.

„Во всех вопросах общей банковской политики Русско-Азиатский банк и Частный банк действуют по взаимному соглашению. Банки Русско-Азиатский и Частный взаимно обязываются не вступать без обоюдного согласия в какие бы то ни было соглашения общего характера с другими учреждениями краткосрочного кредита и банкирскими конторами.

Всякое дело, кроме чисто банковских операций, поступающее как в Русско-Азиатский, так и в Частный банк, принимается или отвергается по взаимному обоим сторонам соглашению, и если таковое согласие на принятие дела не последует, то ни Русско-Азиатский банк, ни Частный банк такого дела принять не могут.

Все эти дела поступают для окончательной обработки в Частный банк, который принимает Русско-Азиатский банк участником сих дел в размере 50%.

Вся полученная обоими банками от ведения синдикатов прибыль делится между банками пополам. Управление синдикатами по жел.-дорожным делам предоставляется Русско-Азиатскому банку, по промышленным делам — Частному банку.

Члены правления тех промышленных и железнодорожных дел, которые будут финансироваться банками, будут назначаться по их взаимному соглашению, при чем, однако, от каждого банка в этих правлениях должно быть в качестве представителя, по крайней мере, одно лицо“. Особ. Канц. по кред. ч., 1911, № 149, ч. 1-ая.

сованность в обоих учреждениях одной и той же парижской группы—Crédit Mobilier Français. В состав русско-французской группы, по цитированному выше заявлению Петербургского Частного банка, входил и Сибирский Торговый. Близко к этой группе стояли также Соединенный банк, связанный с Banque de l'Union Parisienne, а впоследствии—с Société Générale¹⁾, и Русско-Французский, филиал Crédit Français. Об общности интересов перечисленных банков говорит и то, что они владели весьма солидными пакетами акций друг друга²⁾.

Несколько обособленное положение занимал Азовско-Донской банк. Французское участие в этом банке было, как мы видели, значительнее германского. Последнее все же давало себя сильно чувствовать. Рядом с А. Вертом, представителем S-té Générale, заседал в правлении банка Г. Раунерт, представлявший интересы германских акционеров. По этой причине, мы часто встречаем Азовско-Донской банк действующим заодно с группой русско-германских банков. Некоторую роль сыграло в этом отношении, возможно, и то обстоятельство, что один из главных покровителей Азовско-Донского банка — Comptoir National — не был так широко заинтересован в русской промышленности, как другие парижские банки. Несомненно, однако, что центр тяготения Азовско-Донского банка находился в Париже³⁾.

¹⁾ Председатель совета Соединенного банка А. И. Гениерт состоял в то же время тов. председателя правления Петербургского Частного банка и председателем правления Московского Частного.

²⁾ Русско-Азиатский банк представлял к собраниям акционеров Петербургского Частного в 1912—14 г.г. все возраставшее количество акций: 1925, 3800 и 4500. К общим собраниям Русского Торгово-Промышленного в 1911 и 1913 г.г. тот же банк представил по 3000 и по 5000 акций.

³⁾ Азовско-Донской банк стоял во главе группы банкирских домов, в состав которой входили следующие фирмы: Вавельберг, Бр. Джамгаровы, Юнкер и бр. Рябушинские. В 1910 г. перечисленные учреждения заключили договор, по которому они обязались проводить общую планомерную деятельность по реализации всевозможных государственных, железнодорожных, городских и прочих облигаций и займов и по размещению их в России и за границей. Члены группы обязались, кроме того, производить совместно все те операции, которые окажутся не по силам отдельным участникам. К этому соглашению примыкали также одно время Сибирский Торговый и Русский Торгово-Промышленный. О сроке договора, как и о дальнейшей деятельности этой группы нам, к сожалению, сведений собрать не удалось. Ср. I. Lewin—„Der heutige Zustand der Aktienhandelsbanken in Russland“. S. 138.

Меньшей централизованностью отличались банки германской ориентации. Хотя германский капитал очень ревностно опекал зависевшие от него русские учреждения, но в виду конкурентных отношений между крупными германскими банками, в частности между Deutsche Bank и Disconto-Gesellschaft, их деятельность в России вряд ли была строго координирована. Однако, самый факт совместного участия германских кредитных учреждений в одних и тех же русских банках невольно приводил к некоторой общности интересов, которая в последние довоенные годы сильно стимулировалась необходимостью отстаивать германские позиции против покушений французского капитала. В Русском для внешней торговли банке наряду с Deutsche Bank принимали участие Bank für Handel und Industrie и Nationalbank für Deutschland. В Петербургском Международном банке, клиенте Disconto, были заинтересованы также Deutsche Bank, Bank für Handel u. Industrie, Dresdener Bank и Nationalbank. Общая зависимость от Disconto-Gesellschaft и Nationalbank связывала Международный банк с Петербургским Учетным и Ссудным, Варшавским Коммерческим и Рижским Коммерческим банками ¹⁾. Подобная же зависимость от Deutsche Bank и Nationalbank сближала Русский для внешней торговли банк с Варшавским Учетным. Близость к Mitteldeutsche Kreditbank создавала общность интересов у Коммерческого банка в Варшаве с Торговым банком в Лодзи. К перечисленным банкам примыкал и Петербургский Торговый, к которому был причастен Nationalbank für Deutschland. Таким образом и русско-германские банки представляли собой более или менее сплоченную группу.

По поводу указанных группировок мы читаем в одной газетной заметке следующее: „Еще не отмечено до сих пор печатью образование у нас банковских групп, представляющих собой чрезвычайно крупное соединение капиталов. Так, в группу Русско-Азиатского банка входят Русский Торгово-Промышлен-

¹⁾ Петербургский Международный выступал с крупным пакетом акций на общих собраниях Русского для внешней торговли банка. Так, на собрании 20 марта 1913 года Международный банк и члены его правления располагали 17.000 акций — свыше 25% всех представленных акций. По всей видимости, акции эти были предъявлены Международным банком по доверенности Deutsche Bank и других берлинских фирм, которые на сей раз совершенно отсутствуют в списке участников общего собрания.

ный, Сибирский Торговый и Петербургский Частный Коммерческий, которые находятся все в значительной мере под контролем первого, благодаря обладанию акциями или соглашению с иностранными владельцами акций. Наличие группы объясняет ту роль, которую эти банки играют в последнее время в финансировании нашей промышленности и в крупных эмиссиях“. Более подробно пишет о том же „Торгово-Промышленная Газета“ (№ 296, 1912 г.): „В настоящее время, как известно, существуют две определенные банковские группы, которые в известном отношении преследуют общую политику. В первую группу входят след. банки: Международный Коммерческий, Русский для внешней торговли, Петербургский Учетный и Ссудный, Азовско-Донской и Петербургский Торговый. В состав второй группы входят: Русско-Азиатский, Петербургский Частный Коммерческий, Сибирский и Русский Торгово-Промышленный. Члены 2-й группы более тесно связаны между собой, чем участники 1-й группы“.

В цитированных газетных заметках отмечена только группировка петербургских банков. Но к вышеназванным первоклассным светилам тяготели многие dei minores. К Петербургскому Частному тесно примыкал Московский Частный и Ростовский и/Д Купеческий. Русско-Азиатский был близок к Лодзинскому Купеческому. К той же группе следует отнести и Банк для торговли и промышленности в Варшаве, к которому был причастен французский капитал. Из банков германской ориентации Петербургский Учетный и Ссудный стоял очень близко к Московскому Учетному. Русский для внешней торговли издавна находился в дружественных отношениях с Тифлиским Коммерческим банком, хозяин которого, Манташев, состоял членом Совета Russen-банка ¹⁾.

Корни указанных группировок, как уже отмечалось, лежали в Париже и в Берлине. Об этом, между прочим, весьма

¹⁾ Перечень провинциальных банков, связанных общностью интересов с петербургскими, далеко не исчерпывается названными учреждениями. Дело в том, что почти каждый более или менее значительный провинциальный банк нуждался в столичном представительстве, каковым часто выступал крупный петербургский банк. Отсюда неизбежно создавались отношения зависимости. К сожалению, мы не располагаем более подробными фактическими данными по этому вопросу, так как у русских банков, в отличие от германских, совершенно отсутствует счет „длительного участия в других банках“.

красноречиво говорят данные о котировке акций наших банков на зарубежных биржах.

Котировка акций русских акционерных коммерческих банков на главных европейских биржах накануне войны.

Котировались в Париже.	Котировались в Берлине.
Банки.	Банки.
1. Русско-Азиатский	1. Русский для внешней торговли
2. Петерб. Частн. Комм.	2. Пет. Международный
3. Соединенный	3. Пет. Учетный и Ссудный
4. Азовско-Донской	4. Коммерч. банк в Варшаве
5. Сибирский Торговый	5. Варшавский Учетный
6. Русск. Торгово-Промышленный ¹⁾	6. Торгов. банк в Лодзи
7. Моск. Частн. Комм.	7. Рижский Коммерческ.
	8. Сибирский Торговый
	9. Азовско-Донской

Все без исключения русские банки, акции которых котировались в Париже, были введены в биржевой бюллетень в течение 1910—1913 г.г. Берлинская же биржа обогатилась за это время лишь акциями одного крупного русского банка—Азовско-Донского. Указанное обстоятельство тем более характерно, что акции наших банков давно уже приобрели права гражданства на берлинском рынке и из всех аналогичных бумаг были, очевидно, наиболее популярны: из 12 иностранных банков, акции которых котировались в Берлине, 9 было рус-

¹⁾ Котировался также в Лондоне.

ских. Как видим, в годы предвоенного промышленного подъема германский денежный рынок все более теряет свое значение для русских банков. Центр тяжести последних перемещается в Париж, который (наряду с Лондоном) становится вместе с тем главным рынком для русских промышленных ценностей. Париж все сильнее манит к себе и те русские банки, которые искони вращались в берлинской орбите.

„Биржевые Известия“ от 12-го апреля 1911 г. сообщают: „В Берлине (наблюдается) сильный спрос на акции Петербургского Международного банка со стороны Парижа. Среди парижских кругов растет интерес и к Русскому для внешней торговли банку, а также к Учетному и Ссудному. Повидимому, начинается соревнование с Берлином, бывшим до сих пор „патроном“ нашего банкового дела“. Та же газета в номере от 2-го октября 1913 г. отмечает: „Предстоящий выпуск новых акций (Пет. Международного банка) вызвал в Берлине, где повидимому имеется еще в портфелях некоторых банков довольно значительная партия прежних выпусков, отрицательное впечатление, что, конечно, объясняется, главным образом, крайним денежным стеснением, переживаемым Германией. Вчера в Берлине расценка акций Международного банка резко понижена. Можно предположить, что Берлин продает старые акции, чтобы сделать кассу для подписки на новые“.

Точно также другой старый домен германского капитала—Русский для внешней торговли банк—вынужден оказывать предпочтение Парижу перед Берлином. На общем собрании акционеров банка в феврале 1913 г. правление указывает на необходимость введения акций банка на парижскую биржу, на которой уже обращается большинство акций русских банков. По мнению правления, это тем более необходимо, что „берлинский рынок становится за последнее время столь узким и лишенным свободных средств, что вряд ли первоклассная ценность, рассчитанная на более широкое международное размещение, может ограничиваться обращением на сильно потерявшей свое значение берлинской бирже“.

В годы подъема роль патрона русского банкового дела окончательно закрепляется за Парижем. Эмиссии акций наших банков реализуются в этот период в подавляющей своей части во Франции. Об этом убедительно говорит следующая таблица:

Эмиссии акций русских акционерных коммерческих банков, реализованные при участии иностранных банковых фирм (в милл. руб.)¹⁾.

Реализовано при участии иностранных банков.	В 1907—1909 г.г.		В 1910—1913 г.г.	
	Абсол.	В %/о/о.	Абсол.	В %/о/о.
Германских	22	81,5	87,5	38,8
Французских	5	18,5	128,5	56,8
Английских	—	—	10,0	4,4
Итого:	27	100,0	226,0	100,0

Ту же картину мы наблюдаем в области краткосрочного кредита. Германский рынок отходит на задний план, уступая свои позиции Парижу и Лондону. Сказанное подтверждается следующими данными (см. таблицу № 5 на стр. 129).

Победу Парижа по линии краткосрочного кредита вряд ли можно приписать исключительно сравнительной дороговизне денег на берлинском рынке. Учетный % был в Париже почти всегда ниже, чем в Берлине, что не мешало последнему долгое время служить главным источником средств для наших банков. Решающую роль сыграло в этом отношении усиление заинтересованности французского капитала в русском банковом деле, широко раскрывшее перед нашими банками богатый французский рынок.

Росту французского влияния на русскую банковую систему немало способствовали и внешне-политические условия. Как указывалось ранее, еще в конце 80-х г.г. происходит переме-

¹⁾ Вычислено на основании данных, приведенных в главе IV.

Таблица № 5.
Размеры кредита, оказанного русским акц. комм. банкам за границей в 1906—1912 гг. (в милл. руб.)¹⁾.

Кредитующие страны.	1906	1907	1908	В среднем за 1906—1908 г.г.		1909	1910	1911	В среднем за 1909—1911 г.г.		1912	
				Абс.	%				Абс.	%	Абс.	%
Франция.	35,8	43,2	45,8	41,6	43,0	50,4	69,5	98,7	72,9	51,3	92,1	54,0
Германия.	—	—	—	100	—	—	—	—	175	—	221	—
Англия.	33,7	28,4	35,9	32,6	34,0	30,9	18,1	41,4	31,1	21,9	36,1	21,2
Другие страны	—	—	—	100	—	—	—	—	95	—	111	—
ИТОГО:	14,6	16,1	30,1	20,2	21,0	27,7	30,1	50,5	36,1	25,4	40,3	23,6
	0,6	3,5	3,4	2,5	2,0	0,7	0,6	4,8	2,0	1,4	1,9	1,2
	84,7	91,2	115,1	97,0	100	106,7	118,3	198,4	142,1	100	76,0	100
	—	—	—	100	—	—	—	—	80,0	—	176	—
	—	—	—	100	—	—	—	—	147	—	—	—

¹⁾ И. Левин. — «Германские капиталы в России». 2 изд., стр. 44. Таблица составлена Левниным на основании анкетного обследования. Данные охватывают 17 банков. Цифры или среднего округлены.

щение центра русских фондов из Берлина в Париж. По мере укрепления русско-французского альянса, русские государственные, железнодорожные и прочие ценности во все возрастающей степени находят себе сбыт во Франции (впоследствии также в Англии). Для наших банков дружба с Парижем означала поэтому возможность приобрести в первую очередь к выгодным казенным операциям. Министерство финансов, правда, всячески остерегалось, давать Берлину повод к применению финансовых „санкций“ против русских фондов¹⁾. Но тем не менее деятельность французского капитала в России протекала в условиях наибольшего благоприятствования, что давало ему значительные преимущества в его конкурентной борьбе с германским капиталом.

Благодаря всем указанным обстоятельствам, германский капитал охотно сотрудничал в русском банковом деле с французским. Так, немецкие акционеры Сибирского банка не возражали против слияния этого банка с Русско-Китайским. При реорганизации Петербургского Частного банка Nationalbank für Deutschland привлек к участию в этом деле Crédit Mobilier Français. Тот же Nationalbank участвовал в реализации эмиссии Лодзинского Купеческого банка вместе с Русско-Азиатским и Русским Торгово-Промышленным. Германский капитал уживался с французским и в Азовско-Донском банке. Французские банки, в свою очередь, то и дело привлекали к соучастию в своих русских операциях крупные банки германской ориентации. Характерно, что соучастие в сербском займе в 1909 г. было предложено французами Международному банку. Точно так же в открытом в 1912 г. болгарском „Banque Commerciale et Foncière des Balcanes“ парижский банк Crédit Français действовал рука об руку с Международным, Русским для внешней торговли и Петербургским Учетным банками. Тот же Crédit Français привлекает Международный банк в качестве соучредителя Русско-Французского банка. Дальше мы увидим, что

¹⁾ Укажем хотя бы на тот факт, что даже в начале 1914 г., когда проблема „финансовой боевой готовности“ стала весьма актуальной, и решено было изъять часть русского золотого запаса из германских банков, Комитет Финансов высказался за соблюдение величайшей осторожности в этом деле. Не последнюю роль в этом отношении сыграло опасение за судьбу русских фондов в Германии.

Международный банк тесно сотрудничал с французами в самых различных отраслях русской промышленности¹⁾.

Переплетение франко-германских интересов в русском банковом деле на почве „соучастия и софинансирования“ может быть иллюстрировано состоянием заграничной задолженности русских банков.

Задолженность крупнейших русских банков французским и германским кредитным учреждениям в августе 1914 г. (в милл. руб.)²⁾.

№№ по пор.	Б А Н К И.	Задолженность	
		французским банкам.	германским банкам
1	Азовско-Донской	14,1	5,3
2	Русско-Азиатский	19,2	17,8
3	Петербургский Частный	8,9	0,8
4	Русский Торгово-Промышленный	33,6	—
5	Сибирский Торговый	5,3	7,6
6	Русский для внешней торговли	12,8	0,3
7	Международный	5,4	6,5
8	Петербургский Учетный и Судный	0,7	8,9
9	Коммерческий банк в Варшаве	18,1	8,4
ИТОГО		118,4	55,6

При анализе приведенных данных нельзя, конечно, забывать, что они составлены чуть ли не месяц спустя после

¹⁾ Факты сотрудничества французского и германского капитала в России отнюдь не являются исключительными. Как известно, франко-германское соперничество не мешало банковому капиталу обеих стран участвовать совместно в различных кредитных учреждениях и финансовых обществах („Banca Marmorosch“ в Румынии, Consortium Constantinople и т. д.). Германский капитал был очень близок к некоторым французским банкам, как Banque Française pour le Commerce et l'Industrie (банк Рувье) и Crédit Mobilier Français.

²⁾ Особ. Канц. по кред. ч., 2 отд., 1 ст., 1914, № 39. Данные сообщены банками (в виде выписок из книг) в Кредитную Канцелярию по требованию последней. Сведения Варшавского Коммерческого банка о задолженности Франции относятся только к его петербургскому отделению.

объявления войны. Несомненно, что значительная часть сумм французских и, в особенности, германских банков давно уже была отозвана из России. Все же весьма показателью что Русско-Азиатский банк должен германским кредитным учреждениям почти столько же, сколько французским, а Русский для внешней торговли состоит преимущественно должником Франции.

Не следует, однако, преувеличивать значение франко-германского сотрудничества в русском банковом деле. Под оболочкой сотрудничества шла глухая борьба, которая то и дело прорывалась наружу. Сюда следует отнести поход французского капитала на Сибирский банк, отмеченные нами попытки французов распространить свое влияние на Международный банк и непрерывавшиеся столкновения сотрудничавших банковых групп в отдельных промышленных предприятиях, о чем речь будет идти ниже. Самое сближение французского капитала с русскими банками, тяготевшими к Берлину, есть не что иное, как одно из многочисленных проявлений конкурентной борьбы.

Французский писатель Aubin Huart, характеризуя французскую и германскую систему экспорта капиталов (на примере участия в банковом деле), устанавливает между ними следующее различие ¹⁾: „Немецкая система заключается в том, чтобы создать в сфере желаемого влияния банк с немецкими или частично-немецкими капиталами, но безусловно сохраняя большинство в управлении. Напротив, французская система добивается в таких случаях соглашения международных финансовых групп, при чем управление переходит к учредителям и местным элементам; влияние на ход дела за французскими элементами не сохраняется“.

Скромность и самоограничение, бесспорно, качества, достойные всяческих похвал, и, как давно известно, эти добродетели являются неотъемлемыми свойствами всякого капитала, независимо от его национального мундира. Но в интересах истины следует все же отметить, что деятельность французского капитала в России не совсем укладывается в рамки вышеприведенной характеристики. Французский капитал прибегал к сотрудничеству лишь в тех случаях, когда

¹⁾ Цитируем в изложении И. Левина. См. „Германские капиталы в России“. 1918, стр. 50—51.

другие способы борьбы были слишком трудны и невыгодны. „Добрые“ французы держали в руках свои русские филиалы не менее крепко, чем „злые“ немцы. Французских представителей в правлении Русско-Азиатского и Петербургского Частного банков было, во всяком случае, больше, чем „немецких агентов“ в Международном и Russenbank'e.

Попытки к свержению правления Сибирского банка тоже вряд ли могут служить признаком особой терпимости по отношению к „местным элементам“. Самое привлечение к управлению местных деятелей в такой же мере ослабляло влияние французского капитала на соответствующие русские банки, в какой, например, „национальное“ правительство Ирака подрывает английское влияние в этой стране. Этот способ управления, как известно, отличается даже целым рядом преимуществ...

Французским банкам, собственно, незачем было добиваться большинства в управления своих русских филиалов. Дело французского капитала весьма добросовестно творили „русские люди“, допущенные хозяевами к управлению после тщательного отбора. Возможность лишения кредитов и участия в выгодных эмиссионных операциях стоила полдесятка членов правления. Контроль над деятельностью многих банков французы обеспечивали себе также путем формальных договоров. Таковые существовали между Banque de l'Union Parisienne и Соединенным банком, у Banque Française с Сибирским банком, у Crédit Français с Русско-Французским. Обязанные предлагать соучастие в каждой крупной финансовой операции своим парижским патронам и выполнять их директивы в отношении французских дел в России, наши банки были фактически лишены самостоятельности ¹⁾. Вся деятельность последних,

¹⁾ Приводим наиболее существенные выдержки из договора между Crédit Français и Русско-Французским банком.

Crédit Français является корреспондентом и представителем Русско-Французского банка во Франции.

Русско-Французский банк обязуется не вести ни с кем переговоров о слиянии или о преобразовании банка без согласия на то Crédit Français. Что касается увеличения капитала банка, то Crédit Français предоставляется в этом отношении преимущественное право. Его предложения должны быть заслушаны в первую очередь. Если его первое предложение не будет принято, то он должен быть в курсе всех других предложений, дабы иметь возможность в течение месяца использовать свое преимущественное право.

Русско-Французский банк обязан предлагать Crédit Français соучастие

На 1/1 Г о д м.	Учет и судим.		О п а л л.		Негарантированные ценные бумаги.		Корреспонденты.				
	Всех банков.	Банков с участием иностранного капитала.	Всех банков.	Банков с участием иностранного капитала.	Всех банков.	Банков с уча- стием ино- странным капитала.	Всех банков.		Банков с участ- ием ино- странным капитала.		
							В том числе "Банкино"	Всех иностран. капитала.	В том числе "Банкино"	Всех с участ- ием иностран. капитала.	В том числе "Банкино"
1900	482,4	164,7 34,1%	297,5	84,9 35,7%	36,0	22,8 63,3%	10,2	222,8	160,3 74,6%	34,4 74,4%	
1907	609,3	286,9 47,1%	321,4	156,0 44,4%	30,8	24,3 78,9%	51,9	291,5	243,3 86,3%	44,3 85,3%	
1910	890,3	604,1 67,8%	516,1	352,8 68,3%	42,6	35,6 83,6%	62,1	316,0	289,0 91,4%	52,7 84,9%	
1914	1623,5	1134,0 69,8%	1480,6	1094,9 73,4%	135,5	113,1 84,9%	201,7	1260,9	1181,1 93,7%	187,0 91,3%	

А К Т И В

Таблица 19

П А С С И В

Б А Л А Н С

На Г о д м.	Вклады и тек. счета.		Корреспонденты.		Основным капиталом.		Средства иностран- ного капита- ла.		Итого
	Всех банков.	Банков с участ. ино- странным капитала.	Всех банков.	Банков с участ. ино- странным капитала.	Всех банков.	Банков с участ. ино- странным капитала.	Всех банков.	Банков с участ. ино- странным капитала.	
1900	1351,8	174,7 62,4%	273,7	175,6 31,6%	4881	107,5 2,5%	601	59,1%	1611
1907	1843,9	325,7 77,7%	419,2	335,5 80,1%	1112	0,0%	611	12	2061
1910	2559,6	440,5 85,7%	514,0	831,1 66,3%	992	181,5 7,6%	631	36	2161
1914	6160,1	1237,6 86,4%	1433,0	2526,5 72,7%	5812	151,2 2,6%	612	69	6161

(1) По данным сводного баланса ком. банков в "Ежегоднике м-ва финансов".

(2) Русский куд внешней торговли, Русский Торгово-Промышленный, Петербург. Международный, Петербургский Учетный и Судимый, Петербургский Частный, Азовско-Донской, Коммерческий банк в Баршаве, Варшавский Учетный, Торговый банк в Лодзи и Рижский Коммерческий.

(3) Включая Северный банк.

(4) Кроме перечисленных выше—Сибирский Торговый и Соединенный.

(5) Кроме указанных—Русско-Французский, Русско-Английский, Московский Частный Коммерческий, Ростовский и Д. Купе-
цкий, Лодзинский Купеческий, Банк для торговли и промышленности в Баршаве и Киевский Частный Коммерческий.

в частности их промышленная политика, в основном направлялась Парижем, который проявлял в этом отношении еще более ярко выраженные монополистические тенденции, чем Берлин).

Активности французского капитала русская банковая система обязана тем, что, несмотря на сильный рост внутреннего денежного рынка, зависимость наших банков от заграницы не только не ослабела, но даже несколько увеличилась. (См. табл. № 6 на стр. 134—135). Если количественно темп денационализации русских банков и замедлился в период подъема, то качественно этот процесс достиг в 1910—1913 гг. наибольшей интенсивности. К началу 1910 г. в сфере французского влияния находилось лишь 4 банка, основной капитал которых составлял всего 25% капитала всех банков, при чем в полном распоряжении французов находился только один банк—Северный. Через 4 года в французских руках оказалось 45% русской банковской системы, в то время, как германское влияние упало почти вдвое. Английский капитал, интерес которого к русской промышленности сильно возрос за эти годы, был представлен в нашем банковом деле весьма слабо и в крупных финансовых операциях обычно действовал в тесном контакте с Парижем. Русская банковая система оказалась, таким образом, накануне войны монополизированной в подавляющей своей

во всякого рода финансовых операциях на сумму не ниже 2-х милл. р., которые будут иметь прямое или косвенное отношение к французскому рынку.

Русско-Французский банк выполняет поручения Cr dit Fran ais, касающиеся его русских дел, и помогает ему своими связями и знанием страны.

Cr dit Fran ais предлагает Русско-Французскому банку участие в своих русских делах.

Особ. Канц. по кред. ч., 1910—1916, № 141, ч. 1-я.

1) Французские банки обнаруживали также определенные стремления к монополизации долгосрочного кредита в России. В 1909 г. N. Bardac, подержанный Нецанним, а также Русско-Китайским и Северным банками, предлагал организовать в России железнодорожный банк долгосрочного кредита. Банк этот с основным капиталом в 20 милл. руб. должен был, между прочим, по мысли уредителей вести распределением железнодорожных заказов. Дело потерпело неудачу лишь вследствие отказа правительства гарантировать облигации банка. В 1912 г. Cr dit Fran ais выступил с проектом открытия в Париже при его содействии (под флагом Русско-Французского банка) Русского Поземельного банка, который должен был стать главным держателем облигаций русских земельных банков.

части в руках двух иностранных финансовых групп—французской и германской (см. табл. № 7 на стр. 138—139).

Как уже отмечалось, не все банки той и другой группы были одинаково тесно между собой связаны, и часто, для проведения отдельных операций, они группировались в самых разнообразных комбинациях. Но все банки находились в одинаковой зависимости от иностранного капитала. Так, Азовско-Донской банк был менее связан с Парижем, чем Русско-Азиатский или Петербургский Частный¹⁾. Точно так же Петербургский Учетный и Ссудный и, в особенности, Петербургский Торговый, находились в меньшей зависимости от Берлина, чем Russenbank и Международный. В основном дело все же обстояло таким образом, что в России накануне войны существовало не 46 самостоятельных акционерных коммерческих банков, а две мощные финансовые группы, общий контроль над которыми находился в руках иностранного финансового капитала (см. схему в конце книги). Удельный вес всех прочих, „диких“, банков был весьма ничтожен. За исключением нескольких московских учреждений и одного петербургского (Волжско-Камский), значение этих банков может быть приравнено нулю.

Один из основных элементов новейшего капитализма—монополистический банковый капитал—был у нас перед войной налицо.

¹⁾ Т. Ваняг (Цит. соч., стр. 47), несомненно, сильно преувеличивает, указывая, что „инструкции для Азовско-Донского банка шли из Парижа“. Неверно также утверждение того же автора, что слияние Киевского Частного Коммерческого банка с Азовско-Донским произошло „при помощи тех же французских банков“. Фактически это дело совершилось вопреки намерениям французского капитала. Последний, в лице Cr dit Fran ais и Русско-Азиатского (патроны Русско-Французского банка) усиленно, но безуспешно хлопотал о слиянии Киевского Частного банка с Русско-Французским. Но, по указанию (ошибочному) г. Ваняга, Русско-Французский банк, как и Азовско-Донской, действовал в России от имени Comptoir National. Выходит, что два „филиала“ Compt. National, действовавшие по его „инструкциям“, одновременно боролись друг против друга за обладание одним и тем же банком...

Таблица № 7.

Группировка русских акционерных коммерческих банков накануне войны ¹⁾.

I. Банки французской ориентации.

№№ по порядку.	Название банков.	Основные капиталы в милл. руб.	Вклады и текущие счета.	Баланс.
1	Русско-Азиатский	49,7	367,0	834,9
2	Петербургский Частный Коммерческий	40,0	52,4	182,7
3	Московский Частный Коммерческий	12,5	16,6	52,9
4	Ростовский и/Д Купеческий.	5,0	9,0	29,3
5	Сибирский Торговый	20,0	164,2	289,9
6	Русский Торгово-Промышл.	35,0	192,9	496,2
7	Русско-Французский	10,0	14,4	42,4
8	Соединенный	30,0	116,6	333,7
9	Азовско-Донской	50,0	206,7	543,5
10	Киевский Частный Коммерч.	5,0	2,7	14,2
11	Банк для торговли и промышл. в Варшаве	1,0	3,1	9,1
12	Лодзинский купеческий	5,0	9,0	29,3
	Итого	263,2	1154,6	2858,1
	В %-ном отношении к итогу всех 46-и акц. комм. банков.	45,3%	45,7%	46,4%

¹⁾ По данным на 1-е января 1914 г.

Таблица № 7.

II. Банки германской ориентации.

№№ по порядку.	Название банков.	Основные капиталы в милл. руб.	Вклады и текущие счета.	Баланс.
1	Русский для внешней торговли	50,0	227,1	628,4
2	Петербургский Международный.	48,0	264,0	617,5
3	Петербургский Учетный и Ссудный	20,0	62,7	208,0
4	Петербургский Торговый	10,0	15,1	62,6
5	Коммерч. банк в Варшаве	20,0	54,6	217,4
6	Варшавский Учетный.	10,0	7,0	14,9
7	Лодзинский Торговый	10,0	17,0	64,9
8	Рижский Коммерческий	10,0	28,1	107,0
	Итого	178,0	676,2	1920,7
	В %-ном отношении к итогу всех 46-и акц. комм. банков.	30,6%	26,8%	31,2%

III. Банки английской ориентации.

1	Русско-Английский	10,0	10,9	23,9
	В %-ном отношении к итогу всех 46-и акц. комм. банков.	1,7%	0,4%	0,5%

IV. Прочие банки.

1	Число банков—25.	130,0	685,0	1362,4
	В %-ном отношении к итогу всех 46-и акц. комм. банков.	22,4%	27,1%	21,9%

Но монополизация русской банковской системы происходила под непосредственным руководством европейского финансового капитала. Располагая концентрированной мощью банковского кулака, иностранный капитал держал в своих руках одну из решающих командных высот русского народного хозяйства. Дело нисколько не менялось от того, что подавляющая часть средств, которыми орудовали „русские“ банки, была не иностранного, а туземного происхождения. Распоряжение этими средствами находилось в руках иностранного капитала, верным приказчиком которого служило русское министерство финансов.

Овладение русской банковской системой не было, однако, для иностранного капитала самоцелью. Наши банки призваны были служить посредниками между русской промышленностью и европейской биржей, точнее — орудием в руках европейских биржевых королей для включения русского народного хозяйства в сферу влияния европейского финансового капитала. В авангарде последнего шли французские банки, добившиеся, как мы видели, в течение предвоенного пятилетия преобладающего влияния на русскую банковую систему. Рост заинтересованности французского капитала в русском банковом деле, как совершенно правильно отмечают „Биржевые известия“ (от 1-го марта 1913 г.) несомненно стояло в связи „с тем новым громадным притоком французского капитала в нашу промышленность, который имел место в последние годы чрезвычайного под'ема нашей экономической жизни“...

Годы предвоенного промышленного под'ема были периодом усиленной реорганизации русского капитализма, периодом форсированного перехода от свободной конкуренции к монополиям. В подобной трансформации банковому капиталу принадлежит, как известно, не последнее место. В русских условиях эта роль банкового капитала была особенно значительна. Русский промышленный капитал, срашиваясь с банковым, тем самым срашивался с европейским финансовым капиталом. Необходимо, кроме того, иметь в виду, что последний был также фактическим распорядителем действовавшего в России иностранного промышленного капитала. Масса французских, бельгийских и пр. иностранных держателей русских промышленных ценностей была, конечно, лишена всякой возможности принимать реальное участие в управлении своими капиталами, помещенными

в России. Полномочным представителем этих акционеров выступали иностранные банки, действовавшие обычно через свои русские филиалы. Неудивительно после этого, что в процессе сращивания банкового капитала с промышленным и перехода русского капитализма в свою монополистическую стадию, банки играли исключительно важную роль. Выяснению роли банкового капитала в указанном процессе посвящена подготовляемая нами к печати вторая часть настоящей работы.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.

Общая литература монографии.

- Agard.—Grossbanken und Weltmarkt.
Брандт.—Иностранные капиталы в России.
Его же.—Торгово-промышленный кризис, ч. II.
Ванаг.—Финансовый капитал в России накануне мировой войны.
Weber.—Depositenbanken und Spekulationsbanken.
Wolf.—Das Gründungsgeschäft im deutschen Bankgewerbe.
Воронов.—Иностранные капиталы в России.
Гензель.—Роль банков и кредита в современной дороговизне.
Гильфердинг.—Финансовый капитал.
Гливиц.—Железная промышленность России.
Гольдштейн.—Экономическая политика.
Гурьев.—Записка о промышленных банках.
Его же.—Очерк развития кредитных учреждений в России.
Зак, А.—Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности.
Зив.—Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях.
Его же.—Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности.
Ischaniap.—Die ausländische Elemente in der russischen Volkswirtschaft.
Jeidels.—Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie etc.
Kaufmann.—Das französische Bankwesen.
Кафенгауз.—Синдикаты в русской железной промышленности.
Каценеленбаум.—Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции.
Claus.—Das russische Bankwesen.
Его же.—Die Kriegswirtschaft Russlands.
Левин, И.—Акционерные коммерческие банки в России.
Его же.—Германские капиталы в России.
Его же.—Банки и экспорт.
Lewin, J.—Der heutige Zustand der Aktienhandelsbanken in Russland.
Ljefmann.—Beteiligungsgesellschaften und Finanzierungsgesellschaften.
Ленин.—Империализм, как новейший этап капитализма.
Мигулин.—Наша банковая политика.
Его же.—Иностранные капиталы в России. (Вестник Русско-Англ. Торг. Пал. 1913, № 3).
Obst.—Das Bankgeschäft.
О желательных изменениях в постановке акционерного банкового дела в России. Записка К-та Съездов представителей акц. комм. банков.
Оль.—Иностранные капиталы в России.
Основные тенденции в развитии акционерных коммерч. банков в России. Изд. О-ва финансовых реформ.
Rieser.—Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration.

- Покровский, М. Н.—Очерки по истории рев. движ. в России XIX и XX в.
Его же.—Русская история в самом сжатом очерке, ч. III.
Его же.—Русская история, т. IV.
Финн-Енотаевский.—Современное хозяйство России.
Его же.—Современный капитализм. („Современный мир“ 1913 г. № 12).
Цыперович.—Синдикаты и тресты в России.
Шванебах.—Денежное преобразование и народное хозяйство.
Schmalenbach.—Finanzierungen.

Справочная и статистическая литература.

- Банки и кредитные учреждения—под ред. Макарова.
Börsen—Kalender.
—Деятельность русских акционерных коммерческих банков.
Евзлин.—Банки и банкирские конторы.
Ежегодники министерства финансов.
Jahrbuch der russischen Aktienbanken—под ред. Вьсоцкого.
Отчеты и балансы акционерных коммерческих банков.
—Петроградский Частный Коммерческий Банк за 50-летие его существования (1864—1914).
Пушкин.—Статистика акционерного дела в России.
—Русские банки—под ред. Голубева.
Русские биржевые ценности 1914—15 г.—под ред. Боголепова.
Русский денежный рынок 1908—1912 гг.
Статистика акционерного дела в России.
Статистический ежегодник—под ред. Шарого.
—Статистика краткосрочного кредита, под ред. Голубева (1894—1900, 1901—8 гг.).
Труды 1-го съезда представителей провинциальных акц. коммерч. банков.

Периодические издания.

- Банки и биржа.
Die Bank.
Банковая и торговая газета.
Биржа.
Биржевые ведомости.
Биржевые известия.
Вестник финансов, промышленности и торговли.
Ежегодник „Речи“.
Коммерческая школа и жизнь.
Торговля и промышленность.
Торгово-промышленная газета.
Финансовое обозрение.

Материалы и документы.

Архив Особенной Канцелярии по кредитной части б. министерства финансов.

Примечания. Ссылки на архив Особенной Канцелярии без дальнейших указаний относятся к материалам 3 стола 5 отделения. Разрядка, принадлежащая автору цитируемого сочинения, везде оговорена.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловия	1-V
Введение	1
Гл. I. Связи русских банков с иностранным капиталом до 1890-х гг.	18
Гл. II. Роль банков в промышленном подъеме конца XIX века	25
Гл. III. Рост заинтересованности иностранного капитала в русском банковом деле в годы депрессии.	45
Гл. IV. Как иностранный капитал овладел русской бан- ковой системой. Цифры и факты	60
Гл. V. О так называемом „парализующем влиянии“ министерства финансов	83
Гл. VI. Создание банковых монополий	106
Указатель использованных источников	142

Схема основных связей русских акционерных коммерческих банков с иностранными кредитными учреждениями.

